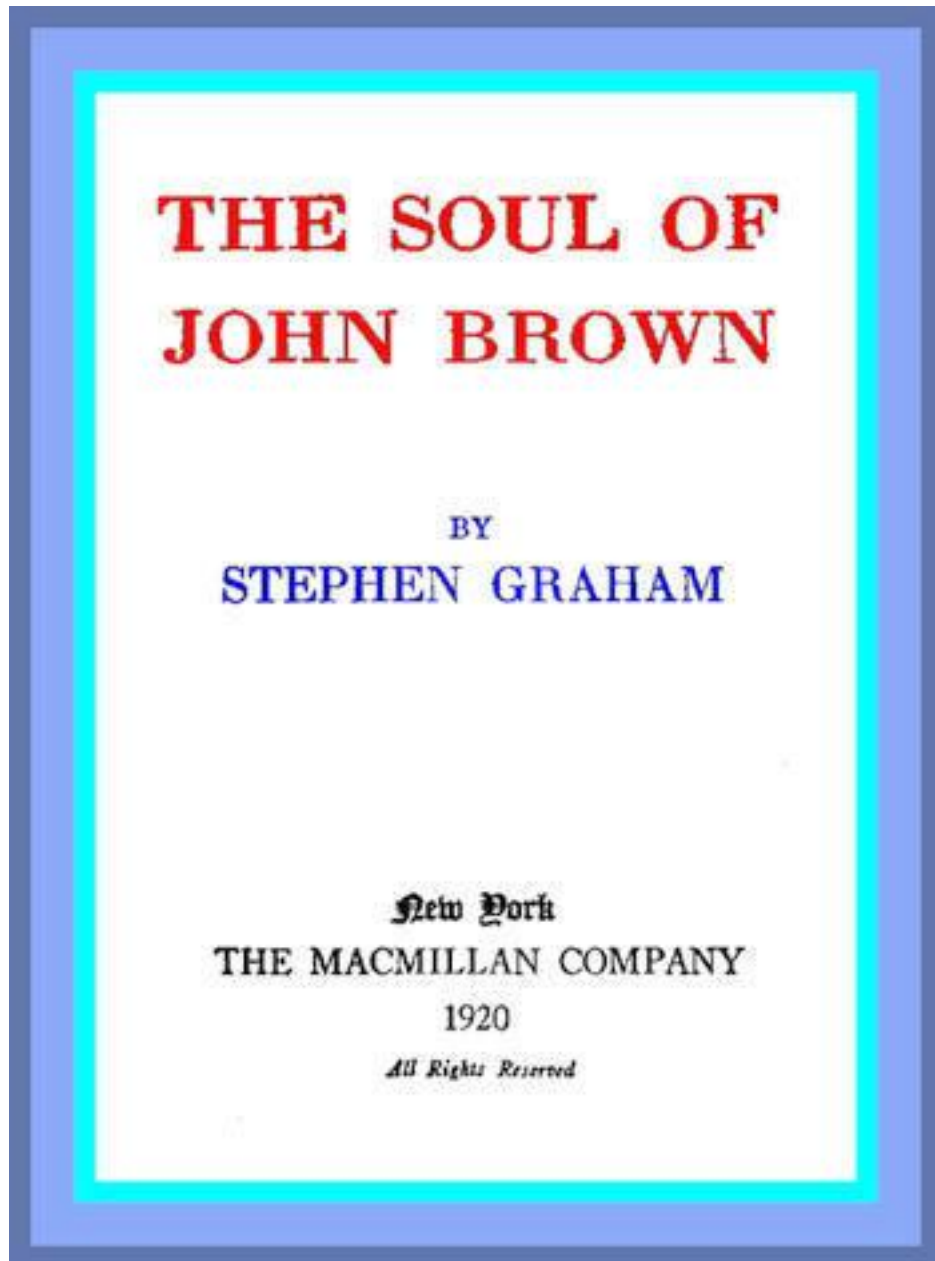

Душа Джона Брауна

Стивен Грэм

The Project Gutenberg eBook of The Soul of John Brown.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Soul of John Brown

Автор: Стивен Грэм

Дата выхода: 10 февраля 2015 [eBook #48230]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Джованни Фини и группой онлайн-дистрибуции Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE SOUL OF JOHN BROWN ***

ДУША ДЖОНА БРАУНА

КОМПАНИЯ "МАКМИЛЛАН
НЬЮ-ЙОРК - БОСТОН - ЧИКАГО - ДАЛЛАС
АТЛАНТА - САН-ФРАНСИСКО

МАКМИЛЛАН И КО, Лимитед
ЛОНДОН - БОМБЕЙ - КАЛЬКУТТА
МЕЛЬБУРН

МАКМИЛЛАН КО. OF CANADA, Ltd.
ТОРОНТО

ДУША ДЖОНА БРАУНА

СТИВЕН ГРЭМ

Нью-Йорк

КОМПАНИЯ МАКМИЛЛАН

1920

Все права защищены

Авторское право, 1920 год,

THE MACMILLAN COMPANY

--

Настроено и напечатано. Опубликовано в октябре 1920 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава	Страница
I Размышления о рабстве	3
II В Виргинии	22
III Ораторы и актеры, проповедники и певцы	70
IV В Теннесси	97
V Марш по Джорджии	119
VI Путешествие к морю	152
VII После войны: голосование	182
VIII В Алабаме: Цвет и цветовые предрассудки	195
IX Точка зрения южан	211
X Исход	232
XI В Северной Флориде и Новом Орлеане	240
XII Новый негритянский разум	263
XIII Негритянское лидерство	282
XIV Мировой аспект	291
XV Вверх по Миссисипи	309
XVI В Виксбурге	328

Негры-рабы были освобождены в 1863 году. Их и их детей насчитывается двенадцать миллионов из ста миллионов представителей всех рас, смешавшихся в Америке. Что представляют собой дети рабов сегодня?

МЫСЛИ О РАБСТВЕ

Хотя Чарльз Линч из Вирджинии подвешивал британских фермеров за большие пальцы, пока они не выкрикивали "*Свобода навеки!*", и с тех пор не прекратились самосуды, Америка все же в основе своей свободна, или, по крайней мере, такой ее хотели сделать идеалисты и политики, которые ее создали. Америка - это живой упрек Европе, и в целом она задумывалась как страна, где люди не должны терпеть никаких посягательств на свою личную свободу, где они должны в полной мере пожинать плоды своего труда, где никто не должен посягать на их суровую независимость или нарушать суверенное равенство их социальных прав, где правительство должно быть полностью основано на согласии управляемых, не спускаться сверху, как от высших существ или хозяев, а контролироваться снизу, от широкой базы трудящегося человечества.

Первыми первооткрывателями были грабители и искатели варварского золота и драгоценных камней, но настоящими первопроходцами были богобоязненные люди, которые заложили основы современной американской цивилизации честным трудом и безграничной верой в развитие свободной демократии. Поэтому институт рабства был тем, что в теории вызывало наибольшее отвращение в американском сознании. Любопытная аномалия заключается в том, что спустя совсем немного времени после принятия Декларации независимости земля, от которой отделилась Америка, стала свободной от рабства, а британский флаг - флагом свободы. Но Америка, освободившись от политического вмешательства Британии, тем не менее унаследовала негритянское рабство, а экономическое процветание по крайней мере половины страны было основано на самом отвратительном рабстве в мировой истории. Те, кто бежал из Европы, спасаясь от тиранов, сами, в силу обстоятельств, стали тиранами.

Не то чтобы кто-то желал рабства в Америке или стремился к нему. Это была экономическая случайность. Оно появилось в Америке раньше, чем большинство американцев. Первые негры-рабы были привезены по реке Джеймс в Вирджинии еще до прибытия "*Мэйфлауэра*", и, как говорят сегодня негритянские ораторы, "если долгое пребывание в этой стране делает человека хорошим американцем, то мы - лучшие американцы из всех, кто здесь есть". К моменту войны с Британией рабство достигло огромных размеров. Новая Америка 1783 года, стоявшая на пороге современной эры, унаследовала ужасное бремя в виде миллионов рабов. Это бремя вросло в живую плоть Америки, и никто в то время не осмеливался столкнуться с проблемой освобождения от него.

На самом деле американский народ в целом был мало ответственен за институт рабства. Первопроходцы ненавидели и боялись его. Плантаторы всегда осуждали его в теории, а после эмансипации 1863 года ни один здравомыслящий человек на Юге никогда не желал его возвращения. Даже в тех штатах, где рабство пустило глубокие корни и проявило свои худшие черты, на протяжении XVII и XVIII веков колонисты оказывали упорное сопротивление внедрению подневольного труда чернокожих.

В качестве примера одной колонии, в какой-то мере характеризующей все отношение колонистов к рабству, можно привести Джорджию. Изначально Джорджия была приютом для плохих мальчиков из слишком уважаемых британских семей, а также для

освобожденных каторжников и безнадежных пьяниц. Королевская хартия гарантировала свободу вероисповедания (за исключением папистов), на торговлю вест-индским товаром было наложено эмбарго, чтобы остановить приток рома, а рабство негров было запрещено. Все для блага развратников, начинающих жизнь заново!

Инвалиды и купцы селились на побережье и создавали общество Саванны. Плохие мальчики оказались слишком бедным материалом для основания колонии, и для этого был создан специальный корпус из ста тридцати бережливых и трудолюбивых шотландцев и ста семидесяти тщательно отобранных немцев. Настоящая работа в Джорджии началась в Эбenezере, на реки Саванна, и в Нью-Инвернессе. Купцы стремились ввести рабство, шотландцы и немцы - не допустить его. В Саванне каждый вечер вежливое общество поднимало тост за "*единственную необходимую вещь*" - рабство. Горожане часто говорили о том, что если в Джорджию будут завезены рабы, то она получит дополнительное процветание: хлопок, рис, древесину и все то, что посредники смогут перепродать. Служители религии проповедовали в церквях в пользу института, санкционированного Библией, и считалось, что Христос оказывает услугу, вывозя чернокожих из Африки, где они были несколько недоступны, и бросая их в лоно христианской семьи в Америке. Но шотландцы и немцы выступали против разрешения зла, шокирующего человеческую природу и способного со временем оказаться не благословением, а бичом.

В Южной Каролине рабство было в полном ходу, и богатство каролинских купцов досаждало тощим торговцам Джорджии. Корысть побуждала прибегать к скрытым средствам для достижения желаемой цели. Рабы ввозились на условиях пожизненной аренды от владельцев из Южной Каролины. Свободу и энергию негра нельзя было купить, только арендовать на девяносто девять лет, но и этого было достаточно. Свобода пала, хартия была отменена, и под властью королевского губернатора шлюзы рабства были широко открыты. В свое время Джорджия стала одним из худших рабовладельческих штатов Юга. Она и по сей день остается одним из тех, где в любом случае современная летопись сожжений и линчеваний наиболее яркая. Было бы небезопасно сделать вывод, что введение рабства нанесло душам коренных немцев, шотландцев, англичан и их потомков не меньший вред, чем самим неграм.

Однако поселенцы не любили нанимать рабов, и в течение нескольких лет ситуация практически не менялась. Именно богатые иммигранты из Южной Каролины и других мест начали крупные посевные кампании с использованием труда чернокожих рабов. Бедный белый рабочий класс постепенно разорялся из-за конкуренции с рабским трудом. А потом стало общепринятым, что все должны нанимать рабов, а белому человеку неприлично трудиться своими руками. Бедных белых презирали больше, чем черных рабов, а зачастую, как это ни парадоксально, и последних. В некоторых районах возникли банды белых цыган и грабителей, называемых "пинлендерами", которые воровали как у черных, так и у белых и жили на свой страх и риск.

В Африке негритянские племена дико боролись друг с другом и продавали своих пленников негритянским торговцам или белым агентам, которые тащили их на побережье. Там их сгружали в трюмы шумных рабовладельческих судов, без разбора, голыми, по воле случая: жестоких связывали или заковывали в цепи, более мягких отвязывали. Никто не знал, куда они направляются, и даже те победоносные племена, которые продавали их белому человеку, ничего не знали о месте назначения жертв, которых они таким образом отправляли. Сотни тысяч, а может быть, и миллионы соплеменников всех видов и оттенков черного и коричневого были таким образом вывезены в Индию и колонии и проданы в рабство цивилизованному миру. Прибыв в Америку, рабы продавались купцам или

выставлялись на аукцион как обычный скот и отправлялись на работу в другие страны. За здорового раба-мужчину хороших размеров и в расцвете сил можно было выручить тысячу долларов, за молодых женщин - восемьсот долларов, а за девушек небольшого роста - пятьсот. Олмстед приводит прецедент, который ему передал один из торговцев; это было в 1853 году.^[1] В более ранние годы цена была значительно ниже и всегда варьировалась в зависимости от спроса. Необработанные негры продавались не как свита для богачей, а как колониальный товар, который нужно было обрабатывать, как скот, на фермах и плантациях. Основным продуктом был хлопок, и, вспоминая то время, мы должны окинуть взором огромные пространства хлопковых плантаций и увидеть всю основную работу, выполняемую негритянскими бригадами мужчин и женщин под руководством погонщиков рабов. Как описывает Олмстед бригаду женщин в характерном отрывке: "Надсмотрщик скакал вокруг них на лошади, неся в руке кнут из сыромятной кожи... но как только он посещал один конец линии, руки на другом конце прекращали свою работу, пока он не обращался к ним снова. Неуклюжие, неловкие, грубые, слоноподобные во всех своих движениях; надутые, ухмыляющиеся и подглядывающие за нами; хитрые, чувственные и бесстыдные во всех своих выражениях и поведении; я никогда прежде не был свидетелем, думал я, чего-либо более отвратительного....". В 1837 году вся Джорджия, да и весь Юг, обрабатывалась черными рабами - бедная белая рабочая сила (в основном ирландцы) сократилась почти до полного исчезновения. Рабский труд был основан на рабской дисциплине, а дисциплина - на наказаниях. Дикари не проявляли особой готовности выполнять порученную им работу и не понимали, что им нужно делать. Можно ли было их уговорить или убедить - вопрос проблематичный. У фермеров нет ни времени, ни духа на уговоры. Самым быстрым способом было внушение ужаса или причинение боли. Возможно, все было бы иначе, если бы негр получил хоть какой-то положительный стимул к работе, но его не было. Поэтому его приходилось пороть. В самой маленькой банде был свой водитель с кнутом. Тот тип, которого сегодня вежливо называют "скороходом", был тогда человеком с кнутом. Он мог бы иметь больше власти, если бы использовал свой кнут редко и на самых упрямых рабах, но это было не в духе простого человека. Он порол сильно и часто. На типичной грузинской плантации полевой погонщик имел право нанести двенадцать ударов плетью в случае возникновения проблем. Главный водитель мог дать тридцать шесть, а надсмотрщик - пятьдесят. Каждое утро надсмотрщик или его помощник в офисе устраивали дюжину или около того специальных порков. Женщинам приходилось хуже, чем мужчинам. При малейшей провокации их скучную одежду сбрасывали через голову и подвергали избиению. Голых мальчиков и девочек привязывали за запястья к сучьям деревьев так, что пальцы их ног едва касались земли, и били плетью. Это делал надсмотрщик, сын хозяина, а иногда и сам хозяин.

В Вирджинии, Каролине и других местах были приятные исключительные дома, где не было порки и жестокости, а вместо этого царил большая взаимная привязанность. Возможно, рабство и там было неправильным, а может быть, и оправданным. Но не из-за счастливых рабов Джон Браун отправился в Харперс-Ферри, а из-за множества несчастных. Поскольку вся интенсивность негритянской проблемы сосредоточена в пороках института рабства, то настаивать нужно именно на них, хотя нельзя упускать из виду и исключения.

Часто говорят, что рабов редко обижали, потому что, поскольку они были собственностью, хозяин должен был заботиться о них и беречь их. Но это неверно. Люди получали удовольствие от избиения своих рабов, как получают удовольствие от жевания табака, употребления спиртных напитков и сквернословия. Это нравилось им все больше и больше. Во многих случаях от порки рабов не спасали ни мастерство, ни умение. Кроме того, в

Джорджии и других более торговых районах существовала теория, согласно которой выгоднее всего использовать рабов каждые семь лет, а затем пополнять их запасы.

Рабы, конечно, размножались, и можно предположить, что в целом было выгоднее иметь племенную ферму негров и продавать детей, чем отрабатывать их за семь лет. Но плантаторам было мало одного метода. Они пытались совместить семилетнюю систему и разведение одновременно. У каждой шестнадцатилетней девушки были дети, у каждой тридцатилетней женщины - внуки. Но женщины работали на хлопковых полях до последнего момента беременности, а через три недели после родов их отправляли обратно и даже пороли. Несчастные женщины лежали на соломе на земляных полах и стонали от мучений. Если их отправляли обратно в поле слишком рано, они испытывали ужасные физические мучения. Они часто взывали к своим хозяевам: "Я буду хорошим черномазым для Массы, я буду полезным черномазым". Но более половины их потомства погибало. Мать должна была быть достойной матерью, но нет, она должна была занять свое место на мотыге, вместо того чтобы заботиться о своих детях.

Настоящих негритянских семей было мало. Всех сгоняли в стада или разделяли, продавали партиями и перепродавали заново, почти не заботясь о семейных отношениях, хотя эти бедные, темные рабы создавали самые близкие и дорогие привязанности. Рабы горячо надеялись, что маса женится и заведет детей, чтобы после его смерти они не были проданы, а остались в семье.

В сексуальных отношениях царила нелегальность. Почти у каждого плантатора, кроме собственной семьи, был еще целый выводок цветных женщин. Ни одна девушка не ускользала от надсмотрщиков. Бедные белые и пинлендеры врывались в черные кварталы и насиловали там, где хотели. Брезгливости было мало, а эффективного сопротивления со стороны черных девушек - тоже. Институт рабства с его жестокостями огрубил сознание мужчин. Что касается негритянок, то можно понять, как мало женского стыда оставалось, когда голые бедра так часто обнажались и подвергались порке.

"О, но разве вы не знаете, разве никто никогда не говорил и не учил никого из вас, что это грех - жить с мужчинами, которые не являются вашими мужьями?" - спросила Фанни Кембл у рабыни. Та решительно схватила ее за запястье и воскликнула:

"О да, миссис, мы знаем, мы знаем все об этом достаточно хорошо; но мы делаем все, чтобы наша бедная плоть хоть немного отдохнула от кнута; когда он заставляет меня идти за ним в кусты, что толку, что я говорю ему "нет"? У него есть сила, чтобы заставить меня".^[2]

Вероятно, погонщики рабов и другие белые мужчины получали некоторое чувственное удовлетворение от порки женщин. Жестокость такого рода часто ассоциируется с сексуальной извращенностью. Похищение негритянских женщин демонстрировало животную волю и было актом большей развращенности, чем обычные отклонения от прямого и нравственного пути. Не то чтобы не было гордости за бледных младенцев и даже готовности некоторых негритянок отдаться белым мужчинам. Как говорилось в одной плантаторской песне: "Двадцать четыре черные девушки не могут сами сделать одного ребенка-мулата".

Поркой, изнасилованиями и бесчеловечным бездушием белый Юг выражал свою реакцию на рабство чернокожих. Были и сожжения, и демонические пытки, и порка до смерти, и все мыслимые человеческие ужасы. Можно спросить: *как получилось, что те, кто так высокопарно протестовал против введения рабства, не использовали рабов по-доброму и по-человечески, когда были вынуждены их иметь?*

Ответ, как мне кажется, кроется в том, что ни один человек не настолько хорош, чтобы полностью контролировать другого человека. Ни одному человеку нельзя доверять. Дайте своему лучшему другу или соседу власть над вами, и вы удивитесь, как он ею воспользуется. Даже жены и дети в этом отношении не находятся в безопасности в руках своих мужей и родителей, если они воспринимаются как собственность. "Она принадлежит мне, и я ее убью", - заставляет Горький сказать пьяного сапожника. "Ах, нет, она тебе не принадлежит; она женщина, а женщина принадлежит Богу", - говорит русский друг.

Действительно, в человеческом опыте мало что может быть страшнее ситуации, когда одно человеческое существо оказывается в полной власти другого, когда узник в темнице противостоит своему мучителю, когда беззащитная девушка полностью попадает во власть мужчины, когда Шейлок отдает ему Антонио и так далее.

Жестокость можно пробудить почти в любом мужчине и женщине - ее можно развить. Вкус к жестокости - это как вкус к выпивке, сексуальному желанию или наркотикам. Это вожделение. Это действительно одна из худших похотей. Можно простить или оправдать человеку другие похоти, но жестокость нельзя - да и не хочется прощать или оправдывать. И все же как легко она развивается.

Рассказывают невероятную историю о том, как надсмотрщик бил молодую девушку плетью, угрожая сжечь. Она убегает. На плантации наступает торжественный день. Белые люди преследуют ее на болотах с ищейками, и на их глазах ее разрывают на куски. Они любят зрелище ужаса даже больше, чем зрелище боли. Негр, обладающий нервной, возбудимой натурой, отмечен судьбой как объект для жестокости. Так происходит и сегодня, спустя долгое время после эмансипации; негр, в котором можно пробудить истерический страх, скорее всего, будет линчеван, преследован толпой или медленно сожжен для ее удовольствия. Еще страшнее, чем сам акт жестокости, - состояние души тех, кто может смотреть на него и злорадствовать. В конце концов, линчевание часто можно оправдать. Мужчина совершает чудовищное преступление против женщины, скандализируя общество, и оно берет закон в свои руки. О правоте поступка можно спорить. Но каково состояние души тысячной толпы, наблюдающей за сгорающим негром, радостно слушающей его вопли и крики "пусть он умрет медленно"? Это ужасающее откровение дьявола в человеке.

И несмотря на то, что такая жестокость мучает разум нежного и сочувствующего человека, мы должны оставаться терпимыми в суждениях. Мы не должны терпеть нетерпимость; во всех остальных отношениях мы должны быть терпимы.

Жестокость заложена в человеке. Плантаторы поступали естественно с рабами, попавшими в их власть. Белый Юг и сегодня скатился бы к такому же образу жизни, если бы рабство было введено. Более того, и вы, и я, и каждый человек, если только он не обладает исключительным характером, поддались бы этой системе и опозорили бы себя подобной жестокостью. В большинстве из нас до сих пор таится не изгнанный до конца демон, которого легко вернуть обратно. Похоть живет на похоти и становится сильнее; а жестокость, как и другие вожделения, - это желание плоти, и она легко может превратиться в пожирающую привычку. После совершения акта жестокости или похоти мы становимся еще большими грубиянами, чем до его совершения, и готовы совершить еще больше или еще хуже.

С жестокостью соседствует черствость. По отношению к существам, на которых мы удовлетворяем свою похоть, возникает безразличие, которое меньше, чем обычная человеческая беспечность. Порка превращает человека в тяжелый тип, который выглядит так, будто ему всегда была нужна порка. Порка перестает быть пикантной. Старая негритянка

с грубыми человеческими похотями, написанными на ее теле, даже не ужасна и не отталкивающа, *elle n'existe plus*. Старый, изможденный труженик ложится умирать в грязную солому, мухи собираются вокруг его рта, и умирает без единого христианского утешения или христианского сочувствия. Хотя священнослужители красноречиво рассказывают о христианских преимуществах негров, привезенных из языческой Африки в христианскую Америку, быстро формируется убеждение, что в конце концов негры подобны животным и не имеют душ, которые нужно спасать.

Это бездушие проявилось в продаже рабов, разделении чернокожих мужа и жены, родителей и детей, семьи и рода, с тем безразличием, с каким пастух отделяет и отрывает овец от своего стада. И это несмотря на явную страстную нежность и привязанность раба к рабу, а иногда и раба к хозяину и дому.

Состояние рабов становилось все более плачевным, оставленным человеком, неизвестным Богу. Тюремные сумерки затмили свет залитой солнцем Южной страны. Среди рабов рождалось сознание печальной, грустной судьбы. Все племена негров стали единым сообществом страдальцев. И постепенно они перестали быть простыми дикарями. Они становились чем-то высшим - через страдания. В течение долгих лет даже проповедовать им Христа считалось преступлением. Рабов били, когда узнавали, что они приняли крещение. Но прежде чем негры пришли к Христу, они должны были стать гораздо ближе к Нему, чем их хозяева. Обучение раба чтению и письму было незаконным. Но негры таинственным образом узнали код белого человека, тайно получили его Библию и погрузились в Ветхий и Новый Завет. Белый человек справедливо опасался, что распространение образования среди рабов поставит под угрозу институт рабства. Они говорили о рабстве как об институте, как будто он единственный в мире. Они также опасались распространения христианского учения.

Как оказалось, негритянская душа очень жаждала религии и очень глубоко пила из колодцев Божьих. Негры научились петь вместе, тем самым впервые выражая корпоративную жизнь. Они черпали из истории о страданиях Израиля отголоски своей собственной жизни и создавали свои едва слышные гимны, которые до сих пор остаются единственной фольклорной музыкой Америки.

Спускайся, Моисей,

В Египетские земли.

Скажи старому фараону.

Отпусти мой народ!

Израиль был в стране Египетской,

И так сильно страдал, что не мог устоять.

Уходи народ!

или бесконечно трогательная и прекрасная

В долине

На коленях

С моим бременем

И Спасителем моим.

Я не мог слышать, как кто-то молится, Господи,
Я не мог слышать, как кто-то молится.
Вон там, внизу.
Сам по себе
Я не мог слышать ничьих молитв.

Прохладные воды
в Иордане,
Пересекаю
в Ханаан,

Я не мог слышать, чтобы кто-нибудь молился, Господи,
Я не слышал, чтобы кто-то молился.
Там, внизу, в одиночестве.
Я не мог слышать, чтобы кто-то молился.

Аллилуйя!
Беды позади
В Царстве
С моим Иисусом.

Я не слышал, чтобы кто-то молился, Господи,
Я не слышал, чтобы кто-то молился.
Вон там, внизу.
Сам по себе
Я не мог слышать, как никто молится.

Бедному рабу было очень тесно в одиночестве, и он не мог слышать ничьих молитв. Иисус, казалось, был рожден специально для него, чтобы любить его душу, когда никто другой не был готов любить ее, утешать его во всех его страданиях и обещать ему те счастливые небеса, где беззастенчивый старый шерстяной голова может сидеть рядом с Марией и "играть с дорогим Сыном", как выражается другой "духовник".

Первые негритянские проповедники и евангелисты подверглись неизбежным гонениям, и так же неизбежно эти гонения потерпели неудачу. Север стал очень отзывчивым, и Библий на Юге стало так же много, как цветков одуванчика. Она стала уникальной учебной книгой негра. Только она питала его духовное сознание. Он сразу же оценил ее ценность для себя, и она стала его величайшим сокровищем, его единственной защитой от рабства. Он выучил ее наизусть, и среди негритянских масс появилось большее знание Библии, чем среди любого другого народа в мире. Так происходит и по сей день, хотя и понемногу угасает. Духовная жизнь негров стала как бы ответным маяком на пыл аболиционистов Севера, большинство из которых были страстными христианами пуританского толка.

Юг стал угрюмым, бесконечно подозрительным и беспокойным, раздраженным и боязливым. Он начал опасаться всеобщего восстания рабов. Численное превосходство негров представлялось разуму как постоянно растущая угроза. Идея эмансипации была чревата экономическим крахом, который она несла. Сейчас трудно воскресить в памяти мысли общества, предшествовавшие великой Гражданской войне. Сейчас модно подчеркивать технический аспект ссоры Севера и Юга и говорить, что война велась для того, чтобы сохранить Союз. Но правильнее было бы сказать, что война велась потому, что Юг

хотел отделиться. А Юг хотел отделиться, потому что с каждым днем все яснее видел, что институт рабства находится в опасности. Каждый месяц, каждый год были особые поводы для раздражения, предчувствия вспышек пламени, мелких взрывов и угроз. С каждым годом бежало все больше рабов. Так называемая "подземная железная дорога", с помощью которой Друзья помогали бедным беглецам и доставляли их из опасностей и бедствий в убежище Севера, становилась все лучше и лучше организованной. С другой стороны, наказания обнаруженных беглецов становились все более варварскими и все более публичными, и ярость Севера разгоралась.

Героический Джон Браун предпринял неудачную попытку поджечь восстание рабов, совершив дикий подвиг в Харперс-Ферри. И тогда Джон Браун, уже пожилой человек, с апостольским обликом и пылом, был предан суду и осужден. Он не боялся смерти. Но он написал своим детям, что они должны "с несокрушимой ненавистью отвращаться от суммы всех злодеяний - рабства", а когда его вели к виселице, он передал случайному прохожему свои последние слова и завещание: "Я, Джон Браун, теперь уже совершеннолетний.

Я, Джон Браун, теперь совершенно уверен, что преступления этой *виновной страны* никогда не будут очищены иначе, как кровью. Я, *как мне теперь кажется, напрасно* льстил себе, что это можно сделать без *особого* кровопролития.....

И в своем плохо сидящем костюме, брюках и свободных ковровых тапочках Джон Браун был повешен молча и торжественно, и всех наблюдавших за ним солдат, даже самого Стоунволла Джексона, охватил какой-то предчувствуемый ужас. Вскоре началась великая война.

И рабы стали свободными. Такова их история. Что они делают сегодня?

II

В ВИРГИНИИ

Отменив рабство, человечество избавилось от великого зла. Рабовладелец бежал так же, как и раб. И хотя наше человеческое сочувствие с большей готовностью относится к самим рабам, тем не менее верно, что для духа и характера хозяев это было так же плохо, как и для их скота. Сегодня в Америке, особенно на Юге, существует наследственное пятно в сознании, полученное от рабства, и оно наблюдается у потомков хозяев в той же степени, что и у потомков рабов. Было бы ошибкой считать эту американскую проблему исключительно негритянской. Изучать белых людей так же необходимо, как и черных. Дети хозяев, надсмотрщиков и погонщиков рабов - совсем не то же самое, что дети из семей, где никогда не было рабов. Господство над людьми и власть над ними были заложены в их крови. Этим отчасти объясняется характер той части Соединенных Штатов, где рабов было больше всего, а также жестокость, грубость и чувственность, которые иногда обезображивают лицо общества в 1920 году. Старое мертвое "я" смотрит странным взглядом на новое "я", которое хочет быть другим.

Если вы увидите белого человека в Новом Орлеане, который катит свой кулак и изрыгает нецензурную брань в адрес "ниггеров", вы часто узнаете, что его отец был шофером на

плантации. А если вы услышите, как в столь характерной для Юга ненормальной манере нецензурные сексуальные разговоры о неграх льются из уст низкорослого жителя Висконсина, то вполне вероятно, что он сам полон странной черной похоти, а его отец и дед, возможно, беспорядочно нападали на негритянок и внесли свою лепту в создание расового позора на огромных ублюдочных территориях Юга. Если вы услышите человека, утверждающего, что негр - не человек, а животное, вы часто обнаружите, что он сам ближе к животному. Его отцы до него считали, что негры - животные, а не люди. И, считая их животными, они все же грешили вместе с ними и таким образом низводили себя до уровня животных. Вы видите толпу белых людей в окрестностях Саванны. В основном они гордятся своим английским происхождением. И все же они собираются заживо сжечь негра за убийство шерифа. Как такое возможно в нашем веке? Это возможно, потому что это в крови у детей. Они жаждут увидеть, как трещит в огне плоть дяди Тома, и услышать его истерические вопли. Это делали их отцы. Дети их детей будут делать то же самое, если это не будет искоренено волей всего общества.

Конечно, наследование зла не одинаково во всех слоях общества. Все наследуют что-то от порочного института, но не все одинаково. Ум грубого белого груб и ужасен, а ум утонченного, конечно, иной. Возможно, следует быть более снисходительным к бедным и более резким в критике богатых. Ведь все стоят вместе, и болезнь касается не только отдельных людей, но и всего общества. Богатые и культурные люди потворствуют жестокости масс, потому что те придерживаются точки зрения, несовместимой с их.

Те, чьи предки хорошо относились к рабам, утверждают, что они защищены от любой критики. В старину было много добрых и внимательных хозяев, к которым негры были замечательно привязаны. Но даже эти хозяева страдали от института рабства, как любой богатый человек страдает от зависимости от прислуги и слуг, которыми он практически владеет, как страдают все, кто оторван от реальности зарабатывать себе на жизнь наравне с соседями. А их дети, воспитанные среди безропотного раболепия негров, вырастают маленькими монархами или вождями и всегда ждут, что за них все сделают другие люди. Там, где обычные белые дети учились просить и говорить "пожалуйста", они учились приказывать, командовать и угрожать наказанием. Твердые губы образованного южанина имеют выражение, которое является полностью военным. В армии от нижестоящих не требуется ничего, кроме храбрости в день битвы. Все приказано. А власть приказывать и быть послушным быстро меняет выражение черт лица. Она изменила физиономию аристократии в южной части Соединенных Штатов. Все лица можно разделить на те, которые говорят "пожалуйста", и те, которые не говорят, и дети рабовладельцев в основном относятся ко второй категории. Безоговорочное господство, безразличие к грязи и несчастьям в классе слуг, бессердечное пренебрежение к чужой боли или удовольствию, получаемое от ее причинения; рабы считались животными, а не людьми, и к этому добавился грех скотоложства - использование низшей касты для удовлетворения грубых похотей, которые высшая каста не могла удовлетворить; купля-продажа существ, которые иначе могли бы принадлежать только Богу, - все эти ужасные грехи или греховные состояния настигают третье и четвертое поколение тех, кто ненавидит, хотя, как всегда следует сказать, милость Божья проявляется к тысячам из тех, кто любит Его и соблюдает Его вечные заповеди.

Дети рабов также наследуют зло от своего рабства. Самые страшные из них - обида и желание отомстить. Несомненно, рабство одурманило негра. Он стал пассивным вместилищем похоти белого человека. Большинство негров прибыли в Америку более чистыми в моральном отношении, чем сегодня. Будучи дикарями, они были ближе к

природе. Сейчас их умственный и духовный уровень гораздо выше, но они больше узнали о грехе, и грех написан на большинстве их тел. Наиболее остро он проявляется у мулатов и "почти белых" - у тех, чьи предки дольше всех находились в рабстве, он проявляется сильнее всего. Состояние последних рабов, ввезенных в Америку, гораздо проще и счастливее, чем у остальных. Моральный облик черных негров также проще, чем у бледных. Но это уже предвосхищение моего рассказа. Я взялся за изучение бывших рабов, потому что цивилизованному миру угрожает то, что можно назвать масштабной войной рабов. В России внуки крепостных свергли тех, кто когда-то был их хозяевами, и завладели землей и государством; в Германии восстал Спартак, чтобы свергнуть военное рабство пруссачества; во всех странах поднимаются наемные рабы. Существует огромное недовольство низов против верхов, пролетариев, которые ничего не имеют и никем не являются, против тех, кто благодаря наследству или достижениям попал в правящий класс. Негров ни в коем случае нельзя сравнивать с русскими по интеллектуальным или духовным способностям: они расово гораздо более неразвиты. Гораздо меньше отделяют русского крепостного от русского хозяина, чем раба от плантатора. Но именно потому, что контраст между американским белым и американским черным настолько резкий, а борьба настолько элементарна по своему характеру, нам показалось целесообразным исследовать американскую ситуацию. И если борьба более элементарна, то вряд ли можно сказать, что на карту поставлено не больше. Американский индустриализм охвачен волнами бурного революционного брожения. Если жестокое обращение с неграми, наконец, заставит двенадцать миллионов из них объединиться с революционной толпой, то вежливая Америка может быть повержена, а большая часть мира потеряна - если не всего мира, то, по крайней мере, того мира, который мы называем цивилизацией.

Что же делать с негром? Что он делает, как выглядит, что чувствует сегодня? Из современных книг много узнать невозможно, поэтому, следуя изречению: "Что примечательно, научись смотреть на это своими глазами", я отправился в Америку, чтобы увидеть.

В качестве образца я выбрал Олмстеда. В 1853 году Олмстед совершил знаменитое путешествие по приморским штатам, подняв свое зеркало над жизнью Юга во времена рабства. Книга, в которой записаны его впечатления и размышления, является одной из самых ценных в американской литературе. Этот великий исследователь природы методично проехал через Виргинию, Каролины и Джорджию, Алабаму и Луизиану. Паломничество, не похожее на его, нужно повторить и сегодня, чтобы узнать, как поживает бывший раб, чем он занимается, как удался эксперимент по его освобождению и каково его будущее в американском содружестве. Но поскольку Америка в 1920 году стала намного более развитой и более проблемной в различных областях ее национальной жизни, необходимо было провести более широкий, хотя и более быстрый, обзор всего Юга. Я совершил следующее путешествие по Америке: я медленно ехал на юг из Нью-Йорка в Трентон, Филадельфию, Балтимор и Вашингтон, останавливаясь на несколько дней в каждом из них и видя, как Америка становится все мрачнее, как это заметно, когда наблюдаешь за лицами из окон троллейбусов, едущих из города в город на юг. Я был на Саут-стрит в Филадельфии; наблюдал за хорошо оплачиваемыми ремесленниками и рабочими в доках Балтимора, посещал там вежливые дома цветного рабочего класса, более чистые, богатые, уютные, чем у среднего британского рабочего на Тайнсаиде или в лондонских доках. Я поднялся на Линкольн-Хайтс, чтобы поговорить с Нэнни Барроуз и увидеть ее хороший учебный колледж для цветных женщин; был в Говардском университете и беседовал с чернокожим и мягким профессором Миллером и с бледным и интеллектуальным Эмметом Скоттом. Я плыл по Потомаку до Норфолка, штат Вирджиния, великой военно-морской базы дяди Сэма, которая станет величайшей в мире; переправился в Ньюпорт-Ньюс и беседовал с черными

клепальщиками, рубщиками и другими работниками судостроительных верфей; затем, следуя путем первых английских колонистов, а также первых негров-рабов, поднялся по реке Джеймс до Джеймстауна и далее до Ричмонда, прекрасной столицы Старого Доминиона. Я посетил Линчбург и его табачную промышленность, а оттуда отправился в "трезвый" Ноксвилл, исследуя произошедшие там расовые волнения и отношение к ним Теннесси. Из Ноксвилла я отправился в Чаттанугу и Бирмингем, в каждом из этих крупных сталелитейных центров я встречался с ведущими неграми и изучал условия. Я был в Атланте и прошел через всю Джорджию к морю, следуя за Шерманом. Трехсотмильный путь через хлопковые поля и леса Джорджии был необходим для того, чтобы охватить широкую часть народных масс. Впечатление, которое оставила после себя армия Шермана, опустошившая страну и освободившая всех негров, также давало представление об исторической атмосфере Юга. Из Саванны, которая была той точкой на море, куда добрался генерал Шерман, я отправился в Брансуик и Джексонвилл, затем в Пенсаколу, а из Флориды - в Новый Орлеан и на плантации Персидского залива. На речном пароходе я поднялся вверх по Миссисипи, остановился в негритянском городе Маунд-Байю, побывал в Вicksбурге, Гринвилле и Мемфисе, а затем снова отправился на контрастный Север.

Пересечение линии Мейсон-Диксон было для меня скорее волшебным и удивительным событием. В конце концов, Север с его могучими городами и промышленно развитым населением - всего лишь проза для того, кто приехал из Англии. Пенсильвания - это проекция Ланкашира и Йоркшира, Нью-Йорк - проекция Лондона, а массивный Вашингтон обладает чем-то вроде гнетущей атмосферы английских парков и веллингтоний. Но на юге открывается другая, лучшая страна. Она очаровывает, заманивает. Там растут апельсины и пальмы, там жаркое солнце и яркие цветы. Люди там, надо полагать, обладают более романтическим нравом и более теплым воображением. Опираясь на огромный феодализм негритянского труда, там более величественный образ жизни, жизнь просторнее. А на курортах на побережье Флориды и Мексиканского залива огромное количество людей живет для удовольствия и счастья, а не для бизнеса и амбиций.

Вечером я отправился на белоснежном пароходе вниз по Потомаку в Олд-Пойнт-Комфорт, оставив позади шум и блеск Вашингтона и суету североамериканской цивилизации. Это был переход границы - без предъявления паспортов и осмотра чемоданов, переход в новую страну, с другим языком и другими устоями. Полная тишина реки составляла огромный контраст с шумом улиц Филадельфии, Балтимора и других городов, через которые я проезжал по пути на юг. Закат отражался в глубине потока, а по поверхности воды стелился туман. Затем луна посеребрила наш курс, окно моей каюты было полностью открыто, и луна заглянула внутрь. Я лежал на просторной кровати в коттедже и был очарован идеей отправиться в "Дикси", о котором мы все так много пели; а мягкий южный воздух и ночь, и гул речного парохода, скользящего по спокойной воде, давали уверенность в новом освежении духа. С причудливой неуместностью вся британская армия, да и вся нация, пела песни "Дикси" на протяжении всей войны - "Только попробуйте представить меня, там, в Теннесси", - постоянно спрашивали мы друг друга. Теперь, вот, война закончилась, и можно было поехать туда и немного забыть обо всей этой грязной и бурной европейской ссоре.

Всю ночь река шептала свое имя и убаюкивала лодку. Рассвет на широких безмятежных водах Олд-Пойнт-Комфорт был совершенно не похож на Север, откуда я приехал, и на последние десять дней, когда по торговым улицам суетились звенящие троллейбусы. На бледно-голубом небе засияла утренняя звезда, осветив побережье, как весталка, и мы посмотрели на Виргинию. По мере того как солнце всходило, все вокруг заволакивал пар. Мы вошли в порт Норфолк в тумане, который, казалось, с каждым мгновением становился все

теплее. На севере уже дули прохладные октябрьские ветры, но Вирджиния была от них защищена. В течение недели, которую я провел в городе Норфолке и на Хэмптон-Роудс, даже ночью в тени не было ниже 85. Однако погода была жарче, чем обычно бывает в Восточной Виргинии в это время года.

У меня сложилось впечатление, что в большом городе тесновато из-за недостатка пространства, и в этом, полагаю, я был прав. По общему мнению, за время войны население Норфолка увеличилось втрое, и его центр нуждается в просторной и достойной реконструкции. Когда Олмстед приезжал сюда в 1853 году, он пишет, что Норфолк был грязным, низким, плохо обустроенным городом, в котором не было ни лицеза, ни публичной библиотеки, ни садов, ни художественных галерей, и хотя в нем было два "Бетела", в нем не было "Домов моряков" и ни одного места для здоровых развлечений. Он скорее смеется над лейтенантом Мори, который в те дни прозревал Норфолк будущего и видел его одним из величайших портов мира, находящимся в середине Атлантического побережья и имеющим внутреннюю и внешнюю гавани с идеальными условиями для входа и выхода в любую погоду.

Сегодня видение лейтенанта Мори оказалось пророческим. На картах новой Америки, которая грядет, Норфолку суждено быть напечатанным все более крупными буквами. Война показала путь. Решимость Америки быть достойно вооруженной на море сделала его определенным, и в будущем Норфолк, вместе с Хэмптон-Роудс и Ньюпорт-Ньюс, должен стать главной военно-морской базой Атлантического побережья. Военная и военно-морская деятельность Норфолка во время войны была очень важна. Восточная Вирджиния была отличной тренировочной базой, а Норфолк - главным портом отправки войск в Европу. Судостроение и строительство военно-морских судов также шли полным ходом. По всей видимости, сюда привлекалось огромное количество рабочих, особенно негров. Число их, несомненно, преувеличено, но цветное население насчитывает сейчас около ста тысяч человек. Их привлекли высокие зарплаты и рекорд Норфолка по защищенности от насилия толпы. О линчевании никто не вспоминает. Во время войны могли возникнуть неприятности, но в Норфолке был отличный "городской управляющий", который всегда был наготове.

Однажды около пятисот моряков отправились "наводить порядок в цветном городе", но их встретили адекватные силы вооруженной полиции и морской пехоты, и они передумали. С другой стороны, толпа цветных экипажей и солдат начала нападение на городскую тюрьму, но несколько вооруженных людей быстро разогнали их.

Я сразу заметил, что негры Норфолка были гораздо более черными, чем вашингтонские или нью-йоркские. Их волосы были более грязными. Их глаза были более вытаращены. От них сильнее пахло. Когда чернокожая горничная находилась в моей комнате в течение двух минут, она наполнялась резким и тошнотворным запахом. В лифте стоял этот запах. Это был характерный запах моего первого южного отеля. Я заметил его в троллейбусе. Он витал среди овощей и фруктов на городском рынке. Действительно, он был во всем городе. Через некоторое время я привык к нему, и либерально настроенные люди сказали мне, что у каждой расы есть свой запах. Например, некоторые племена индейцев утверждали, что нет ничего более отвратительного, чем запах идеально чистого белого человека. Даже если в его присутствии появлялся человек, который каждый день принимает ванну и переодевается в идеально свежее белье, индейцу становилось плохо. Предполагалось, что негры замечают запах белых мужчин, но они слишком покорны и вежливы, чтобы обращать на него внимание. Однако этот момент в естественной истории человечества вызывает большие

сомнения. Запах, который мы имеем, - это запах животного в нас, а не более человеческой или духовной части нас. Известно, как пахнут медведь и лиса, что у волка запах сильнее, чем у собаки, а у дикой кошки - сильнее, чем у домашней. Говорят, что ищейки охотнее идут по следу негра, чем белого человека, и можно с полным основанием утверждать, что ужасный запах негров объясняется их большей близостью к животной стадии развития. Как бы то ни было, я вполне допускаю, что этот запах - то, с чем негру будет трудно смириться. Я узнал, что он очень чувствителен к этому, как и к своим кучерявым волосам, и что чем более образованным и утонченным он становился, тем больше стремился избавиться от этих следов. Это объяснило мне, почему на всех этих счастливых улицах процветающего Балтимора на каждом углу был "Салон красоты", где специалисты пользовались "Анти-Кинком" мадам Уокер, и почему преуспевающий негр-рабочий требовал, чтобы в его доме была ванная и горячая вода. Причина, по которой негры кажутся чернее на Юге, видимо, в том, что они сегрегированы в "джим-кроу" секциях машин, и ни одна чернота не сходит на белых людей, а, наоборот, усиливается тенью черных взглядов.

Кроме того, цветной народ здесь, кажется, разговаривает больше так, как и должен разговаривать, и не коверкает американский язык, как на Севере. У входа в мою комнату одна служанка говорит: "Ты дура, сестра Энн". "Да, сестра Сью, я именно такая", - отвечает другая и, смеясь, повторяет, как будто это величайшая шутка: "Я именно такая".

Я вышел на улицу в поисках преподобного Б..., ведущего цветного проповедника Норфолка. Я стоял в изумлении перед беленой часовней с большими фарфорово-синими витражами, на которых красочно изображалось крещение Господа и открытие небес над Иорданом. Пожилой негр в хлопчатобумажной рубашке остановился передо мной и заискивающе воскликнул: "Ты смотришь на церковь кудрявых людей; разве она не прекрасна?" Я воспользовался случаем и попросил позвать преподобного Би. Он провел меня за собой и указал на деревянные ступеньки, ведущие к достаточно красивому жилищу.

При виде меня на лице преподобного Б... на секунду мелькнуло сомнение, но только на секунду. Инстинктивно чувствовалось, что здесь, в Вирджинии, где резко очерчена цветовая граница, ни один белый человек не представит себя на равных условиях чернокожему без желания покровительствовать или какого-то коварства. Редко кто из белых обращается к образованному чернокожему, и очень редко, когда он приходит к нему прямо, честно и искренне. Так и преподобный Б... на мгновение проявил сомнение, а затем, после нескольких слов, его сомнение исчезло. В моих последующих путешествиях и приключениях так было всегда - сомнение на первый взгляд, а затем, быстро, пробуждение безоговорочного доверия и уверенности. Лично я нашел негров почти всегда дружелюбными. Мистер Б... был худощавым, интеллигентным молодым человеком, способным белым человеком под вуалью темной кожи. Он был полностью белым. Я посмотрел на его покрытые паутиной руки - как жаль, казалось, что, находясь так близко, он не может быть *совсем белым*. И все же я понял, что у таких мужчин и женщин, какими бы светлыми они ни были, психика другая. Даже в самых близких белых есть что-то сильно и неумолимо негритянское.

Преподобный Б... возил меня по всему городу. Очевидно, он был очень хорошо известен цветным, потому что наш разговор переплетался с непрекращающимся...

"Как дела, Ревран?"

"Как дела?"

Он показал мне свою очаровательно построенную церковь (не ту, что с фарфорово-голубыми окнами), выполненную в изящном подковообразном стиле, с градуированной, покатою галереей, богато украшенными окнами и огромным количеством сидений с красными подушками. Чернокожий органист играл на органе, а объемная сумрачная женщина с большими руками чистила и вытирала пыль на скамьях внизу.

Каждое воскресенье под началом преподобного Б... сидела изрядная доля качественного цветного населения Норфолка. "Я рад, что вы пришли ко мне, потому что я могу показать вам современную и правильную церковь", - сказал пастор. Таких церквей в Норфолке девять или десять, но когда незнакомец просит показать ему негритянскую церковь, его обычно ведут в какую-нибудь заштатную скинию Святых людей или в какую-нибудь странную секту, где все кричат "Аллилуйя", и все это выглядит очень смешно. Но если вы придете ко мне в воскресенье утром, то услышите службу, которая по достоинству и духовному совершенству сравнится с любой службой белого человека в любой части света. Вы не должны думать, что мы все еще сборщики хлопка и менестрели, и ничего больше. В этом городе Норфолке очень много негритянского богатства и утонченности".

"Как вы ладите с белыми священниками?" - спросил я. спросил я. "Работаете ли вы вместе?"

"О, белые священники не узнают черных на улице", - ответил он. "Мой сосед, например, хорошо знает меня на баптистской конференции, и по его разговорам я вижу, что он знает все о моей церкви. Но здесь, в городе, он не может позволить себе знать меня. Однако в его церкви нет и половины такого количества прихожан, и они не платят ему и половины той зарплаты, которую платят мне мои люди. Он не смеет тратить на свою одежду столько, сколько трачу я; у него нет такого хорошо обставленного дома. И все же, если мы встретимся на улице, он меня не узнает".

Очевидно, это была больная тема.

Мы отправились в банк Брауна. Браун отправился в Филадельфию, чтобы открыть второй негритянский банк. Первый существует уже десять лет. Браун - финансист и нечто большее. Ведь он поощряет негритянские театры и очень помогает своим людям на их пути. Мы также посетили вежливое здание Тайдуотерского банка и трастовой компании, которое было построено после перемирия. "Его заказали негры и построили только негры", - с гордостью заявил казначей - тупой, пулеголовый, капризный парень, с огромным желанием продвигать бизнес и суесться. Все клерки и стенографистки на сайте были цветными. Каждый кассир сидел в своей стальной клетке, ключ от которой был только у него. Работала вся новейшая банковская техника, включая сепаратор монет, счетчик и упаковщик, а также суммирующую машину. Под руководством цветных я обработал воображаемый счет, используя суммирующую машину, и дал согласие на ее непогрешимость. Они показали мне свою комнату для хранения денег, и я заглянул в их денежные запасы. Затем казначей и "Реврун" повели меня на высокую гору, а именно в зал заседаний правления, который находился на галерее, откуда открывался вид на всю рабочую часть банка.

"Мой девиз, - сказал казначей, - таков: "Люди, которые работают на нас только до тех пор, пока им платят, обнаружат, что им платят только за то, что они сделали". Мы работаем здесь, пока не закончим, будь то одиннадцать или двенадцать часов ночи. Тот, кто не трудится, не для нас".

Мы поговорили о неграх.

"Он должен завоевать свободу", - сказал банкир. "Ее нельзя завещать, ее нужно завоевывать. Вы не можете получить искупление без пролития Драгоценной Крови, не так ли, преподобный? Я борюсь за негров, преуспевая в бизнесе. Есть только одна вещь, которая может принести ему уважение, и это - достижения".

Это были его самые впечатляющие слова. Мы вышли из нового банка.

"У него есть и машина, и лимузин, и прекрасно обставленный дом, и гувернантка для его детей", - сказал преподобный Б..., когда мы снова вышли на залитую солнцем улицу. "Но, конечно, вы можете быть миллионером в наши дни, и это не поможет вам жениться даже на самой бедной белой девушке. Или вы можете быть негритянской наследницей, но никакое богатство не побудит белого человека жениться на цветной девушке. Хотя, если уж на то пошло, есть негритянки настолько белые, что их не отличить, и нам есть из чего выбирать, если наши вкусы таковы. Если негр хочет жениться на белой, он может найти себе такую в своей расе".

Сам преподобный Б... был женат на женщине, которая могла бы сойти за белую, в Южной Европе, и его дети были маленькими белыми милашками с кудрявыми волосами. Мы сели в тяжелую машину "Ф и Д". Я не буду называть фактическое название этой постройки. В нем сидел молодой цветной денди. "Видите эту машину?" - сказал преподобный. "Она принадлежит доктору Р... Это "Ф и Д". Во многих местах агенты не продадут негру машину такой конструкции, даже за наличные".

"Почему?"

"Ну, это прекрасный тип автомобиля, и богатым белым людям в городе неинтересно видеть цветного человека, разъезжающего на точно таком же. Агент потеряет бизнес, если будет продавать их неграм. Более того, потеряет он бизнес или нет, он не станет этого делать. Здесь, в Вирджинии, предрассудков не так много, но когда вы поедете дальше на юг, вы их найдете".

Мы сели в машину. Молодой щеголь оказался помощником врача, своего рода подмастерьем великого врача, с которым нам предстояло встретиться. Он окончил университет Фиска, который он называл негритянскими Афинами. Он был одет в хорошо сшитый серый костюм, богатый галстук и фетровую шляпу, выполненную в отличном вкусе. Цвет лица у него был какао-коричневый, отполированный, а большие глаза - спокойные и задумчивые, словно не пробудившиеся к радости жизни. Вежливо беседуя с нами, он вел красивую машину по самым ужасным и разбитым улицам.

"Мы платим равные налоги, - сказал он, - но из-за того, что на этих улицах живут цветные, город не хочет ремонтировать дороги. В этих домах живут богатые люди, все негры. Некоторые из них владеют автомобилями. А теперь посмотрите на эту улицу с другой стороны. Это белая улица, все гладко отремонтировано. Какая красивая поверхность; видите разницу!" Преподобный Б... настоятельно рекомендовал и этот пункт. Это был яркий пример неравенства, и пример, который заставляет обратить на себя внимание.

Доктор Р... оказался богатым практикующим врачом, живущим в восхитительной вилле с полированными полами и французской аккуратностью и очарованием в мебели и украшениях. Жалюзи были опущены, и приятный кремовый свет падал на его книги, картины и диван с шелковой обивкой. Он был очень занят, но говорил, что всегда может уделить несколько минут своей профессии, если речь идет о помощи его расе, и считал, что ничто не

может помочь неграм больше, чем беспристрастный анализ их положения белым человеком, который может донести его не только до Америки, но и до всего мира. У него было больше пациентов, чем он мог, и все они были неграми, за исключением нескольких евреев. У евреев нет предрассудков, и они готовы лечиться у хорошего врача, независимо от цвета его кожи, что в любом случае говорит в пользу евреев. Долгое время негры не доверяли своим собственным врачам и считали, что только белый человек может обладать достаточным мастерством для их лечения. Но уже более позднее поколение обнаружило, что их собственные люди прекрасно разбираются в медицине. Дальнейшее знакомство со значительным числом цветных врачей на Юге привело меня к выводу, что их темперамент подходит им как нельзя лучше. Из них получаются хорошие врачи. Более того, они, естественно, понимают тело, конституцию и нервную систему негра лучше, чем белый человек, а патология негра сильно отличается от патологии белого человека. Белый врач пока не уделяет особого внимания изучению тела негра, хотя оно, конечно, во многом отличается от нашего. Возможно, он склонен быть немного грубым и несерьезным с негритянскими пациентами - а они, конечно, очень утомительны, с их суеверным страхом перед нездоровьем, дурными глазами и прочим. Это нетерпение помогает цветным врачам. Негры, как и другие люди, идут туда, где их лучше всего лечат, а медицинское обслуживание ста тысяч человек могло бы сделать многих врачей богатыми.

В старые времена рабства негры были просто широкой базой, где все были равны. Сегодня "раса" подняла интеллектуальный и профессиональный класс. Рабочее негритянское население Норфолка может поднять на интеллектуальную вершину министра, врача и банкира, сделать их сравнительно богатыми людьми и предоставить им все признаки роскоши и культуры, которые были бы уделом белых людей на аналогичных должностях. Так широкое основание рабства превращается в пирамиду свободы.

Доктор Р... был проницательным, способным, маленьким человеком-горой. Он сказал: "Я думаю, пришло время неграм накопить богатство; это единственное, что имеет значение в Америке". Он считал, что Лига Наций могла бы помочь неграм, если бы ее представители когда-нибудь собрались в Вашингтоне. Там были бы французы, англичане и итальянцы, и, поскольку они так близки к Югу, для Америки было бы позором, если бы во время их заседаний происходили линчевания. Негритянский Юг и так был чем-то вроде шкафа со скелетами, который нельзя было открывать.

От него я впервые узнал, что негры не имеют доступа к библиотекам Карнеги на Юге. Я был удивлен. В Балтиморе, на севере, я разговаривал с библиотекарем, и он утверждал, что негры пользуются публичной библиотекой гораздо чаще, чем белые, и что там так много темнокожих, что белым неинтересно туда ходить. Но я проезжаю очень короткое расстояние на юг и не нахожу там ни одного негра.

"Конечно, это противоречит духу грантов Карнеги", - сказал я.

"Да, ведь Карнеги был хорошим другом негров. Но это так", - сказал доктор Р... "И я не думаю, что негры должны агитировать за это. Лучше пусть негры сами строят свои библиотеки. Нам придется это сделать. Но мы не хотим вторгаться туда, где нас не ждут".

Он рассказал мне о том, что считал самым волнующим моментом в своей жизни. Он гулял с другом в полночь, наблюдая за оглашением результатов выборов, как вдруг из дверей дома вышла "развратная женщина", крича и размахивая руками. Она направилась прямо к ним, и

они были в ужасе, боясь, что она упадет к их ногам или начнет их поносить. К счастью, у них хватило ума не убегать от нее, иначе толпа могла бы их линчевать.

Достойный доктор вывел нас и провез по всему городу, сердечно извиняясь, что не может пригласить меня поужинать с его женой и с ним самим. "И хотя у вас нет никаких предрассудков, но если бы они стали известны, это было бы небезопасно для нас обоих". И это действительно было так. На всем Юге невозможно есть или пить с цветным мужчиной или женщиной.

Главным способом поиска людей, с которыми я мог познакомиться, было обращение к городскому справочнику. Там я обнаружил, что все цветные люди помечены звездочкой - как бы говоря: "Осторожно, здесь цветные". Белые женщины обозначались как "миссис" или "мисс", а цветные - как просто "Сара Джонс" или "Бетти Томпсон", или как угодно, без всяких префиксов. Я обнаружил, что это одна из многих мелких обид негритянского населения, сродни той, что им не чинят дороги, хотя они платят налоги, и что в троллейбусах они вынуждены занимать задние сиденья за соломенной ширмой.

В воскресенье утром в негритянской церкви меня ждало новое впечатление. Я пришел довольно рано и обнаружил, что взрослый библейский класс обсуждает теологию в группах. Один мужчина рядом со мной воскликнул: "Там написано: 'Кто верует и крестится, тот спасется', не так ли, брат? Ну, тогда я верю, так зачем спорить? Я не собираюсь рисковать. Нет, сэр, я не собираюсь этого делать", - невозмутимый чернокожий ребенок лет сорока или около того.

В полной общине были все типы негров. Мужчины были ничем не примечательны, но женщины поражали воображение. Одна дама была одета в позолоченную юбку и широкополую черную соломенную шляпу. Передо мной сидели две Клеопатры - высокие, элегантные, изящные, дорого одетые, как в Мейфере: одна в шифоне, другая в мягком сером атласе, на шее - крошечные золотые цепочки, в ушах - жемчужные серьги. У них были гладкие, похожие на фрукты щеки, изогнутые наружу и образующие идеальный рот-колокол. Когда они пели, то поднимали свои полные, сумрачные глотки, как великие птицы. Это были, очевидно, представительницы элиты Норфолка. С другой стороны, здесь было множество мешковатых и объемных дам с огромной грудью, почти заметно потеющих. Они толпились и толпились, и все места с красными подушками были заполнены. Здесь были мужчины всех типов, от идеального западноафриканского негра до отполированного американского араба, желтокожие, смуглые, многие в больших очках из черепаховой скорлупы, все с коротко подстриженными волосами, на которых виднелись рунические линии их твердых голов. Каждому прихожанину были предоставлены веера, и шумные религиозные и семейные разговоры заполнили всю часовню.

Мы начали с прекрасного пения - не глубокого, гармоничного и сложного, как у русских, а тяжелого, звонкого и легкого, затем последовали обычные молитвы и чтение Писания. Затем пастор послал кого-то спросить меня, не могу ли я выйти вперед и передать им христианское приветствие в нескольких словах. Я был очень удивлен, так как не знал, чтобы кто-то подобным образом врывался в разгар богослужения. Тем не менее я вышел вперед, столкнулся со странным морем сумрачных, жаждущих лиц и тысячей развевающихся бумажных вееров и сказал: "Дорогие братья и сестры, я англичанин и белый человек, но прежде всего я христианин. Во Христе, как вы знаете, нет ни белых, ни черных, ни неполноценности, ни превосходства расы, разве что иногда первые становятся последними, а последние первыми. Мы мало знаем об американских неграх в Англии, но я приехал, чтобы узнать. Меня никто не посылал, просто Дух побудил меня приехать сюда и познакомиться с

вами, а значит, принести вести домой, в Англию. Надеюсь, вы воспримете это как заверение в том, что я проявляю к вам любовь и обещание на будущее. Я рад, что со времен рабства вы добились такого прогресса и имеете в Норфолке прекрасные дома, церкви, банки, театр, рестораны и предприятия, и что у вас есть такая большая доля счастья и свободы. Я верю, что у вас есть великие дары, которые вы можете принести на алтарь американской цивилизации, и, не оставаясь проблемой, вы станете сокровищем". И я сказал трогательные слова моего друга Хью Чепмена, служителя капеллы Савой в Лондоне: "Человечество спасет не белый и не черный, а тот, кто сочетает в себе и то, и другое, - маленький коричневый Человек из Назарета".

Это было странное ощущение - стоять лицом к лицу с негритянской общиной. Я не мог найти ни одного *прикосновения*, ни одной точки соприкосновения, не мог ничего перенять у *них*. Духовная атмосфера была совершенно иной, чем в собрании белых. Я был бы склонен сказать, что духовной атмосферы вообще не было. Для меня это было все равно что говорить с пустой комнатой и огромным количеством пустых мест. Но я знаю, что там что-то было, хотя я и не мог этого осознать.

После службы ко мне подошла восхитительная особа, полная почти опасной страсти к тому, что я сказал. Она была ведущей душой в Клубе свободы для цветных солдат и джек-таров. Во второй половине дня я слушал чудесное пение в другой церкви. Маленькая чернокожая женщина-органистка пела во весь голос, склонившись над клавишами, и нетерпеливыми движениями тыльной стороной ладони призывала дух в свой хор.

"Возьми меня, встряхни меня, не дай мне уснуть", - пели они, и это было бесконечно ценно. Я чувствовал, что в великой высшей гармонии нам не обойтись без этого голоса, голоса хвалы темных детей.

На следующей неделе я отправился в Ньюпорт-Ньюс. На стене в Норфолке я прочел: "Т. Адкинс, Ньюпорт-Ньюс", а под ней кто-то написал: "Вы не заплатите мне за то, чтобы я там жил: Роберт Джонсон, Норфолк".

Возможно, это объясняет относительность этих двух мест. Ньюпорт-Ньюс - это ветхое поселение на песках по другую сторону от Норфолка. В нем живет неопрятное, плохо одетое, хорошо оплачиваемое, дикое, рабочее население, со всевозможными дешевыми магазинами и низкими ночлежками. На каждом пятом окне, кажется, нацарапано белилами: "HOT DOG 5 cents". Мне объяснили, что это колбаса довольно низкого качества. В других местах я не встречал такого откровенного названия. Что касается остального, то много явной безнравственности бродит по ночам по улицам или озвучивается на темных верандах. Полицейский участок - место весьма таинственное и гламурное, и, надо сказать, Ньюпорт-Ньюс в это время года оказался бы интересным объектом исследования для ловца порока. Я заплатил три доллара за комнату, замок которой был сорван, а одно из окон разбито. Это была кишачная комарами лачуга, но единственная доступная комната.

На следующий день очень интересный молодой цветной инструктор провел меня по судостроительным верфям. Он был энтузиастом бокса, и я спросил его о причинах превосходства негров в этом виде спорта. Ведь есть по крайней мере три негритянских боксера, которых не смогли победить белые, и из-за этого превосходства правила чемпионата были изменены, чтобы дисквалифицировать цветных чемпионов.

Он сказал, что это связано с быстрым глазом и большей агрессивностью, прежде всего с большей агрессивностью. Негр - прирожденный боец. Правда, у него больше выносливости и гораздо более твердый череп, но он также обладает замечательными способностями.

"Есть ли у негритянского боксера больше науки?" спросил я.

"Нет, возможно, не так много. У него боевая кровь, вот что это такое. Его предки сражались на протяжении тысяч лет".

Я заметил, что краснокожие индейцы тоже дрались, но они были плохими боксерами. Он объяснил это слабым телосложением.

"Мне надоело смотреть боксерские матчи в армии, - сказал я. - Более массивные и brutальные типы всегда одерживали верх над теми, кто был просто искусен. Думаю, именно поэтому нам не нравится смотреть на бокс негра и белого - это слишком большой триумф тела над разумом".

"Нет прекраснее зрелища, чем поединок двух негров", - с улыбкой сказал тренер.

Я считал, что хороший бокс в большей степени показывает звериную сторону человека, и вспомнил высказывание Джека Джонсона: "Я готов драться с любым мужчиной, какой только есть, и если вы не найдете такого человека, то просто пришлите мне большого черного русского медведя....".

"Белых людей ужасно смущало то, что Джек Джонсон был настоящим чемпионом мира", - говорит тренер. "Когда стало известно, что Джек Джонсон победил Джеффриса даже в Денвере, штат Колорадо, белые стали вытаскивать негров из вагонов в Норфолке, штат Вирджиния, и избивать их, чтобы выместить свою ярость - так им было плохо".

Мне это показалось довольно забавным, но инструктор отнесся к этому мрачно. Тем не менее мы отправились на судостроительную верфь и посмотрели на множество больших судов в сухом доке. Вышла пестрая толпа мужчин, чернее, чем их природа, от грязи их работы. Корабельные маляры были с ног до головы забрызганы характерной красной краской для кораблей и выглядели как какое-то новое племя; клепальщики и рубщики в синих рубашках были все истерты и потрепаны от соприкосновения с острыми краями и железом. Эти негритянские рабочие были очень счастливы и веселы. Похоже, почти все они работали на сдельной оплате и зарабатывали в большинстве случаев по десять долларов в день, а в некоторых исключительных случаях и по двадцать или двадцать пять долларов. Клепальщики, согласно шкале оплаты, казалось, могли получать огромные зарплаты, и многие из них были сравнительно обеспечены, имели свои дома и давали детям хорошее образование. Дрессировщик указал мне на своих атлетических питомцев. Он был нанят компанией для организации соревнований, скачек, бейсбольных команд и тому подобного. Самые сильные негры казались одними из самых мягких. Чемпион в тяжелом весе был крупным и красивым ребенком. Он никогда не терял самообладания на ринге, потому что, как мне сказали, ему это никогда не требовалось. Его уши не превратились в "цветную капусту", а нос не был приплюснут - пока еще.

Обеденный перерыв был примечателен тем, что на заводе отрывались целые стаи людей. Обед за двадцать центов был готов для всех. Женам и матерям также разрешалось приходить и приносить еду в дополнение к тому, что подавалось на трибунах. Пообедав, мужчины разбивались на группы, и в одних местах проводились беседы о Библии, в других -

спортивные соревнования. Несмотря на высокую зарплату, я заметил, как некоторые негры собирали корки и складывали их в бумажные пакеты, предположительно для того, чтобы покормить ими кур, когда они вернутся домой. Мой гид сказал, что это связано с пропагандой "Экономии", которая велась в стране. Работа Y. M. C. A. была очень активной, промышленный "Y" был профинансирован владельцами верфи. Мне рассказали, что некоторое время назад компания столкнулась с проблемой удержания молодых негритянских парней - нагревателей и передатчиков, от работы которых зависит работа клепальщика, поскольку один парень нагревает заклепку, другой передает ее, а клепальщик ударяет по ней дома. В этом месте они нашли так мало интересного для себя, что отошли от работы. Именно это и побудило фирму начать программу физической культуры и игр. Здесь также имелся домик Y. M. C. A. и его обычные принадлежности. Вечерние занятия проводились по длинному списку. Если "Y" будет хорошо работать, ей было обещано большое здание.

Я не нашел ни одного человека, который принадлежал бы к настоящему профсоюзу, связанному с Американской федерацией труда, хотя большинство состояло в "Братствах цветного народа". Белые, с которыми они работали и с которыми они иногда устраивали большие соревнования по клепке, предположительно тоже не состояли в профсоюзе, но это обычное дело; труд в Америке плохо организован, по сравнению с трудом в Великобритании. Почти весь негритянский труд в настоящее время находится вне признанных профсоюзов, и по этой причине почти всегда может быть использован для срыва забастовок. Это, конечно, печально для негра, которого, помимо того, что он чернокожий по своей природе, в чем его и так упрекают, еще и клеймят "черноногим".

Вечером я познакомился со странным персонажем, одним из цветных организаторов, другом белых и *вхожим* к боссам верфей. Возможно, он был потомком того негра, который во времена рабства выступал агентом работорговцев, и его можно было встретить на западноафриканском берегу, властвующим над партиями бедных дикарей, которых со связанными руками загоняли на невольничьи корабли. Когда-то это был узнаваемый тип. Когда их самих переправляли в Америку, они становились надсмотрщиками или погонщиками, и были достаточно жестоки по отношению к своим цветным собратьям. Сегодня они являются бригадирами или загонщиками негритянских банд, или их можно встретить под эгидой "Велфэр".

Это был ленивый негр, толстый и грузный, с путаным недумаящим умом, большими сальными губами и налитыми кровью глазами. Он рассказал мне, что по ночам надевал парик и бродил по городу, выслеживая пороки. Огромное количество чернокожих солдат, прибывающих и высаживающихся на берег, привлекало к себе шарпеев и дурных женщин всех мастей. Улицы кишели грехом, и он знал, какие пансионы неприглядны, а какие содержатся в порядке. Он знал, где продается выпивка, кто организует бутлегерский бизнес и на какие поборы идет полиция. Несмотря на вялость натуры, эта мрачная душа явно оживлялась по ночам, шпионя за людьми.

Он рассказал мне, что самым богатым цветным в Ньюпорт-Ньюс был дантист, который брал за вырывание зубов целых шесть долларов в час. Пример успеха этого дантиста заставил нескольких отцов обучать своих детей стоматологии, а не церкви или закону. "Но мы, негры, не хотим возвышаться", - сказал он. "Мы хотим покрасоваться. Мы - великие подражатели чванливости. Они приходят в костюме за сорок долларов и с чистым воротничком и тычут тебе в лицо сигарой, когда это все, что у них есть в мире. Мы грубый народ, сэр".

С одной стороны, в Ньюпорт-Ньюсе было ядро процветающих негритянских семей, а с другой - множество игорных заведений и танцевальных притонов, где можно было растратить здоровье, амбиции, деньги и все остальное, что может помочь человеку подняться. Со временем, когда общество укоренится, Ньюпорт-Ньюс должен стать оплотом негров. Уже сейчас здесь так много негров, что ни один белый человек не осмелится начать бунт.

Недалеко от Ньюпорт-Ньюса находится Институт Хэмптона, "негритянский Итон", который выпускает Курзонов и Сесилов цветной расы, как кто-то забавно выразился. Это венец усилий северян по обучению негров. Финансирование и обучение в основном осуществляется белыми. Все занимаются самообеспечением, а студенты пахут поля, делают сапоги, строят повозки, печатают книги и получают всевозможные практические уроки жизни. Прежде всего, их готовят к тому, чтобы учить и помогать другим представителям своей расы. Это место показа негритянского мира, и по праву, ведь большинство тех, кто возглавляет негритянское общество, пока что родом из Хэмптона.

Сам я не посещал Хэмптон, потому что он достаточно описан в книгах, и вообще я предпочитаю изучать негра в его неперфумированных местах, где он менее замаскирован северной культурой. Возможно, можно больше узнать о нуждах и потребностях негров, посетив бедную школу, где идет обычная рутинная учебная работа. Я посетил среднюю школу имени Букера Т. Вашингтона и побеседовал с учениками на уроках. Девушка, которая проводила меня к директору, была одета в белую блузку с низким вырезом, из которого, как из пальмы, выглядывала ее изящная шея и голова с всклокоченными волосами. На ушах у нее висели собачьи зубы, а глаза были большие, добрые, вопросительные. Главный учитель был спокойным молодым человеком из какого-то негритянского университета, полным неистового энтузиазма по отношению к своей расе и к учебе. Он с безграничным энтузиазмом относился к негритянскому народу и его возможностям. Разве величайший французский писатель не был цветным, а величайший русский поэт - негритянской крови? Мы зашли в класс композиции. Они проходили "Аргументацию", что, пожалуй, скучновато, но мы обсудили краткость и принцип напряжения. На уроке английского каждый ребенок прочитал "Сайласа Марнера" и по очереди пересказывал историю, когда его вызывал учитель. Это было довольно хорошо сделано, хотя часто встречались американизмы, а о двух братьях говорили, что они "не согласны", когда имелось в виду, что они не согласны. На французском весь класс стоял вдоль стен комнаты и писал французские предложения на досках, вмонтированных в обшивку. Французский язык был очень популярен. Каждый ребенок хотел поехать во Францию. На уроке латыни мы обсуждали достоинства Сезара, на уроке кулинарии - едят ли они то, что готовят, на рукоделии - невидимые штопки, как вдруг раздался пожарный звонок. Все классы разом встали и организованно вышли. За одну минуту вся школа, состоящая из семисот чернокожих детей, была очищена. Затем они маршировали обратно по двое, плечом к плечу, в прекрасном стиле, под звуки литавр. Это была неожиданная тревога, вызванная приезжим пожарным инспектором. Никто, даже учителя, не знал, настоящая ли это тревога.

Все учителя здесь были чернокожими и обладали величайшим энтузиазмом; дети представляли собой несколько безнадежных типов, но в основном они были очень любознательны и умны. Методы преподавания казались передовыми, но было много недостатков, особенно в классе химии, где все оборудование находилось в крошечном шкафу и состояло из нескольких кусков трубок, нескольких старых пробирок и пустых бутылок.

Меня возмущало, и я считал это вполне обоснованным, что в то время как для белых школ были построены хорошие здания со всеми современными удобствами, для негритянских детей считалось достаточно мало. Хотя белые, сочувствующие бывшим рабам, были очень щедры в финансировании негритянского образования, их доброе дело было более чем нейтрализовано местными властями Юга, которые придерживались точки зрения, что образование портит "черномазого". Если бы не энтузиазм негритянских учителей, которые не сдаются ни при каких обстоятельствах, вполне могло бы случиться так, что у цветного населения был бы целый ряд хорошо обеспеченных университетов и колледжей, таких как Фиск и Хэмптон, но не было бы ни начального, ни среднего школьного образования, достойного названия.

Отсутствие доброй воли по отношению к негру выражается во многом: в отказе отремонтировать его дороги, в непредоставлении ему равных возможностей для образования и самосовершенствования, в исключении его из публичных библиотек. Белый человек не скажет "нет" денежным грантам, которые дадут ему прекрасные здания библиотек Карнеги за бесценок или поднимут университеты, даже негритянские университеты, но он не выполнит свою часть неписаного контракта и не отблагодарит всю филантропию без разбора доброй волей.

После посещения школы я увидел негритянских женщин за работой в характерных местах заработка. Руководство всегда очень щепетильно относилось к присутствию посторонних, поэтому об условиях работы удалось узнать немного. В одном из цехов девушки шили готовые брюки на машинах, работающих от электричества. Брюки кроили в Балтиморе и отправляли сюда, чтобы их по дешевке шила местная цветная рабочая сила. Заведующим был еврей. За "благополучием" девочек следила негритянка. Еще одна табачная фабрика, где девушки зарабатывали одиннадцать долларов в неделю, работая с 7:30 утра до 5:30 вечера, разделявая табачный лист в просторных и благоухающих помещениях. На сдельной работе они зарабатывали от шести центов за фунт.

Я посетил издательский офис "*Журнала и путеводителя*", где негры не только редактируют газету, но и производят собственный шрифт и делают все сами - одну из ста негритянских газет, издаваемых в Соединенных Штатах. Среднее количество орфографических ошибок во многих из этих газет составляет около трех на абзац, но это ничуть не делает их смешными и не останавливает перо готовых к работе авторов. Негры испытывают страсть к журналистике, которая несоизмерима с их нынешним развитием и возможностями.

Когда я вместе с редактором выходил из издательства, мы увидели катафалк. Он был запряжен мотором, и для меня это была новая идея - ехать на машине в могилу. Редактор сделал знак, и катафалк остановился. "Минуточку, - сказал он, и из него вышел громоздкий эфиоп в плаще с крупными оскаленными зубами.

"Это андертейкер Браун", - сказал редактор.

"Всегда к вашим услугам, сар", - сказал гробовщик. "Не думаешь ли ты прокатиться со мной?"

Я ответил, что пока не размышляю об этом печальном событии.

"Это отличный катафалк", - сказал Браун, - "и посмотрите, здесь есть стальные зажимы, чтобы держать гроб устойчиво (он распахнул задние двери), а также педальные приемники для цветов".

Я поблагодарил его, и мы горячо пожали друг другу руки.

Все негры взяли на себя заботу обо мне. Познакомиться с их образом жизни было несложно. Невозможно было не почувствовать себя счастливым посреди их детской живости, энтузиазма и балагана. Их обиды почти не замечались под солнцем процветания Восточной Вирджинии. Мисс М... рассказала мне, как во время войны она "вела за собой людей из Красного Креста", и живость ее рассказа о том, как негр соревновался с негром в том, кто больше подпишет на деньги, и как она бросила вызов белым "крэкерам", чтобы те продолжали линчевать и преследовать их перед лицом такого патриотизма, какой они проявили, была не только поучительной, но и необычайно забавной, а также трогательной; Как большая аудитория белых слушала объединенную "платформу" черных и белых ораторов, а негритянские хоры пели "спиричуэлс", пока катились тарелки для сбора денег, и мисс М... когда она пришла в зал, была так измотана тем, что весь день носилась по городу, что упала в обморок и взмолилась: "Господи, если я наберу сил, я приму это за знак, что мне предстоит выступить". Придя в себя, она вышла на трибуну и прямо сказала белым людям, что она чувствует, что девять десятых ее народа не могут произнести слово *"демократия"* и вообще только слышали о ней, и все же они посылают своих детей на раны и смерть, а сами отдают свои последние гроши на патриотические цели. Но что Америка дала взамен? А в конце она услышала, как один из самых плохих "крэкеров" заметил, что не может не восхищаться ею, она "такая чертовски искренняя".

Последний вечер в этом уголке Вирджинии я провел на курорте цветных солдат и моряков и разговорился с парнем, который служил в Девяносто второй дивизии, черной части, прославившей себя во Франции. Он был лейтенантом и участвовал во взятии Сен-Мигеля. Негры-морпехи тоже были очень интересными - энергичными, серьезными и трезвыми парнями. Они гордились тем, что служат во флоте дяди Сэма, но хотели иметь шанс продвинуться по службе, не желали оставаться двадцать лет в одном звании, а отчаянно надеялись, что со временем получат золотую полосу и возможность стать старшиной. Солдаты и моряки входили и выходили из зала, курили сигареты, пили содовую и болтали. Я не слышал ни одного нецензурного слова и получал огромное удовольствие от их внешнего вида. Я чувствовал, какие прекрасные защитники своей страны могли бы из них получиться, если бы однажды предрассудки были окончательно преодолены. В этой части Восточной Виргинии, вершине Юга, новый мир чернокожих казался очень многообещающим и далеко продвинулся за пятьдесят семь лет свободы.

Путь из Норфолка в Ричмонд лежит по реке Джеймс, и я продолжил свое путешествие на судне, которое, очевидно, прибыло из Нью-Йорка - на нем было много пассажиров дальнего плавания. Однако на судне было место прямо под капитаном, и передо мной не было ничего, кроме движущегося вперед носа и серебристого простора реки. Это классическое путешествие - ведь именно по реке Джеймс, названной в честь Джеймса Первого, прокладывали свой путь первые первопроходцы девственной земли Рэли. Это романтическое путешествие, потому что они были не круглоголовыми, не квакерами, не плимутскими братьями и не прочими трезвенниками, а джентльменами со шпагой и шинелью, придворными моряками, которые при случае готовы были бросить свои плащи в грязь, чтобы по ним ступала королева. Традиция придворных сохранилась, и богатый житель Вирджинии и сегодня является вирджинским джентльменом, хотя вряд ли в Америке найдется другой штат, где землевладельцы претендуют на звание джентри. Река Джеймс важна и по другой причине. В маленьком Джеймстауне, который так и не стал городом, в 1618 году были высажены первые негритянские рабы в Америке, и с этого небольшого

корабля триста лет назад возникло негритянство в масштабах всей страны со всеми его черными миллионами.

Виргиния процветала на выращивании табака, который и сегодня остается основным продуктом сравнительно бедного штата. Она находится слишком далеко на севере для выращивания хлопка, и хотя, несомненно, обладает огромными запасами полезных ископаемых, промышленные исследования не зашли так далеко, как в Пенсильвании. По сути, это консервативный штат. Считается, что рабство подавило его экономическую жизнь настолько, что соседние северные штаты, чье развитие началось гораздо позже, легко обогнали его. В Виргинии установился несколько патриархальный оседлый уклад жизни, новый феодализм, который не соответствовал светлой и радикальной Америке. Однако примечательно, сколько законодателей, администраторов, солдат и президентов Виргиния дала Соединенным Штатам. Начав с дворянства, она породила дворянство.

И в отношении негров штат имеет хорошие показатели. Несмотря на различные проявления неравенства в обращении и джим-кроуизма, заметные любому наблюдательному человеку, здесь практически нет жестокости и травли негров. Линчевание - редкое явление, и, надо полагать, предполагаемые нападения негров на белых женщин также редки. В Вирджинии царят такие относительно благоприятные условия, что весь Юг укрывается за ней. А поскольку гордый вирджинец считает себя *непревзойденным* южанином, его часто раздражает, когда он читает о худшем обращении с неграми на юге. Вирджиния должна помнить, что она - не весь Юг, и не оказывает даже морального влияния на Джорджию и Миссисипи. В этом отношении она кажется такой же беспомощной, как Новая Англия и пуритане, с которыми в политическом плане она обычно находилась в оппозиции.

Старые виргинские семьи привязывали к себе негров с нерушимой преданностью. Они становились частью семьи со всеми правами домашних детей. Они сражались за них и помогали им в Гражданской войне с преданностью, подобной преданности сородичей своему вождю. Оставшиеся в живых "ветераны", такие негры, как повар Роберта Э. Ли, который был одной из многих колоритных личностей на встрече выпускников в Атланте, отличаются от современных негров. Они отождествляли себя с имуществом и личностью своего хозяина и хозяйки таким образом, что это действительно трогательно. Несомненно, из всех существ негр способен на самые сильные и жалкие человеческие привязанности.

Однако свобода и новые идеи осенним ветром пронесли над виргинским летом. Все изменилось. Семейные свиты распались. Привязанности были отчуждены. Возникла новая раса негров-индивидуалистов. Старые "мамочки" и "дядюшки" были отдельным народом, и сейчас они быстро вымирают. Новые негры живут сами с собой и для себя. Они готовят смену, чтобы быть счастливыми и развлекаться без белого человека. Теперь у них есть свои школы, свои церкви, похожие на религиозные клубы, свои политические общества, театры и другие сегрегированные интересы.

Эти сегрегированные интересы привели и приводят к постоянно растущей негритянской культуре, и хотя эта культура может быть несколько презираема из-за своего скромного происхождения, нет никаких причин, почему бы ей не иметь будущее, которое будет сравнимо с будущим белой Америки. Но к югу от Ричмонда и к югу от Виргинии этой негритянской культуры становится все меньше. Там есть оазисы Института Таскиги, университетов Атланты и Фиска, но мнение белых неблагоприятно для негритянского образования, и черные массы не смогли одолеть своих соседей. В Ричмонде и к северу от него, однако, чернокожему человеку дали возможность немного перевести дух, и здесь происходят интересные события.

Ричмонд, который в 1853 году напоминал Олмстеду Эдинбург своей живописностью, теперь увеличил свое население в пять раз и сильно разросся. Это все еще красивый город, и его центр с греческим Капитолием и общественными садами очень приятен. Это третий самый черный город в Соединенных Штатах: от тридцати пяти до сорока процентов его населения - цветные. Некий генерал Габриэль возглавил восстание негров-рабов против Ричмонда в 1801 году, и город всегда считал себя самозванным надзирателем за безопасностью белого человека. Однако после Гражданской войны в городе не было беспорядков. Здесь есть хорошо обеспеченные негритянские колледжи, а с другой стороны - менее благополучные начальные и средние школы. Как и в Норфолке, негритянский бизнес процветает, хотя и имеет более глубокие корни.

К западу от Ричмонда ситуация менее перспективна. Там преобладает более скучная экономическая жизнь, и условия более нормальные, менее затронутые процветанием военного индустриализма. До Линчбурга я добрался на поезде. Поскольку это было мое первое знакомство с поездами к югу от линии Мейсон-Диксон, мне было интересно наблюдать за порядком, царящим в стране Джима Кроу. Негры сидят в отдельных залах ожидания, заказывают билеты в других кассах, их сажают в отдельные вагоны в поездах и не пускают вместе с белыми, как на Севере. У них не такие хорошие условия, хотя они платят за проезд столько же; иногда меньше места, иногда нет отдельного купе для курящих. Вагоны с гостинными и "шпалами", как правило, недоступны. Цветные люди считают это большой обидой, но, вероятно, больше всего их задевает оскорбление, подразумеваемое в их сегрегации. В комфорте нет огромного различия. Невозможность получить еду в поездах дальнего следования часто упоминалась мной как главная несправедливость, но на первый план всегда выходил личный аспект вопроса: "Мы не хотим смешиваться с белыми людьми или с теми, кто нас не хочет видеть. Мы можем прекрасно уживаться сами по себе...", - постоянно протестовали они.

На Севере беспорядочно сидящие черные и белые пассажиры выглядят вполне счастливыми и непринужденными. Их смешивание дает хорошие результаты. Никогда не возникает никаких заминок. На Юге же сегрегация, похоже, только на пользу неграм. Чем меньше у него личных контактов с белыми, тем безопаснее для него внезапные вспышки расовых чувств. Конечно, железнодорожные компании должны предоставлять неграм равные условия за равную плату, но это уже другой вопрос.

Линчбург - прекрасно расположенный город рядом с горами Голубого хребта. Это большой рынок для темного табака. Он производит железные трубы, плуги, сапоги и туфли, а также ряд других изделий и может похвастаться "идеальными условиями труда и отсутствием забастовок". Он назван в честь первого плантатора Чарльза Линча, ирландского мальчика, который сбежал из дома и женился на квакерше. От квакерства он перешел к очень грешному состоянию, а затем, как говорят, был реформирован методистами. Теперь в Линчбурге нет ничего, что могло бы неприятно поразить воображение.

Публичная библиотека, похоже, заболела в 1905 году. Она называется Мемориальная библиотека Джонса, это впечатляющее белое здание с целым рядом белых ступеней, ведущих к ней. Сам Джонс, который был бизнесменом и совсем недолго прослужил в войне Севера и Юга, изображен в полном военном облачении с мечом на полпути вверх по каменным ступеням - как будто для того, чтобы прогнать читателей. В здании царил холодный монастырский воздух. Негров сюда не пускали, да и белые люди сюда почти не заходили. Библиотекарь, однако, был необычайно любезен и услужлив и одолжил мне книгу, не взяв залога. Эта дама сказала, что в поезде она предпочла бы сидеть рядом с приличной черной женщиной, чем с обычным белым.

"У всех нас были черные мамочки, они относились к нам, как к собственным детям. Разве можно винить нас, если иногда мы любим их как свою плоть и кровь? Все проблемы у нас из-за того, что северяне приходят на Юг. А если негра линчуют, какой шум поднимается по этому поводу!"

Я встретил управляющего табачным складом. Он не хотел, чтобы я видел его негров за работой и разговаривал с ними, но без обиняков, с сигарой в руке, заверил меня, что его сборщики - веселая компания, которая знает, что им хорошо платят, и никогда не будет бастовать. За труд негров он платил от тридцати до тридцати пяти центов в час.

"Война сыграла дьявольскую роль с неграми, - сказал он. "Она распространила идею о высоких зарплатах. Особенно виноват Север, заманивший негров туда приманкой в виде больших денег. Это вызвало рост зарплат по всему Югу".

Его работники были неквалифицированными. По его мнению, негров никогда не использовали для квалифицированной работы. То, что мне пришлось рассказать ему о Ньюпорт-Ньюсе и его верфях, было выше его понимания. Что касается Хэмптонского института, то он заявил, что никогда не слышал, чтобы там выпускали способных ремесленников. По его мнению, в рабстве было несколько хороших негритянских плотников и колесных мастеров, но с тех пор их не стало. Свобода была очень плоха для негра. Да, он полностью одобрял самосуд. Оно всегда было оправдано, и ошибки никогда не совершались. У него был непроницаемый разум.

В миле или около того находился Виргинский колледж, строение из красного кирпича в лесу, где в счастливом уединении несколько сотен цветных мужчин и женщин приобщались к цивилизации и культуре. Один из студентов провел меня в свой кабинет-спальню, увешанный портретами Джона Брауна и Букера Т. Вашингтона. Библия по-прежнему оставалась самой важной книгой, и она занимала почетное место, хотя и перемежалась страницами негритянского радикального ежемесячника "*Кризис*". Ученик был напряженным и серьезным мальчиком со всей серьезностью сознания преследуемой расы. Он негромко сказал, что готов на все ради своего народа любой ценой. Он сказал, что нынешние лидеры негритянского мира потерпят неудачу из-за узкого кругозора, но следующие лидеры одержат великие победы для цветных. И он готов следовать за новыми лидерами. Каким контрастом они были: босс табачной фабрики, с сигарой в руке, "мудро рассуждающий" о негре, и тихий негр-интеллектуал в своем колледже, ежедневно оттачивающий меч познания и честолюбия.

III

ОРАТОРЫ И АКТЕРЫ, ПРОПОВЕДНИКИ И ПЕВЦЫ

Стремления и убеждения негров наших дней были хорошо выражены в речи, которую я услышал в Гарлеме. Меня предупредили, что я должен услышать "раскаленного оратора афроамериканской расы", и я отправился послушать его. Оратором был Дин Пикенс из

Морган-колледжа в Балтиморе. Когда он вышел на трибуну, цветная аудитория не только поддержала его аплодисментами, но и встала и трижды громко воскликнула:

"Да, Пикенс!".

Председатель сказал, что ему придется уйти примерно в половине пятого, но оратор не должен был позволить себе беспокоиться по этому поводу, а должен был продолжать. Пикенс, который был одним из очень черных и очень веселых представителей своей расы, повернулся к председателю и сказал:

"Ты не будешь *мне* мешать, брат! Но если ты собираешься ехать в половине пятого, давай пожмем друг другу руки прямо сейчас, а потом я смогу идти прямо вперед".

И они с готовностью пожали друг другу руки, все смеялись и чувствовали себя непринужденно. Пикенс собирался говорить; ничто не могло помешать Пикенсу; они расслабились в радостном, предвкушающем спокойствии.

Как раз перед тем, как Пикенс начал говорить, на трибуну выскочила белая журналистка, спешившая между двумя неотложными делами, и задушевно рассказала собравшимся о большевиках и агитаторах, а также о том, как они должны быть благодарны за то, что находятся в Америке, а не в Конго. Ей аплодировали, потому что она была женщиной, белой и болтливой, но думающим неграм ее доктрина была безразлична, и они сожалели, что она не может дожидаться, пока ее обсудят.

"Братья, они всегда говорят нам, какими мы должны быть", - сказал оратор с очаровательной улыбкой. Но есть много разных мнений о том, какими мы должны быть; важно то, какие мы есть". Как сказал однажды цветной пастор своей пастве: "Братья и сестры, мы должны думать не о том, *как должно быть*, а о том, *как есть*! Я собираюсь говорить об *истинности*. Сестра С..., которая только что выступила, должна была уйти на , чтобы срочно позвонить в другое место, но мне жаль, что она не смогла остаться. Я думаю, она могла бы услышать что-то стоящее сегодня днем. Сестра С... предостерегла нас от агитаторов и радикалов. Я не против и не за агитаторов. Вопрос в том, за что они агитируют? "Покажите мне агитатора", - говорю я. Президент Вильсон - великий агитатор ; он агитирует за Лигу Наций. Иисус Христос был великим агитатором; Он агитировал за христианство. Фарисеям и саддукеям не нравилось, что Он агитирует, и они Его закрепили. Но Он был хорошим агитатором, и мы не против него. И опять же, ирландцы - великие агитаторы, евреи - великие агитаторы; есть хорошие и плохие агитаторы. (*Аплодисменты*.) Но, братья, я скажу вам, кто самый большой агитатор в этой стране... Самый большой агитатор - это несправедливость. (Когда несправедливость исчезнет, я буду против агитаторов, или я буду готов увидеть, как их помещают в психушку. (*Аплодисменты*.)

"Сестра С... была очень строга к радикалам. Опять же, покажите мне радикала, говорю я. Человек может быть радикально неправ, да, но он может быть радикально *прав*. (*Смех*.)

"Что касается большевиков, то именно несправедливость делает большевизм. Это несправедливость превращает тихих, незаметных школьных учителей и рабочих в большевиков, так же как несправедливость будоражит цветное население. Не то чтобы мы были большевиками. Я тоже не собираюсь ничего говорить против большевиков. Покажите мне сначала большевика, говорю я, и тогда я пойму, против ли я его. Люди встревожены тем, что число большевиков растет. Но за счет чего они растут? Если Америка такая благословенная страна, то почему она производит всех этих большевиков? Вы узнаете дерево по его плодам, , так и вы можете узнать страну по тому, что она производит. Эти

большевики, о депортации которых мы читаем в советском ковчеге, не были большевиками, когда приехали в эту страну. Получается, что мы вырастили урожай большевизма в этой стране и экспортируем его в Европу, а теперь заняты тем, что сеем другой урожай. Прекратите сеять несправедливость, и большевизм перестанет расти. *(Снова аплодисменты.)*

"Но среди цветных большевизма меньше, чем среди белых, потому что цветные более смиренны, более покорны, более привычны к неравенству. Нам постоянно говорят, что мы отстающие, и мы верим этому; плохие, и мы верим этому; не заслуживающие доверия, и мы верим этому; безнравственные, и мы верим этому. Нам постоянно говорят, какими мы должны быть. Но я вернусь к тому, чем мы являемся.

"Мы можем быть аморальными; мы можем быть опасными для белых женщин. Но кто-нибудь когда-нибудь честно сравнивал нравственность белых и черных? Вам скажут, что нет достаточных доказательств для сравнения, или принесут памфлеты и абзацы из газет, записи об отвратительных преступлениях; и мы прекрасно знаем, что среди двенадцати миллионов негров обязательно найдутся полудурки и преступники, способные на ужасные нарушения морали. Но в лучшем случае это бумажные улики против негра, в то время как против белого есть улики из плоти и крови. Моральный стандарт белых - это , написанный видимым образом на плоти и крови трех миллионов представителей нашей расы. *(Еще одна сенсация.)* Братья, для белого человека существует один стандарт, а для цветного - другой. (Поступки цветного человека оцениваются не в том же свете, что и поступки белого.

"Ну, я не против этого. Это дает нам более высокий идеал. В этой стране цветной человек должен быть гораздо осторожнее, чем белый. За одно и то же преступление его ждет более суровое наказание. Если он вступит в спор с белым, то обязательно проиграет дело. Поэтому он не будет вступать в спор. (Там, где белый получает пять лет тюремного заключения, негра сажают на электрический стул. Там, где белый получает шесть дней, негр получает два года. Если белый мужчина соблазняет цветную девушку, она никогда не получает возмещения. Если же происходит другое, негра по закону казнят или линчуют. К чему приводит все это неравенство? Оно делает нас более нравственными, менее преступными и менее жестокими людьми , чем белые. Однажды в смешанной школе черных и белых мальчиков учили прыгать. Белые мальчики прыгали, и черные прыгали. Но когда наступала очередь черного мальчика, учитель всегда поднимал палку для прыжков на несколько дюймов. И каково же было последствие? А то, что через некоторое время каждый цветной мальчик в этой школе мог прыгнуть на фут выше, чем любой белый мальчик. (Возобновление сенсации, в , которую Пикенс несколько раз пытался возобновить).

"Вот что происходит с негритянской расой в Америке. Нас учат прыгать на фут выше, чем белые. Мы будем прыгать, или мы ломаем себе шею. *(Смех.)*

"Конечно, огромная разница отделяет черных от белых до сих пор. И я не говорю, что белый человек не дал нам шанса. Если бы наши позиции поменялись местами, и мы были бы хозяевами, а белые - рабами, я не уверен, что мы бы не обращались с ними хуже, чем они с нами. Но белые ошибаются, когда думают, что мы не используем шансы, которые они нам дают. Мы их используем. Мы преодолеваем расстояние, отделяющее черных от белых. Белый человек не обгоняет нас в гонке. Мы ближе к нему, чем были, а не дальше. Мы не догоняем, но мы приближаемся. Мы постоянно делаем то, чего раньше не делали. *(Аплодисменты.)*

"У нас не будет повода сожалеть о времени гонений и несправедливости и о более высоком стандарте нравственности, который был установлен для нас. Братья, все это стоит того. Наши ребята побывали во Франции, проливали кровь и страдали за белую цивилизацию и

белую справедливость. Мы не хотели ехать. Мы ничего об этом не знали. Но это пошло нам на пользу. Мы сделали дело всеобщей справедливости своим делом. Мы приняли участие в мировых страданиях и мировой политике. Это поможет нам выйти из безвестности. Мы открыли для себя французов и всегда будем им благодарны. Раньше мы не знали Францию, но теперь каждый цветной солдат рад, что он сражался за Францию. Если будет создана Лига Наций, мы знаем, что Франция поддержит нас. И мы будем участвовать в советах человечества вместе с нашими цветными братьями во всех частях света". (*Снова сенсация.*)

Оратор выступал в течение двух часов, и все вышесказанное - лишь личные воспоминания, записанные после. Поэтому его фактическая речь значительно сокращена. Но смысл и вкус ее был именно таков. Она была произнесена голосом, полным юмора и вызова, звучным и в то же время вечно причудливым. Все время звучал смех. После этого я пожал ему руку, потому что он был теплым, красноречивым и трогательным, как немногие ораторы, которых я слышал. Он был совершенно измотан, потому что черпал слова из своей аудитории, и две тысячи человек в течение двух часов вытягивали из него дух.

Было восхитительно слушать пропагандиста расы, настолько лишенного ненависти, злобы и недоброжелательности. Некоторые считают юмор величайшим сопутствующим элементом мудрости, и этот представительный негр, безусловно, обладал и тем, и другим. Он никогда не касался трагедии расовой ненависти и расовой несправедливости, но он видел в них и юмор. И цветная аудитория тоже увидела юмор. У англичан это вызвало бы гнев, у французов - стихийное восстание, у евреев - скрежет зубовный, но у негров это был юмор. В них не было коллективной ненависти или злобы, но, как всегда, желание быть счастливыми, даже в самых худших обстоятельствах.

Любопытно, однако, что негр живее чувствует юмор трагедии, чем белый человек. В течение двух месяцев я каждую неделю посещал негритянский театр, и меня поразило тот факт, что там, где было больше всего поводов для слез или меланхолии, цветная публика больше всего провоцировала на веселье. Негритянские труппы, такие как Lafayette Players, играют "бродвейские успехи", мелодрамы, классические драмы, музыкальные комедии, и вообще все, что ставится в театре белого человека. Но в результате почти всегда получается комедия. Как белые мужчины по случаю жгут пробки и гримируются под негров, так и негры красят себя в белый цвет и гримируются под белых мужчин и женщин. Наблюдать за ними - увлекательное занятие, ведь здесь есть не только оригинальная драма и ее интерес, но и дополнительная интерпретация африканцами того, что, по их мнению, делает и говорит белый человек. Некоторые из них напоминают зал для слуг, наряженных в костюмы хозяина и хозяйки и их друзей, но отличаются удивительным мастерством актерской игры. Большая вечеринка, все в полном вечернем наряде, очень поразительна - только негритянки в среднем такие огромные, что, когда они выкрашены в белый цвет и обнажают огромные груди, они выглядят несколько невероятно. Типичная вечерняя вечеринка на сцене, со злодеем и героем, выглядит очень красивой, но никак не англосаксонской, если вообще можно представить себе иностранца-американца. У героя может быть совершенно злодейское выражение лица. Мысли уносятся из Америки в Средиземноморье. Даже нарисованные, они не могут выглядеть иначе, чем дети солнца. Драма разыгрывается с большим шумом. Когда наступают минуты страсти, все дают волю, и сцена поглощается бурным потоком бурных слов и действий. При этом никогда не возникает трудностей с восприятием сказанного. Но даже второстепенные персонажи, такие как дворецкий и официант, которые должны быть практически немыми, настаивают на свисте и пении, когда идут по сцене, и обслуживают гостей в *па-де-дансе*. В одной серьезной мелодраме дворецкий так и не появился, но он звонко напевал популярную мелодию: "Якки, Йекки,

Йекки, Йекки, Йокки Дула". Злодей или злодейка, скорее всего, сыграет свою роль с большим энтузиазмом, и в целом я отметил настоящую актерскую способность, которую не могли скрыть шум и насилие. Белая драма буквально преобразуется на негритянской сцене. Негры подхватывают любое ребячество или небылицы и придают им некую поэзию. Так, например, "Полианна" мисс Эленор Портер с ее евангелием *"Радуйтесь"* в руках обычной белой труппы выглядит навязчивым сентиментализмом. Но негры превращают ее в своего рода "Алису в стране чудес", очень забавную, очень милую и очень трогательную - нечто совершенно восхитительное. Сознание белого человека, сидящего в цветном театре, однако, постоянно нарушается пульсацией щебетания всякий раз, когда на сцене появляется намек на беду. Когда разыгрывается мелодрама, публика все время смеется, как собрание интеллектуалов, посетивших популярный театр, чтобы посмотреть "Серебряного короля" или "Девичий перекресток". Смешно само предположение о катастрофе.

Это говорит о разнице душ. Многие увидят в этих белокожих неграх еще один пример страсти к подражанию белым людям. Но вряд ли можно найти что-то, что с большей наглядностью демонстрирует разницу между черными и белыми людьми, чем негритянская сцена в том виде, в котором она существует сегодня.

Негритянской драмы еще нет, но она обязательно появится. Пьесы для негритянского театра" Риджли Торренса, пожалуй, ближе всего к настоящей негритянской драме, но автор - белый. Огромный успех этих пьес в исполнении негров говорит лишь о славе, которая ожидает пробуждения настоящего негритянского драматурга. В каждом крупном городе Америки есть негритянский театр, мюзик-холл или кинотеатр. Драма могла бы стать органом расового самовыражения, и могла бы дать голос надеждам, чаяниям и печалям цветного народа в очень трогательной форме. Я думаю, что такая драма была бы очень оригинальной. Комедия была бы задумана в другом духе. Чтобы негр не подражал белому человеку, мы все должны подражать ему - как мы уже подражаем ему в наших танцах и музыке. Новый негритянский юмор заразит весь западный мир.

Его обычно называют "блюзом". Мы говорим, что у нас приступ блюза, когда мы чувствуем себя подавленными. Это совсем не повод для смеха, но негр находит это состояние души всегда юмористическим. Сотня новых юмористических песен рассказывает о юморе печали. Все мрачные формулы повседневной жизни были положены на музыку. Рассказывать о своей тяжелой судьбе, завывать над ней, вытягивать ее и бесконечно оплакивать, добавлять по ходу дела мелкие горести и бесконечно оплакивать их - это ярко выраженный негритянский юмор.

Однажды вечером я посетил негритянский театр, где шла музыкальная комедия - слова и музыка были написаны неграми. Она открылась обычным пением и танцами хора негритянских девушек. Они были одеты в желтые, малиновые и сиреневые комбинации с белыми лентами с одной стороны от кружевного края панталон до смуглых рук. Они танцевали от бедра, а не от колена, безудержно двигая талией и грудью, девушки с большими, испуганными глазами и неуправляемой массой темных волос. Танец физической радости и самоотдачи, без сдерживания пальцев ног или коленей, без вуалирования глаз, без полузакрытых губ, без удержания волос. Привыкшим к эстетскому представлению вакханалии в русском балете трудно было бы назвать одну из этих негритянских танцовщиц вакханкой, и все же была одна, которую я отмечал снова и снова, - царица Савская в ее облике, Лицо ее было как звездная ночь, одета она была в сиреневое платье и во время многочисленных бисов впадала в такой экстаз, что волосы ее рассыпались по голым плечам, а щеки и колени, блестящие от пота, затмевали ее глаза. После этого припева начинается любовная история - юмористическая свекровь огромных размеров с глубоким басовым

голосом, ее черное лицо еще больше почернело до цвета сапог, делает выговор и поглаживает своего сына-бездельника, который выступает в роли комического бездельника. Он советуется со своим "приятелем", как завоевать "Малышку", красавицу Темного города. Приятель - это приторно глупый, верный и, прежде всего, комичный друг-негр, который, пытаясь помочь вам, всегда делает вам гадости. "Малышка" - прекрасная кукла пьесы - "Милая малышка, сладкая малышка!". За ней ухаживает и злодей, благовидный, хорошо одетый и вежливый, но все же вызывающий смех. Герой и злодей устраивают соревновательный кейк-поход за девушкой, позируя, выпендриваясь, приближаясь и удаляясь, почти приседая и танцуя, прыгая и танцуя, плавая по воздуху, отбрасывая от себя все и падая вперед, но никогда не падая, надувая щеки и расширяя глаза, и, как бы, улюлюкая и улюкая друг другу, псевдовозмущаясь, обезьянясь издеваясь друг над другом, симулируя страх и притворные побеги. В первый вечер весь театр был забит неграми, и они девять раз пересматривали эту пару и все равно давали бисы. Один из них, злодей, сдался, а другой, герой, продолжал как ни в чем не бывало, с открытым ртом, задыхаясь, и пот струился по черному жиру на его лице - ведь он и сам еще больше почернел от удовольствия. Свадебную службу танцевали и пели в "сцене", которая очаровала бы даже русскую публику. Я не видел ничего столь красивого, столь забавного, столь поразительно полного жизни и красок со времен постановки Саниным "Сорочинской ярмарки" в Москве.

Однако самые характерные части комедии были впереди. Она была очень длинной, так как негры не соблюдают белых условностей относительно времени. Было бы утомительно описывать словами то, что было совершенно восхитительным зрелищем. Но было два момента, когда публика ревела от радости. Во-первых, когда молодой муж подозревает свою жену во флирте с негодяем, а во-вторых, когда он хочет помириться и на его голову обрушиваются все мыслимые беды. Он приезжает к себе домой около полуночи, в ужасно тесных ботинках и старом, пыльном костюме. В доме вечеринка, все в вечерних нарядах. Он не хочет идти в танцевальный зал. Он вынужден сесть, снять сапоги и отныне ходит с ними в руках. Он видит, как его жена танцует с негодяем, устраивает сцену, а затем драматически покидает жену навсегда. Оставшись позади, она мгновение молча смотрит на него, а затем бросается во весь рост на низкий столик, бьет каблуками и выплескивает свое несчастье в серии продолжительных воплей и пароксизмов, повергающих зрителей в райский восторг. Узкие сапоги и хромота, которую они вызывают, - голубые; горе жены - голубое; и до конца драмы меланхоличный муж топчется в носках, неся в руках свои жалкие сапоги. Его несчастье затягивается, но когда он, наконец, решает простить и возвращается домой, у дома его встречает унылый "приятель", который рассказывает ему обо всем, что натерпелась жена в его отсутствие. Раскаившийся муж выглядит очень несчастным.

"А потом родился маленький мальчик", - говорит приятель.

Раскаившийся муж радостно восклицает.

"Так похож на тебя, такой красавец".

Муж взволнован и счастлив и задает множество вопросов.

"Но ребенок умер", - говорит его угрюмый спутник.

Бедный герой вскрикивает от горя.

"Как бы я хотел, чтобы ты был рядом и увидел малышку", - говорит Бадди. "Как она говорила о вас!"

"Малышка, дорогая, и она меня простила?"

"Она простила тебя, все верно. Ах, она была прекрасной женщиной. Ты никогда не заслуживал такой женщины, какой она была, такой красивой, такой любящей, такой нежной, такой преданной - всегда произносила твое имя, считала дни, когда ты был вдали от нее, хандрила и вздыхала. Ах, как это разъедало ее сердце!"

"Да, Бадди, я никчемный, жалкий негр, вот кто я. Я не заслуживал того, чтобы иметь ее".

"Она сказала: "О, ради одного поцелуя; о, ради одного объятия..."

"Я сейчас же пойду к ней".

"Стоп!" - внушительно говорит Бадди.

"В чем дело?"

"Она умерла на следующий день после рождения ребенка".

"Нет?"

"Ясир. Каменная смерть. Я уверен, что живу".

The poor hero breaks down and sobs and wails and howls and blubbers, distraction in his aspect, his knees knock together, he throws his hat in the dust—and all the while the audience is convulsed with laughter. Негритянские женщины в ложах находят свои стулья слишком маленькими для них и падают на пол; нарядно одетые негритянские юноши в ложах хохочут из широко раскрытых ртов и смеются не только телом, но и лицом.

"Мы с мамой поехали в город, чтобы купить гроб", - говорит Бадди. "Бедная старая мама!"

"А мама простила меня?"

"О да, она все тебе простила. Такая уж она была мать. Она знала, что ты плохой, неправильный и позорный, но она любила тебя. Ах, как она тебя любила!"

"Я рада, что есть бедная старая мама".

"Мы с мамой организовали похороны, но нам пришлось продать дом. Да, все до единой палочки".

Муж все больше и больше горевал.

"Все равно я зайду к ней", - говорит он и направляется к двери.

"Стой!" - говорит Бадди.

"В чем дело?"

"Она умерла... ее переехал троллейбус, когда мы ехали на похороны..." и так далее, а развязка, конечно, в том, что, когда он уже собирается пойти и повеситься, он мельком видит мать, больше, чем в жизни, и понимает, что все это обман, а затем появляется Малышка со своим маленьким ребенком, и все в порядке.

Конечно же, пьеса *высшего класса* для негритянского театра - это "Отелло", точнее, для негритянского актера в смешанном составе. К сожалению, ни одна белая труппа в США не позволит негритянскому актеру взять на себя даже подчиненную роль. Даже роли "негров",

юмористические негритянские роли, должны доставаться белым мужчинам. Аномалия, которую необходимо исправить! Профессия актера слишком благородна, чтобы в ней могли таиться предрассудки. Однако я опасюсь, что пройдет еще немало времени, прежде чем на драматической сцене Соединенных Штатов будут выступать смешанные труппы белых и цветных актеров. "Отелло", по-видимому, ставят редко, хотя старая трагедия Шекспира, как ни странно, очень *актуальна*. Трагедия "*Отелло*" демонстрирует те же расовые предрассудки, которые существовали в XVI веке и сейчас, и выражается в схожих выражениях. Белая женщина ни при каких обстоятельствах не может быть ни мавром, ни негром. Почти невероятно, чтобы *Дездемона* избегала

Богатые кудряшки нашей нации, чтобы подвергнуться всеобщему осмеянию,
Бегут от ее стражи в копотливое лоно
такого существа, как ты.

Должно быть, он применил к ней чары. *Отелло* - дьявол. Он черный человек. Он барбарийский конь.

Племянники будут скакать за тобой.
У вас будут кузены, а немцы - геннеты".

Нет сомнений, что под *Отелло* Шекспир подразумевал негра, или, во всяком случае, кого-то, кого белые жители Нового Орлеана называли бы негром. "Мавр" или "черномазый" было общим названием негра, и местные детали пьесы подтверждают впечатление о толстогубом, черногрудом, довольно отталкивающим физическом типе. Более того, психология *Отелло* - это психология современного негра. Его витиеватая и сентиментальная речь, с ее романтической тоской и преувеличениями, очень характерна.

Я говорил о самых катастрофических шансах,
о катастрофах наводнений и полей,
О том, как на волосок от гибели, о неминуемом смертельном проломе,
О том, что меня схватил наглый враг
и продан в рабство, о моем выкупе оттуда.
И о роли в истории моих странствий:
Где антры обширны и пустыни пустынные,
Суровые каменоломни, скалы и холмы, чьи головы касаются небес,
Мне подсказали, что надо говорить, - таков был процесс;
И о каннибалах, что друг друга едят,
Антропофаги и люди, чьи головы
Растут за плечами.

И разве его последние благородные слова, его драматический и романтический жест и его самоубийство не возводят благородного африканца на пьедестал!

Фанни Кембл в своем дневнике рассказывает, как Джон Куинси Адамс считал, что "*Дездемона* правильно поступила, выйдя замуж за "негра"", и представляет себе, какого прекрасного эффекта мог бы добиться какой-нибудь американский актер в роли *Яго*, заменив "Я ненавижу мавра" на "Я ненавижу негра", произнесенное в соответствующей чарльстонской или саваннской манере. "Только подумайте, - говорит Фанни Кембл, - какой новый интерес может вызвать вся трагедия, разыгранная с этой точки зрения и названная "Амальгамация, или Черная невеста"".

Симпатии южной публики будут почти исключительно на стороне *Яго*, *Родериго* и отца. Но смогут ли они вынести это без самосуда? Ни одна негритянская труппа не осмелится поставить ее к югу от линии Мейсон-Диксон.

Как негры будут ставить трагедию в духе трагедии, я не знаю. В их истории, в их прошлом так много трагедий, что они ищут только комическую разрядку. Я считаю, что характерный американизм "Keep Smiling" или, как выражено в песне, "Smile, Smile, Smile", происходит от негров. Цветные люди в целом кажутся серьезными только в церкви или на музыкальных собраниях. Даже красноречивому пастору нелегко завоевать внимание прихожан. Он должен ходить, бушевать, вспыхивать и с грохотом выплескивать гнев Божий, как голос Всемогущего в бурю. Он должен забыть обычную дикцию, забыв о себе, и скандировать в экстазе и восторге, вознося всю свою душу к Господу. Если вы говорите с негром, он просто смеется; чтобы вас воспринимали всерьез, вы должны петь. Возможно, в этом кроется жила для негритянской драматической трагедии и пророческой поэзии. Однако, возможно, эмоциональная привлекательность таких произведений окажется слишком сильной для белых.

Для чувствительного белого человека участие в негритянском собрании возрождения или лагере - большое испытание. Эмоциональное напряжение огромно. Хотя негра трудно растрогать, но если его растрогать, то можно быстро довести его до иступления, которое, конечно, имеет мало общего с христианской религией. Но даже если он не очень тронут, у белого человека, присутствующего при этом, замирает сердце.

Однажды я вошел в дверь часовни. Здание было заполнено неграми; казалось, все места заняты. Высоко над помостом сидела негритянка, вся в черном, с большим реактивным крестом на широкой груди. Она читала из Первой книги Самуила великим оракульным голосом, который не повышался и не понижался, но был подобен произнесению вечного закона. Меня провели прямо на сцену и дали место под ее троном. Я сразу понял, что в аудитории будет буря эмоций. Она пульсировала в сердце, даже когда я слушал чтение, и я думал, как мне с ней бороться. После Священного Писания молитву "Отче наш" произнес грозный негр, похожий на африканского воина. Когда он опускался на колени, то сотрясал деревянные балки и сиденья. Он молился гневно, хлопал во время молитвы и вставлял реплики.

Да будет воля Твоя! Да, Господи, это так, это то, чего мы хотим, конечно.

Хлеб наш насущный дай нам на сей день! Да, дай нам его (хлопок, хлопок, хлопок). Дай нам хлеб наш насущный, Господи. Накорми нас! Накорми нас, Господи!

Прихожане также на все лады вставляли свои замечания, хлопали и славил, пока шла молитва "Отче наш".

Женщина в черном была известной движущей силой душ, и ее проповедь, очевидно, была самым ожидаемым религиозным событием утра. Это была простая женщина с сильной волей, прекрасным голосом и редким знанием Библии. Она проповедовала на основе текста "Савл спрятался среди вещей". Сначала она рассказала историю тихим голосом, а затем начала излагать ее суть. Бесполезно прятаться от Бога, потому что Он все равно найдет вас.

Ее простые слова были настолько вдохновляющими, а атмосфера, которую она создавала среди прихожан, была такой, что мне пришлось сделать все возможное, чтобы не сломаться под ее влиянием и не зарыдать, как ребенок.

Я прокручивал в голове драму "Макбет", реконструировал "Ричарда Третьего", вспоминал речи, которые слушал на барском обеде накануне вечером, и то, чем занимался в течение последней недели и месяца. Но все это время я фиксировал в своем мозгу и все то, что говорила черная жрица.

Рядом со мной женский голос продолжал взывать: *"Помоги ей, Господи, помоги ей!"*, и я из всех сил отступал назад. Вскоре проповедник перешел с обычного, повседневного голоса на варварский напев, который то поднимался, то опускался, то провозглашался и декламировался в ритмическом величии и музыке. Я не смел взглянуть на женщину, стоявшую рядом со мной. Но она прошептала: "Теперь она в порядке, Господи, теперь она в порядке", и я подумал о том, как облегченно вздыхают валлийцы, когда их проповедники переходят на пение, которое они называют *"хвил"*.

Затем я с большой осторожностью оглядел женщину. Каково же было мое изумление, когда я увидел девушку лет восемнадцати с лицом, похожим на огромную румяную дыню. Ее челюсти были совершенно расслаблены, глаза полузакрыты, а верхняя губа, приподнятая, обнажала улыбающиеся зубы и слой сладкой жевательной резинки.

Тем временем преподобная Нора сверху призывала всех нас выйти из-за вещей. Мы всегда прятались за своими делами, за своими семьями, за своими телами.

"Они прячутся за своими телами, Господи!"

"Да, Господи, они говорят, что они больны, что они больны,

"Что они не могут делать то-то и то-то, потому что у них слабое здоровье".

"Выйди из-за вещей!"

"Ты видел, как Саул прятался за багажом, Господи.

"Сегодня там прячутся наши негритянские братья и сестры.

"Прячутся за своим богатством...

"Прячутся за своей благотворительностью...

"Прячутся за своими домами, одеждой и машинами,

"Да, и их женами и мужьями,

"и мнениями других людей.

"Но Ты видишь их, Господи,

"Ты видишь их, и Ты выведешь их наружу..."

"Я и так там прячусь", - вырвалось у прихожан, и "Господи, спаси нас!" "Господи, помоги нам!"

Вся масса чернокожего человечества заколебалась под властью эмоций, зажженных этой женщиной. Они уже собирались встать в неистовстве и закричать великий евангельский гимн покаяния, как вдруг что-то произошло: силы женщины сдали, и она выскользнула из песнопения обратно в свой обычный голос. И тут же чары были разрушены.

Вышли самые маленькие прихожане, неся маленькие баночки с вареньем, которые они подносили каждому для сбора, и мы запели громкий и шумный гимн, и все разошлись по домам.

Еще одна нота в проповеди, и в конце службы была бы грандиозная сцена обращения, и каждый решил бы выйти из-за своих вещей, как советовал проповедник. Но для религии лучше не обращаться в веру каждое воскресенье.

Многих белых людей, несомненно, так позабавила бы подобная проповедь, что они с трудом сдерживали бы смех. Один смех белого незнакомца мог бы стать катастрофой и наверняка вызвал бы враждебность. С другой стороны, есть белые, которые любят психофизический религиозный эмоционализм. К такому типу относится поэт, написавший

Мы оплакивали все наши ужасные грехи,
И все мы нашли Иисуса на рассвете.
Благословенный Иисус!

Я не встречал ни одного негра, который считал бы это юмором, если только это не был член одной секты, рассказывающий о "делах" в другой. Кажется, что у каждой расы или народа есть свое характерное религиозное выражение. Когда видишь, как возвышаются в религии копты и арабы, когда слышишь великий хоральный голос России в церкви и великолепную, целеустремленную веру тевтонских гимнов, понимаешь, что спокойное пение "Хвала Святейшему в вышине!" - не единственный способ прославления. Существует пятьдесят тысяч способов восхваления Бога, и каждый из них правильный.

Поэтому не стоит укорять негра за его излишества. Его способы - часть естественной и Божественной истории человека, и рассматривать их с открытым и милосердным умом бесконечно полезно. Истерия, неистовство, которые я наблюдал на некоторых собраниях, не свойственны белому человеку. Нет смысла приходить в ужас от этого. Это третья часть, которая завершает человека вниз, как говорит святой Иоанн в пустыне.

"И после этих эмоциональных возбуждений они совершают так много убийств", - сказала мне одна южанка.

"Если так, то в присутствии обращенного человека нужно быть начеку", - ответил я.

Основой серьезного отношения негров к религии является негритянский гимн или "спиричуэл". Эти спиричуэлс появились еще до того, как возникли негритянские церкви, до того, как христианство было фактически разрешено рабам. Поэтому их чаще всего называют плантационными мелодиями. Их пели в сумерках старых плантаций, и они выражали великую человеческую скорбь и великую человеческую нужду. Они показывают, что негр получил доступ к духовным глубинам, что у него есть душа, как и у нас - факт, который так часто отрицают, - и что он способен проникнуть в возвышенное. Я очень часто слушал эти песни. В нескольких местах их пели в честь белого гостя. Я слышал их в исполнении группы Hampton Singers и лекции Гарри Т. Берли, чьим усилиям по исследованию удалось сохранить несколько песен. Нет никаких сомнений в их превосходстве. Они привлекают всех, у кого в душе есть музыка.

Однако это музыкальный, а не интеллектуальный эффект. Слова часто не имеют никакого отношения к чему-то глубокому, а в лучшем случае являются детскими. Как правило, есть лейтмотив, который журчит на протяжении всей песни, функция бассо-профундо, который

обеспечивает реку гармонии, как саму жизнь, а тенора, баритоны и более громкие голоса движутся по этой текучей основе, как корабли. На реках рабы любили петь, когда гребли за своими хозяевами, используя при этом удары весел и журчание воды, а тот, кто стоял у руля и управлял, обычно был глубоким басом. Одна из самых незабываемых мелодий - "О, слушайте ягнят!". Тенора, кажется, имитируют стада бесчисленных овец и ягнят, которые плачут друг с другом, а басо-профундо - неуместное "Я хочу попасть в рай, когда умру", постоянно повторяемое в подземном бормотании и шепоте...

О, послушайте ла-амбы
All a-cry ... in'. Все плачут... плачут.
И я хочу отправиться в Гебн, когда умру!

"Swing Low, Sweet Chariot", "Go Down, Moses", "Didn't Hear Nobody Pray", "The Walls of Jericho" и многие другие, безусловно, знамениты.

Эти и многие другие явления свидетельствуют об особой негритянской точке зрения и о зарождающейся широкой народной культуре. Сочувственное исследование всегда даст свидетельства, которые могут быть противопоставлены точке зрения, согласно которой негр - ничтожество, животное, в лучшем случае мошенник или позор для рода. Однажды я сидел в саду в Балтиморе в тени гигантского платана, когда вышел смешанный класс негритянских мальчиков и девочек и молодой цветной учитель лет двадцати пяти. Девочки были пышными "хлопушками" всех оттенков полированного черного дерева, мальчики - веретенообразными, ловкими и пуленепробиваемыми. Все они изучали растения, деревья, гусениц и цветы под наставничеством мастера. Они были шумны и оживленны, как стая птиц, внезапно появившаяся на равнине. Они не обращали внимания на посторонних. Но вот мимо них прошел высокий белый мужчина, и я увидел на его лице выражение нескрываемого презрения.

"Изучают ботанику", - сказал он мне сценическим шепотом. "Завтра утром они будут знать об этом столько же, сколько свиньи".

IV

В ТЕННЕССИИ

Юг, говорят мне, никогда не меняется. Говорят, что это наименее характерная и самая неинтересная часть Соединенных Штатов. "Вам это не понравится", - сказали мне. "Он не изменился за пятьдесят лет". Конечно, он малопосещаем. Он не является примером суеты и эффективности Севера. И еще там нельзя читать лекции. Это не литературный домен. Следствием этого является то, что в Великобритании многие люди путают "Южные штаты" с республиками Южной Америки. В письмах меня спрашивали, почему я поехал на юг. Считалось, что там должно быть менее интересно. Но это ошибка. Юг так же жизненно важен, как Запад и Восток. В целом он более живописен. Он не так разнообразен, но огромные площади хлопчатника с одной стороны, сахара, кукурузы и риса - с другой, а также леса, хорошо заметные черты, придают Югу красивый природный облик. Правда, точка зрения южан в отношении негров не сильно меняется, и все голосуют в одну сторону, но из этого не следует, что точка зрения южан в отношении всего будущего Соединенных Штатов не изменилась и не изменится. Юг был очень беден, сейчас он богатеет, возможно, станет

очень богатым и процветающим. Он был почти лишен политической власти, а теперь, необычным образом, вновь обрел ее. Хорошо известно, что мнение бедного и разоренного человека меняется, когда Фортуна компенсирует ему прошлое. Так произошло и с Югом.

Затем, рассматривая народ в целом, нельзя не считаться с характером. Так, в Великобритании важными факторами являются суровость Йоркшира и Ланкашира, осторожность шотландцев, властолюбие южных графств, энтузиазм и фантазия кельтов. А в Америке приходится считаться не только с пуританским пылом Новой Англии, но и с решительностью, буйством и групповым инстинктом более бесцеремонного духа Юга. Хотя жара делает южных женщин вялыми, а южных мужчин вспыльчивыми и быстрыми, она не делает их слабее. В целом южанин, кажется, обладает более сильной волей, чем северянин, и, несмотря на буйство Севера и Запада, на поток противоположных идей и настроений, южанин остается как бы вечно неспособным быть подавленным. Пока Америка говорит, Юг будет говорить всегда. Поэтому Юг очень важен в жизни Америки.

После Вирджинии я отправился по железной дороге в соседний штат Теннесси. Однажды в пятницу вечером я приехал в Ноксвилл. Вид его в лунном свете впечатлял: широкий железнодорожный мост, башня с часами, светящимися в лучах солнца, главная улица, запруженная толпой жителей Теннесси, все магазины, залитые светом; от дома к дому развешаны банты и венки - ведь это была неделя ярмарки. Собрание Армии спасения оглашало воздух флагами и аллилуйями. Повсюду мерцали электрические вывески. Смех и разговоры шли рука об руку по широкой главной дороге. "Это прекрасный город, этот ваш Ноксвилл", - рискнул я заметить незнакомцу. "Нет, не прекрасный город, - ответил он, - прекрасный народ, но не прекрасный город, а жалкий; его нужно снести и перестроить, но прекрасный народ, самый прекрасный народ в мире". Это редкое самосознание и вера в себя, это групповое чувство, я думаю, напрасно искать на Севере.

"Трезвый Ноксвилл" - один из самых ответственных южных городов. Теннесси в целом отличается спокойствием и уравновешенностью. Линчевание происходит нечасто. Поэтому то, что в городе вспыхнули расовые беспорядки, считается весьма необычным. Расовые беспорядки в Чикаго и Вашингтоне в 1919 году были, несомненно, хуже, но ни один из них не вызвал большего недоумения, чем тот, что вспыхнул в Ноксвилле 30 августа того же года.

Как ни прискорбны и ужасны были эти негритянские *погромы* в послевоенный год, я думаю, что они были вызваны особыми условиями. Они были выражением разочарованной свирепости, которая в противном случае ушла бы в войну. К ним в немалой степени привели демобилизационные волнения - парады негритянских полков, безделье белых солдат и демобилизованных безработных. Когда был достигнут полный переход к мирным условиям, опасность таких вспышек была предотвращена. 1920 год остается более свободным от расовых беспорядков. Но это не значит, что они не могут вспыхнуть вновь, причем в более широких масштабах. В любое время социальных потрясений и революций они становятся возможными. Те, что уже произошли, свидетельствуют об отвратительной враждебности к неграм, все еще скрытой в простых жителях городов.

Как мне объяснили, вспышка в Ноксвилле имела сравнительно простое происхождение. Мистер Морес Майес, негр, убил миссис Линдсей, белую женщину. Его арестовали и отправили в тюрьму в другом городе. Собралась толпа, чтобы войти в тюрьму Ноксвилла и линчевать негра. Но комитет вступил в переговоры с губернатором, и ему позволили убедиться, что заключенного там нет. Однако, судя по всему, в тюрьме хранилось значительное количество виски. Виски привлекло и толпу. Начался общий штурм, тюрьма

была взята штурмом, и все заключенные были освобождены. Войска, посланные для разгона толпы, присоединились к ней, и тогда появилась вторая цель - отомстить цветному населению. Кто-то пустил слух, и он распространился как лесной пожар, что тысячи негров маршируют по деловой части города и что два солдата были убиты. Цветное население было застигнуто врасплох - началось массовое мародерство, разрушения и грабежи, несколько негров были убиты, а многие получили ранения. Это был первый расовый бунт в Ноксвилле, и все уважаемые люди сожалели о нем. Мне сказали, что все произошло из-за преступления одного негра. Но с таким же успехом можно сказать, что все произошло из-за желания иметь виски в тюрьме - о Ноксвилл, о трезвость!

Поскольку в целом в Ноксвилле с неграми обращаются хорошо, этот промах сошел на нет, и они на удивление не озлоблены. Я зашел в библиотеку Карнеги для цветного населения, маленькое тихое здание - не очень большое в сравнении с действительно грандиозной публичной библиотекой города, но все же это учреждение, и на него стоит обратить внимание, по сравнению со многими другими городами, где негры не только не имеют доступа к общим публичным библиотекам, но и не имеют для них отдельного помещения. Библиотека для цветного населения в Ноксвилле была открыта мэром несколько лет назад, и город гордится тем, что он сделал. К сожалению, она очень неполноценна, но за нее отвечает способная цветная леди, которая, возможно, поможет "агитировать" за создание большей и лучшей. В любом случае негры очень благодарны за то, что у них есть.

Я обратился к нескольким представительным неграм. Они были гораздо более дружелюбны к белым, чем те, которых я встретил в Вирджинии. "Мы здесь очень хорошо ладим", - было общим замечанием. Я навел цветного адвоката Х..., обосновавшегося в Ноксвилле около восьми лет назад. Он был в запустении и вычищал свой кабинет жесткой щеткой и лопатой. В разговоре он оказался очень похожим на адвоката. Я задал ему целый ряд вопросов, на которые он отвечал "да" или "нет", не сообщая никакой информации и не расширяя ее. Он назвал расовый бунт "обстоятельством". Он сказал, что выигрывал дела даже в Верховном суде и пользуется уважением в коллегии за свою суровую решимость. Сказав это, он подошел к окну и яростно плюнул на улицу вниз, а затем вернулся.

Я похвалил его вероятное умение работать с присяжными, и он смягчился.

"Я тренируюсь читать людей по лицам", - сказал он. "Я выбираю человека, который может доставить неприятности, и обращаюсь исключительно к нему. Судьи здесь абсолютно лишены цветовых предрассудков".

В городе Дэнвилле только что был приговорен к смерти полудурок за то, что приставал к белой девушке. Суд был самым коротким, а путь негра к электрическому стулу был максимально быстрым - чтобы избежать линчевания. Адвокат считает, что приговор был суровым, но пока самосуд был так распространен, законное наказание должно было быть суровым.

"Вы когда-нибудь слышали, чтобы белого человека осудили за нападение на негра?" спросил я.

"Нет", - сдержанно ответил он, - "только если это не было преступление против ребенка".

По его мнению, негры не проявляли особой предприимчивости в Ноксвилле - здесь не было ни банков, ни крупных предприятий, ни аптек, хотя было четыре цветных адвоката и шестнадцать врачей.

После адвоката Х... я посетил мистера Д..., успешного цветного дантиста с ухоженной головой и наманикюрованными руками. Он был одет в белый больничный халат, который был безупречен, а по оснащению его кабинета было видно, что он идет в ногу с научным прогрессом в области стоматологии. У него была хорошая практика не только среди негров, но и среди белого населения деревни. Он сказал, что у старых поселенцев нет предубеждений против цветного дантиста, хотя молодые, начинающие мужчины и женщины настроены иначе. Пока я говорил, пришла цветная девушка, чтобы мистер Д... запломбировал полый зуб. Он сказал, что в прошлом цветные очень страдали от своих зубов, но теперь они больше заботятся о них. Ему нравится ставить на зубы золотые коронки, и большинство умных негритянских молодых людей считают, что немного золота во рту - это очень *шикарно, как раз то*, что нужно. Это, безусловно, характерная черта современного негра. Мистер Д... наблюдал за расовыми беспорядками из окна своего офиса и был сильно встревожен в то время. Но, как и адвокат Х..., он считал, что в городе царят добрые чувства. Он считал это случайностью. Солдаты были настроены против негров.

Какой контраст был в Ноксвилле с такими местами, как Норфолк, штат Вирджиния, в плане отсутствия негритянских предприятий! Вскоре я понял, что чем дальше на юг, тем более застойной будет казаться негритянская жизнь, пока я не доберусь до точки, где уже не останется места для исследований. Путешественник, отправляющийся на юг из Вашингтона, постепенно спускается в своего рода яму деградации. Чаттануга ниже Ноксвилла, Бирмингем ниже Чаттануги, сельские районы Джорджии и Алабамы ниже всех этих городов. Я считаю, что это необходимо осознать, чтобы негритянский прогресс в Вирджинии и на Севере не создавал ложного впечатления о целом.

В Ноксвилле наступило время ярмарки. Время, когда я был на Юге, было временем ярмарок и карнавалов. Как русский отправляется в паломничество, когда собран урожай, так американец осенью едет на ярмарку. На Юге существует огромная сеть передвижных караванов шоуменов, и огромный шоу-бизнес совершенно незнаком англичанину. Я прибыл во многие города во время их ярмарки и огромным трудом нашел приют на ночь, настолько они были переполнены. Люди со всей страны съезжались на ярмарку на своих машинах и загромождали все проезжие части.

Один из недостатков большой ярмарки штата заключается в том, что, за исключением слуг, негров не видно. Здесь огромное скопление белых людей, но нет негров. Поэтому она более вежливая, более хорошо одетая, более традиционная, и в ней меньше цвета и жизни, чем было бы справедливо, если бы все были желанными гостями. Что такое ярмарка, если не развлечение для бедных! На Юге все сводится к тому, что у белых свои ярмарки, а у негров - отдельные.

Я сопровождал одного спортсмена из Аппалачей. Он рассказал мне, что в день подписания перемирия подстрелил большого черного медведя. Как только наступило первое ноября, он с ружьем и рюкзаком и негритянскими мальчишками вышел на охоту за медведем. Он охотился из любви к охоте, хотя медвежье мясо можно было продать по доллару за фунт, и оно стоило того, каждый цент. Он считал, что Теннесси хорошо потрудился на войне, и они устроили парням отличный прием, когда те вернулись. Во время бунта в них было немного виски, но несколько негров меньше - это не так уж важно. Он указал мне на признаки процветания Ноксвилла - дома, которые стоили от десяти до двадцати тысяч долларов - живописные и деревянные, но очень дорогие с точки зрения европейца. В этом районе не выращивали хлопок, а табака почти не было. Многие люди даже не знали, что такое стебель хлопка.

Ярмарка в Ноксвилле представляла собой удивительную экспозицию южных свиней (на каждой свинье был записан ее личный вес и то, сколько она набирает в день), быков, кур, голубей, кроликов, сов и прочего, а также зал автомобилей, увешанный флагами. В зале бесплатных водеvilльных представлений в клетках сидели львы и тигры. Негритянские мальчишки пороли костлявых, хрюкающих верблюдов по всей территории. Прилавки с попкорном соперничали с прилавками с мороженым, заваленными рожками. Удивительный шум стоял от различных вращающихся "золотых снов" и резвящихся металлических лошадей, а возле всевозможных пип-шоу люди, продавшие свои голоса, рассказывали до пены на губах или до хрипоты об уродах и чудесах, происходящих внутри. Двухголовый ребенок, девочка, которая не умирает, хотя ее полуобнаженное тело пронзают дротиками; "вся семья Дам" (обезьяны, переодетые в людей); сигаретный изверг, тонкая желтая полоска человечества, которая медленно, но верно выкуривает себя до смерти; Блюи, недостающее звено между обезьяной и человеком; огнеглотатель с островов Южного моря; Зарельда, девушка с миллионом глаз (расположенных по всему телу), которая поставила в тупик всех ученых; сад Аллаха и сад прекрасных девушек; Лич, человек-галерея с шедеврами мировой живописи, вытатуированными по всему телу; Дагмар, живая голова без тела....

А хозяин представления и купленного голоса, который не перестает рекламировать его прохожим, стоит поодаль в рукавах рубашки, сворачивает свой фунт и сплевывает, и, кажется, размышляет о долларах и центах, то и дело подавая сигнал человеку с голосом, чтобы он не позволял толпе уйти, не войдя внутрь. Жалко было наткнуться на фриков потом, в дороге; видеть Зарелду, скромно одетую в черное, с чемоданом в руках, и понимать, что у нее "свидания" по всему Югу, и она показывала свои миллионные глаза сегодня в Ноксвилле, потом в Мейконе, потом в Саванне, потом в Джексонвилле, Мобиле, Новом Орлеане и еще десятке мест, иногда на день, иногда на три дня или неделю - ни в каком смысле не артистка мюзик-холла, а цыганка по жизни и по профессии. Как, должно быть, устают эти чудачки, переезжая из штата в штат и слушая громкий смех, говорящий об отсутствии ума.

В качестве аккомпанемента этой шоу-жизни можно было бы ожидать большое количество бродячих музыкантов и нищего люда, кочующего из города в город. Но их практически нет. Бродячие музыканты теперь находят вежливую работу в многочисленных кинотеатрах, где сенсационные картины чередуются с низкопробными водевилями. Таланты южан встречают бурный прием в двадцатицентовых домах Атланты и Нового Орлеана. Порой можно услышать очень широкий юмор, бешеные бурлески нервной истерии и полубезумного невежества "негра" - когда белый человек гримируется под негра, он всегда показывает что-то ниже негра. На одном из представлений в Новом Орлеане вся публика ревела от смеха, соревнуясь в так называемом "шипении", выплевывании жеваного табака друг другу в лицо и обмениваясь чисто южными эпитетами и сленгом. Музыка среди белых развита слабо, хотя пение хоров "Дикси" приветствуется как почти национальное. Музыкальные инструменты теперь редкость, даже среди негров, и, похоже, их вытеснил граммофон. На городских улицах нет "гидлингов", нищих, распевających гимны. В стране мало бродяг. На рынках и дешевых улицах чаще можно встретить неадекватных людей. Запрет загнал в подполье ту часть питейного трафика, которую он не уничтожил, и до сих пор безработные находят себе занятие по душе, ведя жаждущих к "слепым тиграм". Редко можно встретить человека в дороге, а Вашел Линдсей, который топал по Джорджии и читал свои стихи фермерам, наверное, был уникален не только как поэт, но и как бродяга. Я не увидел ничего похожего на грандиозную процессию "бродяг", которую я встретил, когда семь лет назад отправился в Чикаго. Возможно, это объяснялось тем, что иммиграция прекратилась, и по всей Америке существовала потребность в рабочей силе, которая поглощала всех мужчин. Впрочем, и до войны на дорогах их было немного: огромное количество негров делает непригодным для

белого человека бродяжничество, и, кроме того, у белого человека в любом случае меньше шансов найти работу.

Многое говорится против "бедных белых" или "бедных белых отбросов", как называют белый пролетариат черные пролетарии. Считается, что они - злейшие враги негра, и негр боится большевизма или социализма, потому что знает, что простые белые люди, "те, у кого ничего нет и кто ничто", - последние, кто может отдать ему справедливость. Как сказал недавно один из самых популярных негритянских лидеров: "Пока за социализмом следуют низшие слои белых, мы видим, что от социализма исходит больше опасности для негра, чем от чего-либо другого, потому что ниже линии Мейсона и Диксона люди, которые линчуют негров, - это низшие слои белых". Конечно, те толпы, которые с радостью позволяют себе фотографироваться вокруг обугленных останков сожженного ими негра, предоставляя таким образом самые ужасные средства пропаганды негритянскому обществу, скорее относятся к тупым, необразованным массам, чем к утонченным и богатым. Они ненавидят негра больше, потому что их больше бросают на контакт с ним, а их женщины более доступны для него. Они конкурируют с неграми за работу и зарплату и с радостью приветствовали бы полный отток на Север или в Либерию, потому что тогда их зарплата повысится. Физически и по-человечески они боятся негра, а потому нападают на него толпами. К счастью, на Юге нет большого количества бедных белых, за исключением крупных городов и портов.

В отличие от жителей Севера, люди Юга шумные, очень вежливые в помещении, но грубые и невоспитанные на улице. Они сделают многое для вас как для друга, но мало что для вас как для незнакомца. У них резкие черты лица, тонкие губы, насупленные брови. Женщины не набирают достаточной полноты, а склонны к усыханию и увяданию. Повсюду огромное количество увядших женщин - возможно, признак того, что климат не подходит этой расе. Акцент, похоже, зависит от штата, и в Теннесси говорят гораздо отчетливее, чем в Джорджии, где преобладает "черномазый говор", и по голосу трудно отличить белого от черного. Почти все буквы "р" опускаются. О моральном облике говорят, что он слаб, но, тем не менее, существуют очень высокие стандарты, по крайней мере, в вопросах секса. Южная женщина ни в коей мере не осознает своих прелестей, как северная, и необычайно восприимчивый мужчина может спокойно провести время в этих краях. Мужчины не думают о любви и не слагают стихов, хотя это и Юг, но они, если не сказать больше, увлечены бизнесом и деньгами. Большинство людей выглядели подозрительными по отношению к незнакомцам, не общительными, но, приняв незнакомца в свое сердце, они легко становятся радушными.

Будучи чужаком, я столкнулся с удивительным отсутствием вежливости в "не профсоюзной" компании по производству плугов в Чаттануге. Рабочие были в основном неграми, и я обратился к белому управляющему, чтобы получить разрешение осмотреть рабочие места. Тяжелолицый парень заставил меня полчаса ждать в прихожей, а затем не только в упор отказался позволить мне ознакомиться с условиями труда на его фабрике, но и был настолько груб в своих манерах, что я был вынужден высказать ему все, что думаю о его недостаточной вежливости, причем не по отношению ко мне лично, а по отношению к литератору. Как богатый бизнесмен он, похоже, считал профессию литератора грязью под ногами. Должен сказать, что мне стало стыдно за то, что я так разозлился, и меня очень позабавило, когда несколько недель спустя я прочитал в случайно попавшейся газете из Чаттануги, что Билли Сандей посетил этот город и проповедовал на упомянутой фабрике, и по окончании его выступления, при котором присутствовал управляющий, все служащие в полном составе обратились ко Христу.

Чаттануга - более крупный город, чем Ноксвилл, лучше построенный и более просторный. Он попал в район южной стали и угля. Многочисленные заводские трубы и небо, покрытое копотью, свидетельствуют о том, что - значительный промышленник. Как и в городе-побратиме Бирмингеме, штат Алабама, здесь много цехов, не входящих в профсоюз. В Соединенных Штатах проходила великая сталелитейная забастовка, но в то время как рабочие на Севере отстаивали свои позиции в долгой и ожесточенной борьбе, в таких местах, как Чаттануга и Бирмингем, не было даже подобия забастовки. Казалось, что рабочие проблемы Севера означают капиталистическое процветание Юга.

Одна из причин, по которой труд южан остается в значительной степени неорганизованным, - негритянские проблемы. Профсоюзы не готовы принимать негров в свои ряды. Поэтому негра всегда можно привлечь для выполнения работы белого человека, если тот объявит забастовку. Независимо от того, в профсоюзе или вне профсоюза, зарплата кажется довольно высокой. Я разговаривал с негром-формовщиком, который зарабатывал в среднем шесть долларов в день. Это более восемнадцатисот долларов американских и около пятисот фунтов английских денег в год. Однако не состоящий в профсоюзе неквалифицированный рабочий зарабатывает чуть больше двух долларов в день, что, при столь высокой стоимости продуктов питания, очень мало.

Я заметил разницу в отношении цветного населения Чаттануги. Оно было гораздо более подавленным, чем в Ноксвилле или виргинских городах. В Чаттануге не произошло ничего страшного, но, по слухам, там была злая мафия, и то, что случилось в Ноксвилле, напугало их. Газеты содержали устрашающие заметки. 26 сентября в Омахе, штат Небраска, толпа сожгла здание суда, линчевала негра и пыталась линчевать мэра города Э. П. Смита, которого дважды водружали на фонарный столб за то, что он отказался отдать толпе пленника. Когда я стоял под фонарным столбом с веревочным галстуком на шее и слушал крики "Линчуйте его", я поступил так, как поступил бы любой настоящий американец", - сказал мэр. Перед лицом смерти он отказался уступить свои полномочия судье Линчу". Это было в Омахе, на Западе. 29 сентября в Монтгомери, штат Алабама, двадцать пять человек в масках линчевали двух негров за якобы имевшее место нападение на белую женщину. 1 октября в Элейне, штат Арканзас, вспыхнул страшный цветной бунт из-за спора о ценах на хлопок. 6 октября два негра были сожжены на костре, а трое застрелены в Вашингтоне, штат Джорджия, за предполагаемое соучастие в убийстве помощника шерифа. На следующий день в Мейконе за попытку убийства линчевали Юджина Гамильтона, и так далее. Со времен Гражданской войны едва ли можно найти более кровавый и страшный период. А бедные белые жители Чаттануги все время намекали, что скоро настанет очередь Чаттануги. Мне рассказывали, что негры не решались отходить далеко от своих домов в пригородах после наступления темноты. Их мучили и избивали, когда они возвращались домой из церкви. В троллейбусы, где царил "джим кроу", вторгались грубияны, пытавшиеся устроить беспорядки. В некоторых городах на Юге у негров есть полностью черные омнибусы и джитни. Они могли бы устранить большую часть опасности троллейбуса, в котором между расами есть только соломенная перегородка. Но негритянская предприимчивость не дошла до омнибусов в депрессивной Чаттануге. С точки зрения белых, город можно было бы улучшить за счет большего освещения. Это темное и обширное место. Крупные компании не хотят терять своих негров и могли бы сделать больше, чтобы удержать их. Я обнаружил, что негры напуганы, и многие готовы воспользоваться первой же возможностью и уехать на север. Мистер Т... сказал: "Они могут убить нас всех". Миссис У... сказала: "Все, у кого есть дети, хотят уехать. Здесь у наших детей не будет шансов. До войны было намного лучше, но теперь они, кажется, еще больше нас не любят. Возможно, было бы лучше, если бы никто из наших мужчин не пошел на

войну". Я старался успокоить большинство тех, с кем разговаривал, потому что у них было преувеличенное представление об опасности.

В Чаттануге не было библиотеки для цветного населения. Казалось, что негритянский бизнес здесь практически отсутствует. Меня сразу же познакомили с аптекарем и гробовщиком. Гробовщик и продажа лекарств, к которым относится и раздача мороженого с содовой, похоже, самые популярные виды бизнеса среди негров. Где бы ни собирались три или четыре вежливых негра и я с ними ни заговаривал, кто-нибудь говорил: "Позвольте представить вам гробовщика такого-то и такого-то", - и тот, небрежно улыбаясь, протягивал свою коричневую руку. В Чаттануге я посетил шикарное заведение, осмотрел выставочный зал с элегантными гробами, меня провели в салон и комнату для бальзамирования, где на каменной плите готовили тела. Этот гробовщик начинал с одного гроба, а теперь, как я убедился, стал одним из богатых людей города. Похороны стоили от ста до ста пятидесяти долларов, и обычно их оплачивали страховые компании.

Я нашел большой аптечный магазин в Ист-Сайде, который держал молодой человек, заведовавший отделением пневмонии в 92-м дивизионном госпитале во Франции. У него было столько же белых покупателей, сколько и цветных. Он не продавал много патентованных лекарств, поскольку, по его словам, отношение правительства Соединенных Штатов к патентованным лекарствам стало самым суровым. Он был полностью квалифицированным химиком. Врачи выписывали рецепты, а он отпускал их обычным способом. Да, многие были удивлены, обнаружив негра-химика на ответственной должности в больнице, но это объяснялось незнанием белых людей о прогрессе, достигнутом цветными студентами-медиками.

Мне очень понравилась "Рабство Джозефа", драматическая кантата, исполненная цветным хором. Очевидно, негры сами сочинили эту кантату, потому что слова были очень причудливыми и простыми. В переполненном зале быть единственным белым - для меня и дамы, которая была со мной, это было любопытное положение. Из-за этого целый ряд мест оставался пустым посреди переполненного зала. Ни один негр не осмеливался сесть рядом с белой женщиной, опасаясь, что я могу сделать. Однако, когда я покидал свое место, чтобы поговорить со знакомым негром в другой части зала, пустой ряд механически заполнялся.

Постановка кантаты была довольно забавной. Охранники Потифара были самыми умными из всех возможных: бывшие солдаты из армии Першинга, прямо-таки негритянские парни в хаки. Но Потифар был в синем, выглядел как человек, управляющий лифтом, и носил самые узкие брюки. Лева, его жена, лапала Иосифа и твкала: "Я люблю тебя, я люблю тебя". Фараон в сверкающей стальной короне и стальных башмаках производил впечатление. Иосиф как раб был негром-рабочим в рубашке; как визирь, однако, с пурпуром на голове, он выглядел очень величественно, и юбилейный хор, который он пел, когда фараон, наконец, спустился и он сел на место фараона, был очень веселым, раскачиваясь в одну сторону от толпы вокруг него и подпевая им, раскачиваясь в другую сторону и подпевая им, а затем всем и Богу...

Я не уехал из города, не посетив церковь, и услышал блестящую речь маленького черного Боанергеса. Он ходил вверх и вниз по трибуне со сложенными руками, ворковал и уговаривал, но то и дело приседал и взрывался, поднимал руку для удара, кричал, даже вопил, обращаясь к человечеству и Всемогущему. В немом шоу он дергал за веревку беднягу, которого линчевали и *отправляли прямоком в ад*. Он говорил о расовых беспорядках, а

затем, внезапно задыхаясь, словно гонец, только что прибывший с плохими вестями, широко раскинул руки, расширил глазные яблоки и пронзительно закричал: *"В стране беспорядки и анархия"*.

Он выбрал прекрасную комбинацию текстов для своей проповеди: "Может ли эфиоп сменить кожу, или леопард - пятна? Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть Дух".

Несмотря на то что я был совершенно незнакомым человеком, меня выделили и вывели вперед, чтобы передать прихожанам христианское приветствие. Я сказал им, что прочитал в негритянской газете, что "негритянская церковь потерпела неудачу". Молитву пытались использовать в течение пятидесяти лет, и оказалось, что она бесполезна". И я сказал то, во что твердо верю, - что только христианство может спасти цвет.

Оратор был очень доволен и сказал своим прихожанам: "Посмотрите, что Бог послал нам в это воскресное утро", и пригласил меня выступить с речью вечером. На платформе между нами произошла забавная перепалка. "Я не знаю, как его называть и кто он такой; он может быть кем угодно, доктором, профессором,...", - он пылливо посмотрел на меня.

"О, простой мистер", - сказал я.

Однако он продолжал говорить "профессор", пока я снова не прервал его.

По окончании моего выступления дьяконы вышли, чтобы оценить состояние прихожан в вопросе сбора денег. Они осмотрели все вдоль и поперек и решили, что двадцать два доллара - это та сумма, которую можно собрать. С торжественными лицами они терпеливо смотрели на прихожан, пока тарелки ходили по кругу. Сбор был подсчитан, и оказалось, что он значительно меньше. Тогда дьяконы снова обратились к прихожанам, заявив, что некоторые молодые люди сдерживают себя. Затем в течение пяти минут людей побуждали подходить поодиночке и делать дополнительные пожертвования. Сообщалось о прогрессе, и затем подходили все новые и новые люди, пока не была выполнена вся оценка.

Затем произошло самое трогательное событие. Пастор повернулся ко мне и предложил разделить со мной коллекцию.

"О, нет!" поспешно прошептала я, чувствуя себя, наверное, довольно шокированной этой идеей.

"Он сказал "О, нет"", - обратился пастор к прихожанам.

V

МАРШ ЧЕРЕЗ ГРУЗИЮ

Путешествуя из Чаттануги в Атланту, неизбежно возвращаешься к Гражданской войне в США, ведь в 1863 году победоносный Север прошел путь от Чаттануги и знаменитой битвы на горе Лукут до взятия Атланты и опустошения Джорджии. Славные звезды и полосы победоносно появлялись на горизонте Севера, взбирались на каждый холм, опускались и снова взбирались, а за ними следовали ликующие солдаты Севера. Генерал Шерман начал собирать свою великую славу, в то время как генерал Ли, авантюрный лидер южан, позволил

отрезать себя в Виргинии. Усилия Юга были очень живописны, как игра азартного игрока с небольшими средствами и огромными надеждами, но тени разорения собрались вокруг нее и стали сводить на нет очарование ее начинаний. Линкольн провозгласил свободу рабов. Юг сделал вид, что в любом случае рабство не переживет войну, и в знак этого призвал на службу негров, сделав их свободными людьми с момента зачисления в армию. В экстремальной военной ситуации политика обещает многое, что впоследствии неблагодарная безопасность не ратифицирует. Южный плантатор мог бы получить некоторую компенсацию за потерю своих рабов, если бы вовремя пришел к соглашению. Но он надеялся, что каким-то образом ему удастся получить право распоряжаться своими неграми по своему усмотрению без постороннего вмешательства. В отношении негров-рабов существовало такое же бурное уmonoстроение, как и сейчас в отношении негров-свободных людей. Не хватало только разговоров о белых женщинах. Хотя изначально колонисты в целом выступали против введения рабства, рабство захватило в плен и затем отравило умы большинства людей. Юг предпочел бороться до конца, а не жертвовать институтом преждевременно. В южанине тоже была гордыня, как у Люцифера, - вера в себя, которая предвещала ему быть брошенным в космическую тьму и девять дней падать сквозь пространство. Армия Шермана, когда она сожгла Атланту и прошла по Джорджии, опустошая страну, была вдохновлена чем-то вроде гнева Божьего.

Чтобы увидеть бывшего раба и бывшего хозяина в наши дни, нужно жить не только в городах, но и в стране, и я решил пройтись по штату Джорджия как лучший способ узнать, какова жизнь в стране. И я пошел по пути, пройденному Шерманом. Там, как мне казалось, реакция на войну и рабство должна быть очевидна и сегодня.

Шерман был чем-то похож на пруссака. Он был способным и ученым солдатом. С точки зрения противника, он не был гуманистом. Война для него была торговлей террором и кровью, и он был логичен. "Вы не сможете охарактеризовать войну более жестко, чем это сделаю я", - сказал он. "Война - это жестокость, и вы не можете ее усовершенствовать". А когда он захватил Атланту, то приказал всему населению бежать.

Если они захотят пойти на север, то найдут там недоброжелателей. Если же они думали, что на Юге безопасно, то пусть идут дальше на юг, где их сможет защитить избитая армия Юга.

Так они бежали на север и на юг, жители Атланты, но в основном на юг, потому что им было горько; и дороги заполнились жалкими тысячами мужчин, женщин и детей со своими старомодными каретами, со своими телегами, со своими слугами, с теми верными чернокожими, которые все еще не прислушались к тому, что "день освобождения настал". Все они под надежной охраной отправились в армию Худа.

С какими жалобами, с какими стенаниями уходило в путь гордое население Юга. Эти причитания слышны до сих пор! А когда люди ушли, город Атланта был подожжен. Шерман решил идти к морю, и он не мог позволить себе оставить вражеское население в своем тылу, а также допустить, что после его ухода там могут находиться секретные арсеналы. Это было никогда не забываемое зрелище: "Небо - одно сплошное пространство яркого огня, воздух наполнен летящей, горячей гарью". "Мы были поражены и потрясены, - рассказывает солдат, шедший вместе с остальными, - видя, как огромные волны и полосы пламени устремляются в небо, перекачиваясь и вздымаясь могучими волнами - гигантское море огня". Небольшие взрывы, устроенные саперами, сопровождались огромными взрывами, когда обнаруживались скрытые склады боеприпасов, и хотя они добавляли разрушения к разрушениям в городе, для солдат на дороге они звучали как ужасные и грозные детонации.

Депо, церкви, магазины, склады, дома вспыхивали из каждого этажа и каждого окна. Тех, кто остался в городе, было немного, но их невозможно было не взволновать, если не сказать ужаснуть. Бригада солдат из Новой Англии уходила последней и маршировала по Декатур-стрит под предводительством оркестра 33-го Массачусетского полка, играя

Тело Джона Брауна покоится в могиле.

Душа его в поход идет...

Яркие отблески огня сверкали на их штыках и снаряжении, накаляя их лица и глаза, которые уже горели воинственной верой Севера.

Это было осенью 1864 года. Прошли годы и залечили многие раны. Теперь это Атланта осенью 1919 года и разгар ярмарки. Вся Джорджия в своей столице. Автомобили вынуждены передвигаться пешком - их так много, и они выражают свое недовольство в многоголосом лае, вое и улюлюканье. Процветание страны настолько велико, что и у маленького фермера, и у рабочего есть свои автомобили, причем не просто "фордовские", а великолепно эмалированные, вместительные, плавно движущиеся, быстро стартующие кареты, в которых жена и семья развлекаются больше, чем дома. Новая жизнь Атланты выросла из старых руин и скрыла их, как молодой лес прорастает сквозь обугленные пни после лесного пожара. С каждой стороны небоскребы Атланты суровыми линиями поднимаются в небо, а там, где должны быть небеса, мерцают небесные знаки. Каждый вольт, который можно превратить в свет, используется. Магазины, лавки и кинотеатры ослепительно сияют, чтобы показать, чего они стоят. Тротуары заполнены южной молодежью, чьи веселые лица и оживленные движения свидетельствуют о товариществе, которое вряд ли можно было бы наблюдать на холодном Севере. Веселые негритянские мальчишки смешиваются с толпой и веселятся между собой - так же хорошо одетые, как и белые, причастные к "торговле рекордами" и стремительному росту цен на хлопок. Сегодня они не рабы, но их возвышает расовая гордость и сознание того, что на холмах Атланты находятся университеты и семинарии, а в городе они добились успехов в медицине, юриспруденции и бизнесе. Они катятся по жизни в радостной свободе своих тел и делают Юг более южным, чем он есть. Каким бледным и призрачным казался бы Юг без стад цветных детей, без этих многочисленных мужчин и женщин с солнечными тенями на лицах!

"Мы любим наших негров и понимаем их", - говорят белые, повторяя свою формулу, и можно подумать, что на Юге нет никаких расовых проблем, если увидеть, как великий "Город ворот" предается безудержному веселью, как многие негры сталкиваются со многими белыми юношами, и при этом на переполненных улицах не происходит ни одной драки, которая бы свидетельствовала об общепринятой враждебности одних к другим. Возникает мысль, что, возможно, Атланта горела не напрасно и что Юг, как и Север, верит в бессмертие души Джона Брауна.

На улицах толпы людей, жующих табак, улыбающихся, гогочущих, а Пичтри-стрит запружена людьми и машинами! Как шумят четыре заторможенные процессии автомобилей, похожие на хоры хриплых катидрид, кричащих только ради повторения и жажды шума! Но впереди еще больше шума и еще больше радости! С визгом и криками, в странном контрасте с неграми, с одетыми белыми и с цветом самой ночи, проходит парад молодежи из колледжа в пижамах и ночных рубашках. Длинные очереди из сотен парней в белом, кричащих на во весь голос - они забираются в электромобили и выходят из них, бросаются в магазины и театры в дикой игре "Следуй за моим лидером". *Рах, рах, рах*, кричат они, *рах, рах, рах*, врываются в отели, кружат по фойе и погружаются среди изумленных обедающих в столовых, обходят столы и поднимаются по балюстраде отеля, вторгаются в спальни, выходят в окна и спускаются по

пожарным лестницам, а затем снова несутся по забитым улицам среди автомобилей и машин, беснуясь все время от удовольствия и возбуждения. Это хорошее настроение, шум и веселье ярмарочного времени. Наверху флаги и банты вяло колышутся в ночном воздухе. Кажется невозможным, что забыт обстрел Атланты и жалкое бегство ее униженных людей - забыто и ликование солдат Севера, которые пели, пока горел город.

Шерман с 60 000 человек и 2500 повозками, но всего лишь 60 орудиями выступил в поход, и никто не знал, куда он направляется. Предстояло отступление из Атланты, сравнимое разве что с отступлением Наполеона из Москвы. Враждебное фермерское население Джорджии и Каролины должно было преследовать армию янки так же, как русские крестьяне преследовали французов в 1812 году. Таково было убеждение южан и суть южной пропаганды того времени. Но не такова была армия Севера, у которой было сознание победы и сияющая вера в свое дело и в своего генерала. "Чувство восторга, казалось, пронизывало все умы, предчувствие чего-то грядущего, смутного и неопределенного, но полного авантюризма и сильного интереса. Даже простые солдаты уловили это вдохновение, и многие из них воскликнули: "Дядя Билли, я думаю, Грант ждет нас в Ричмонде". Общее настроение было таково, что мы идем на Ричмонд и там должны закончить войну, но как и когда - их, похоже, не волновало, они не измеряли расстояние, не считали цену жизни и не ломали голову над тем, через какие великие реки нужно переправиться и сколько еды для людей и зверей нужно собрать по дороге".[3]

Сам Шерман еще не решил, на каком именно направлении он будет маршировать. Но он никогда не собирался идти против Ли в Ричмонде, хотя южане и его собственные солдаты верили в это. Он всегда намеревался выйти к морю и возобновить морское сообщение с Севером, имея в виду Саванну, Порт-Ройал и даже Пенсаколу в Северной Флориде. Настолько всеобщим было убеждение, что он идет на Ричмонд через Огасту, что во всех сельских районах Джорджии, где маршировало левое крыло, вам до сих пор скажут, что враг идет на Огасту.

Вы должны поддерживать дисциплину, терпение и мужество, - сказал Шерман своей армии. И я приведу вас к успехам, равным всем прошлым. Мы начинаем долгий и трудный марш к новой базе, но все шансы войны уже предусмотрены. Привычный порядок марша будет осуществляться по четырем дорогам, как можно более параллельным. Колонны будут стартовать обычно в 7 утра и делать около 15 миль в день. Во время марша армия будет обильно кормиться. Лошади, мулы и повозки, принадлежащие жителям, могут быть присвоены кавалерией и артиллерией беспрепятственно и неограниченно, различая, однако, богатых, которые обычно настроены враждебно, и бедных и трудолюбивых, которые обычно нейтральны или дружелюбны. Все фуражиры будут воздерживаться от оскорбительных или угрожающих выражений и постараются оставить каждой семье разумные средства к существованию. Трудоспособные и пригодные для работы негры могут быть взяты с собой, если позволяют средства. Все некомбатанты и беженцы должны отправиться в тыл, чтобы не мешать нам. Возможно, когда-нибудь мы сможем обеспечить бедных белых и черных, стремящихся вырваться из рабства, в котором они сейчас находятся. Только командирам корпусов доверено право разрушать мельницы, дома, хлопкоочистительные заводы и т.д., но мера враждебности жителей должна быть мерой разрушений, которые командиры должны приводить в исполнение".[4]

Многое еще было сказано в этих очень тонко написанных и категоричных приказах, но предложение, которое поразило воображение простого солдата, было, конечно, "армия будет обильно фуражировать по стране", которое сразу же стало общей шуткой среди

солдат. Ведь это и мародерство, и веселье, и сокровищница, и сувениры, и все остальное, что будоражит солдатский ум. Во всех приказах генерала Шермана прослеживаются человеческие нотки, но в них нет мягкости, скорее, неумолимая суровость. Он не испытывал терпения ни к делу мятежников, ни к их методам борьбы. Он и его штаб не отказались от идеи преподать населению Джорджии и Южной Каролины страшный урок. Хотя поход был военным, он неизбежно стал карательным. Хлопок был уничтожен, фермы разграблены, рабы освобождены, земля опустошена. Он проходил по сравнительно узкой полосе страны, но Шерман был подобен гневу Господню, обрушившемуся на нее.

И вот четыре дивизии (14-я, 15-я, 17-я и 20-я) вышли на марш, радостно распевая на ходу солдатские песни о войне -

Единый и свободный

и

Тот, кто первым опустит флаг.
ЗАСТРЕЛИТ ЕГО НА МЕСТЕ.

и всевозможные варианты "Джона Брауна" под хор "Слава, аллилуйя".

Дорога из Атланты теперь - это дорога дешевых магазинов и еврейских ломбардов, негритянских салонов красоты, магазинов сумок, безвкусных кинотеатров и водевильных сараев, фруктовых ларьков и киосков шарлатанов и волшебных целителей, продавцов дьявольского лекарства из кукурузы, гадалок и чего только нет. Негритянский небоскреб взбирается ввысь. Это явно "цветной район", и грубые толпы негров-рабочих и бедных белых резвятся на замусоренных улицах. Электромобили с болью подают сигналы тревоги, пробираются сквозь толпы, останавливаются и снова пробираются, радуясь тому, что через полмили все закончится и можно будет окунуться в сравнительный простор деревни за городом.

Здесь все не так, как в былые времена. Там, где в июле бушевала кровавая битва за Атланту, теперь царит полный покой среди достойных жилищ богачей. Деревья скрывают вид, дети играют на лужайках приятных домов, а пожилые люди покачиваются в креслах на тенистых верандах.

На холме у дороги возвышается величественный Декатур, воздвигший свой бледный памятник погибшим конфедератам. На этом белом обелиске оправдывается дело Юга. В пределах видимости от него возвышается внушительное здание суда, своими размерами и величием свидетельствующее о силе закона в одном из округов Джорджии.

Небо было хмурым, с опускающимися облаками, а атмосфера - теплой и липкой, словно воздух был распарен за ночь и теперь немного остыл. Дорога, оставлявшая позади Декатур и пригороды Атланты, стала темно-красной, почти алой, и шла между широкими хлопковыми полями, где каждый стручок лопался и надувался ватой. Мужчины на высоких веретенообразных колесах везли тюки с хлопком, обтянутые грубой пеньковой сеткой. Мимо беспечно катили коляски с очкастыми неграми и их женами. Барабанщики на автомобилях "Форд" с грохотом мчались по грязи. Так до Инглсайда, где за поворотом дороги виднеется огромный горб Стоун-Маунтин, тенистый и мистический, как дядюшка Эйлдон. Все солдаты, размещавшиеся там на ночлег или проходившие мимо в тот яркий ноябрьский день 64-го года, замечали эту гору, и их взоры обращались к ней в духе любопытства и приключений.

Я познакомился с мистером Макколеем, который был ребенком, когда Шерман проходил здесь. Он считал, что немцы в Бельгии вряд ли сравнятся с Шерманом. Его войска сожгли не только Атланту, но и почти все дома в стране. Он указывал на новые дома, возникшие на развалинах прежних жилищ.

... "Раньше здесь был забор, и здесь росли посевы. Нет, не хлопок; в те времена на него не было такого спроса, да и в штате его не так много выращивали. По ту сторону дороги стоял огромный лагерь солдат, и я помню, как пробирался к нему, чтобы послушать оркестр.

"Фуражиры пришли в дома и забрали все продукты, оставив нас без еды. Они также забирали наших лошадей, мулов, коров и кур. Иногда семья прятала в лесу ярмо волов, но это было все, что у них было. Всем пришлось бежать, и все остались без средств к существованию. Это было ужасное время. Но мы все поддерживали друг друга, разделяли горе и помогали друг другу, чем могли".

"Все цветные тоже поддерживали нас. Я думаю, вы читали "Хижину дяди Тома" и "Пятна леопарда", но там картина ужасно перерисована".

"Я не знал, что в них рассказывается история марша", - сказал я.

"Нет. Но они дают представление о неграх, которое совершенно неверно. Север исказил ситуацию с неграми, присылая сюда всевозможных людей, чтобы настроить негров против нас. Пока мы не сказали: "Вы и ваши черномазые можете идти к дьяволу" - и оставили их в покое.

"Но это была ошибка, и сейчас мы осознаем ее и намерены сами заняться образованием негров и отвечать за них как духовно, так и физически. Между нами никогда не было лучших отношений, чем сейчас.

"И я, я воспитывался среди них как ребенок, как равный, играл с ними, валялся с ними в грязи, спал с ними. Они близки мне настолько, насколько может быть близка плоть и кровь".

Было любопытно получить такое излияние, когда я вообще не упоминал о неграх и, казалось, просто интересовался маршем Шермана. Впрочем, это характерно для Юга: тема обращения с неграми повторяется как *idée fixe*.

В Литонии, пообедав большими желтыми ямсами, кукурузой, курицей, печеньем и тростниковым сиропом, я зашел к старой миссис Джонсон, которая жила по соседству с миссис Джонс. Литонию часто посещала кавалерия. Декатур был лишен всего, и Литония в итоге пострадала не меньше. Мужчины приходили на фермерский двор, там и сям убивали свиней и бросали их на ожидающие повозки. Это были фуражиры из лагерей под Атлантой. Но однажды кто-то пришел с новостью: "Шерман поджег великий город, и завтра он будет здесь". И, конечно же, на следующее утро его армия стала появляться на дороге - авангард, и после этого казалось, что шествию не будет конца. Целый день армия маршировала мимо с комиссарскими повозками и повозками с водой, с лошадьми и мулами, полк за полком. Жены и старики разоренных ферм не могли не испытывать восторга, хотя и были врагами. Генерал Слокум, командовавший левым крылом армии, написал карандашом свое имя на бабушкином дверном косяке, когда остановился у ее дома с одним или двумя своими подчиненными.

Солдаты Конфедерации были "Джонни Ребс", а солдаты Союза - "Билли Янки". Известно, что ни та, ни другая сторона не совершала преступлений против женщин и детей, а последние просто с ума сходили, глядя на проходящих мимо янки, хотя зачастую их отцы находились в войсках мятежников, которым приходилось нелегко.

Когда я шел по красной дороге между пушистыми хлопковыми полями от деревни к деревне и от особняка к особняку, этим величественным фермерским домам Юга, я всегда обращал внимание на пожилых людей, встречавшихся на пути. Молодые знали только о прошедшей войне, люди среднего возраста относились к Гражданской войне как к шутке, но единственное, над чем старики никогда не будут смеяться, - это великая распря, которая с ее предшествующими и последующими событиями стала самой страстью их жизни. Поэтому всякий раз, когда я видел старика или женщину, сидящих на веранде у дороги, я смело подходил и спрашивал, что они знают о великом походе и как он отразился на них и неграх.

Они рассказали о методичном разрушении железных дорог и о бесчисленных кострах, пламя и дым которых меняли вид неба. Каждая шпала или рельс вырывалась из земли и сжигалась, а длинные стальные рельсы раскалялись на кострах. Чтобы разжечь костры, из леса привозили бревна побольше, и каждый рельс сначала раскаляли докрасна, а затем выкручивали - любимая затея трех-четырёх солдат состояла в том, чтобы взять раскаленный рельс из огня, положить его между двумя стволами стоящих сосен и толкать, пока он не согнется почти вдвое.

Они рассказывали о тишине после ухода армии, о чувстве разорения, которое навалилось на них, когда их хлопок был уничтожен, все запасы на зиму разграблены, а живой скот изгнан. Одна старая дама рассказала мне, что единственным живым животным в ее округе была разбитая армейская лошадь, оставленная врагом умирать. Люди голодали, но одна женщина реанимировала коня и отправилась с ним в деревню, чтобы попытаться принести еду. Она шла рядом с ним, боясь, что он упадет замертво, и прежде всего искала немного кукурузы для лошади, для "старого янки", как она его называла. Много усталых миль они прошли вместе, и только потом обнаружили, что "бездельники Шермана" уже были там до нее. Она переночевала в негритянской хижине (о чем сейчас не мечтает ни одна белая женщина), негры накормили ее, дали кукурузы лошади и отправили в путь. Из нескольких старых колясок и заброшенных колес был сделан "контрапшун", который привязали к старой лошади, но только за Ковингтоном и Кониерсом было найдено место, которое пропустили искатели, и странная коляска была погружена в дом.

Я провел ночь в Кониерсе, в прекрасной местности, и рано утром следующего дня отправился в путь по Ковингтонской дороге. Дорога была тенистой и безрадостной. Тяжелый туман, закрывавший вид на холмы, покрывал меня белым налетом. Сквозь туман пробивался теплый, вялый воздух. Справа от меня, за тяжестью туманной завесы, простиралось темно-зеленое море, испещренное белыми пятнами; слева - жалкая однопутная железная дорога в Ковингтон, восстановленная на старых уровнях, где она была разрушена в 64-м году. По красным колеям дороги неуклюже катились деревянные телеги, до краев набитые собранным хлопком, а на них, как на широких старомодных пуховых перинах, раскинулись веселые негры. И то и дело меня обгоняли неизбежные "торговцы скоростью", с улюлюканьем, рычанием и грохотом перебегавшие с одной стороны на другую по разбитой дороге. Я присел на камень на старом придорожном кладбище, выделенном солнцем и покрытом инеем тумана. Такие места обладают странным очарованием, и я знал, что некоторые из тех, кто лежал под дерном, тоже лежали безвольно, когда мимо проходила

армия. Какие старомодные имена - Софронии и Симеоны, Кларамонды и Нэнси! На большинстве могил были изображены врата рая и корона, на некоторых были начертаны добродетели, а на одной было написано: "Он принадлежал к баптистской церкви". Самые старые камни упали и были занесены красной грязью. Мне сказали, что среди старых были могилы рабов, но со времен войны ни один черный не был похоронен вместе с белыми.

Старый негр в хлопковых лохмотьях, с всклокоченными седыми волосами на черном, избитом непогодой лице, рассказал мне, где в полумиле отсюда похоронен цветной народ, где и он сам приляжет на свою старую спину и отдохнет наконец от сбора хлопка. "Но в Судный день не бывает двух лагерей", - сказал он. "Нет, сэр... только черные и белые души". Он вспомнил радостную ночь и ликование после того, как армия прошла, и как все цветные мальчишки танцевали и пели, чтобы стать свободными, а затем разочарование, голод и страдания, которые последовали за этим. Старик был сборщиком хлопка, и на плечах у него висел большой хлопковый мешок, похожий на чехол для подушки, - допотопный кусок адамитского материала, в мире которого были только Бог, хлопок, Масса и Библия.

Сидя на этом придорожном камне, я чувствую, что мимо меня прошла армия Шермана. Она перевалила через холм и скрылась из виду. Она прошла до Милледжвилля, Миллена, Эбenezера и Саванны и не остановилась на этом. Он шел все дальше и дальше, пока не уперся в землю. Все, кто остался от воинов Шермана, сегодня шагают вглубь земли, в тишину.

Туман немного рассеивается, и сквозь него пробивается жаркое солнце. Сверчки, довольные тем, что уже не сумерки, перестали стрекотать, а изысканные бабочки, словно живое пламя, поднялись на крыло. Это прекрасная часть пути, и там, где на обочине новой дороги есть затопленная, заброшенная, я отдаю предпочтение ей. Ведь, вероятно, именно по ней шли солдаты. Теперь от их шагов на песке прорастают молодые сосны.

Здесь никогда не ездили машины, и давно не ступала нога. Поверхность гладкая и нетронутая, как берег моря после отлива, и яркие цветы встречают странника с необорудованных берегов и оврагов. Так мы добрались до Алмона, где старый гафер рассказал мне, как он и несколько фермерских парней с ружьями решили "достать" Шермана, когда тот проезжал мимо со своим штабом, и как они спрятались за кустом, где сейчас стоит методистская церковь, и выстрелили. В Шермана они не попали, но задели кого-то другого, и те скрылись в лесу. В последовавшей за этим погоне он потерял и шляпу, и пистолет, но все же спасся. Не то чтобы я полностью поверил в рассказ старика. Это была его любимая история, которую он рассказывал на протяжении пятидесяти лет и которая стала для него правдой. Я приехал в Ковингтон, обычный провинциальный городок, главной особенностью которого является большая песчаная площадь, вокруг которой расположились лавки с их скудными товарами. Там я встретил еще одного старика, капитана, который служил под началом Ли и сдался вместе с ним. Он был рядом со Стоунволлом Джексонем, когда тот умер. Сейчас ему восемьдесят четыре года, и он живет в отеле "Флауэрс".

"Этот мир очень пуст, поверьте мне", - сказал он. "Восемьдесят четыре года...!"

Казалось, он был потрясен собственным возрастом.

"Триста десять - это положенный срок. В семнадцать лет я пошел копать золото... искал золото... это был первый приступ мании копания в Калифорнии, но я получил всего шестьсот долларов".

"В семнадцать лет многие ищут свою судьбу.

Но в четыре года уже слишком поздно".

сказал я sotto voce.

"Пустое место", - повторил старый капитан, покачиваясь на стуле в полумраке. "Да, Шерман прошел здесь. Он сжег весь хлопок в амбарах. Я родился здесь и прожил здесь почти всю жизнь, но тогда я был с Ли. Этой войны не должно было быть. Нет, сэр. Все это было ошибкой. Мы считали Авраама Линкольна воплощением дьявола, но потом поняли, что он был хорошим другом Юга. Теперь все это забыто. Мы не держим зла на Север, разве что за негров..."

Он прервал себя, чтобы поприветствовать проходившую мимо симпатичную девушку, и, казалось, обижался, если какая-нибудь женщина проходила мимо, не улыбнувшись ему. Но когда он возобновил разговор со мной, то вернулся к теме "Мир становится очень пустым местом... восемьдесят четыре года... триста десять - это отведенный срок, но....".

Поэтому я обращаюсь к свидетелям того времени и к гению, который задумал марш и смотрел, как идут его солдаты. Так, Шерман писал о Ковингтоне: "Мы прошли через красивый город Ковингтон, солдаты сомкнули ряды, знаменосцы развернули флаги, а оркестры заиграли патриотические песни. Белые люди выходили из своих домов, чтобы посмотреть на это зрелище, несмотря на свою глубокую ненависть к захватчикам, а негры были просто вне себя от радости. Всякий раз, услышав мое имя, они сгрудились вокруг моей лошади, кричали и молились в своем особом стиле, который обладал естественным красноречием, способным сдвинуть с места камень. Я был свидетелем сотен, если не тысяч подобных сцен, и сейчас вижу, как бедная девушка в самом экстазе методистского "крика" обнимает знамя одного из полков и прыгает к "ногам Иисуса"..... Я подошел к дому на плантации, где собралось много негров, среди которых был старый седовласый мужчина с такой прекрасной головой, какой я никогда не видел. Я спросил его, понимает ли он о войне и ее ходе. Он сказал, что да; что он искал "Ангела Господня" с тех пор, как стал на колени, и хотя мы исповедовали, что сражаемся за Союз, он полагал, что причиной было рабство, и что наш успех должен был стать его свободой....".

Такова была характерная точка зрения негров - ожидание "пришествия Господа", пришествия ангела освобождения. Их единственным источником знаний была Библия, а особым путеводителем - Ветхий Завет. Несмотря на все разговоры о своих хозяевах, которые в войну 1918 года были бы списаны на "очковтирательство", они верили, что Бог послал их спасти. Они ждали чуда. Шерман был посланником Бога.

И вот славные шестьдесят тысяч ворвались в тихую Джорджию, неся *спасение к морю*, и это было незабываемо. Неприятель, ошеломленный поражением, сосредоточился с одной стороны у Огасты, с другой - у Мейкона, блефовал слева и справа, а в центре тайно, но властно царила непробиваемая цель генерала.

Двадцатый корпус на крайнем левом фланге прошел мимо Мэдисона, придав окраску предполагаемой атаке на Огасту. Пятнадцатый корпус нацелился на Мейкон, кавалерия скакала прямо к этому городу, приглашая к вылазке. Семнадцатый корпус тесно поддерживал Пятнадцатый, а Четырнадцатый держался в центре. Я решил следовать именно маршрутом Четырнадцатого, а также тем путем, по которому шел сам Шерман. Четырнадцатый корпус, как правило, понимал, что Милледжвилль - его цель в конце

недельного марша. Приказ о марше на утро был отдан за ночь командующими армиями командирам корпусов, а затем передан всем чинам. Люди спали под открытым небом, рядом с кострами, которые горели всю ночь. Заставы и дозорные несли вахту, хотя тревог было немного. Теплая южная ночь, в которой даже в ноябре не было ни малейшего мороза, опустила на спящую армию. Побудка была ранней, обычно в четыре часа, когда снимался последний ночной дозор. Сквозь дремоту пробивался незванный кларион, в который дули срочные барабанщики. Звучали утренние горны, а затем медленно, но безошибочно весь лагерь начинал пробуждаться от бессонницы, и один человек здесь, другой там поднимался, чтобы ворошить тлеющие угли костров и заставлять их пылать; а затем начиналась суматоха уборки и суматоха приготовления пищи, ржание лошадей, грохот собираемых и запрягаемых повозок. Пробуждение облегчалось перспективами прекрасных завтраков - не просто армейских пайков, не задиристых и жестких попок более поздней войны, а всего того, что могла предоставить богатая сельская местность: "картофель, красиво жарящийся на хорошо накрытой сковородке, курица, нежно поджаренная на раскаленных углях, благодарные пары кофе", - говорит один из летописцев того времени. Жареные кусочки индейки, жареный поросенок, сладкие яблоки, сироп сорго и кукуруза подкрепляли солдат к дневному маршу. Лошади и мулы тоже были на удивление здоровы, и под их блеяние, блеяние и блеяние было выдано огромное количество корма. Затем снова зазвучали настойчивые горны; ранцы и снаряжение были пристегнуты, лошади и мулы пущены по следу, огромные стада скота выведены на дорогу, и армия со своими офицерами и сержантами, повозками, пушками, понтонами и всевозможными препятствиями (разве Шерман не всегда возил с собой по две штуки?) двинулась в путь.

Было что-то такое в облике армии на марше, что напоминало грандиозное шоу. Музыкальная композиция "Marching Thro' Georgia" уловила это:

Ура! Ура! Мы несем юбилей!
Да здравствует флаг, флаг, который освобождает вас!
Так мы принесли спасение от Атланты до моря,

Когда мы маршировали по Джорджии.

Звон медных труб, ржание мулов, крики солдат, экстаз негров, а затем гордый звездный флаг Союза!

Процессия уже давно прошла мимо, а люди говорят о знаменитых делах "как о полузабытых вещах". Это тихая дорога через холм и вниз в долину, где нет ни одного солдата или горна. Хлопок, хлопок, хлопок, сборщики хлопка и крошечные хижины, а затем стебли кукурузы, кукурузы, с которой давно срезали плоды, а теперь она засохла, деформировалась, уменьшилась, наполовину упала в любой позе старости и отчаяния. Это разнообразная страна холмов и далее, где изредка можно увидеть огромный серый деревянный особняк с широкой верандой и массивными колоннами, поддерживающими нависающую крышу. Колонны, представляющие собой настоящие сосновые стволы, только что обрезанные, строганные или распиленные, придают южному дому классический вид. Иногда на фасаде дома можно увидеть семь или восемь таких выбеленных солнцем колонн, и первое впечатление - это камень или мрамор.

Южный белый человек строит много, радуется своему дому и хотел бы жить с размахом, имея целую армию прислуги. Негритянский землевладелец не подражает ему и строит менее впечатляющий тип дома, не такой большой и не такой привлекательный. Богатые цветные фермеры, однако, встречаются нечасто. Основная масса негритянского населения относится к рабочему классу, и даже те, кто арендует землю и занимается фермерством

самостоятельно, очень бедны и погрязли в экономической кабале. Их дома в основном представляют собой однокомнатные деревянные ковчеги, простые сараи без окон, стоящие на четырех камнях, по камню на каждом углу. Мебель, если и была, то самого примитивного вида. "Посмотрите, как они живут", - сказал мне один юноша. "Просто как животные, и это все, чем они являются".

"Почему у вас нет окон?" спросил я девушку, сидевшую на полу в своей хижине.

"Просто они не делают окон", - ответила она. "Но у нас есть окно с этой стороны".

"Да, но без стекла".

"А, нет, без стекла".

"А зимой здесь холодно?"

"Да, очень холодно".

Некоторые каюты были до крайности бедны. Но в других были виктролы, а там, где не хватало самых простых жизненных удобств, можно было найти ветхий автомобиль "Форд". Негры с машинами встречались на дороге почти так же часто, как и белые, и некоторые негры водили очень яростно, а иногда и очень умело. Пеших пассажиров на дороге не было. Я доехал до Милледжвилля, прежде чем столкнулся с пешим человеком, который шел на ферму на расстоянии одной мили. Нынешний американизм *"Не ходи пешком, если можешь ехать"*, похоже, сменился на *"Не шагай вперед, пока тебя не подвезут"*, и белые мужчины подбирали негров, а негры - белых мужчин без предубеждений, но с пониманием пользы и выгоды. На меня смотрели с некоторым сомнением и с недоумением отсканировали от спешащих машин. Одиноким округ Джаспер еще не видел таких, как я. Но слова "Добрый день!" и "Как поживаете?" убедили большинство в том, что странный пеший путешественник - честный христианин. Люди, идущие в ту же сторону, с готовностью предлагали подвезти их. Те, кто проносился мимо в другую сторону, могли подумать, что раз я иду пешком, то, наверное, где-то потерял свою машину.

Чаще всего меня спрашивали: "Что вы продаете?", и люди были немного ошарашены, когда я сказал, что иду по стопам Шермана. Им и в голову не приходило, чем можно заняться в жаркий полдень. Я чувствовал себя скорее современным Рипом Ван Винклем, проспавшим побудку на полвека и тщетно пытающимся догнать армию, которая уже давно свернула за пыльный поворот дороги. Тем не менее южане оказались на удивление дружелюбными. Они сказали, что сами ничего об этом не знают, а потом отвели меня к старикам, которые помнят. Старики отвечали: "Это было очень, очень давно". Их всегда интересовало, что я был на германской войне и дошел до Рейна, и они задавали много вопросов об этом. "О, но эта война ничем не отличается от той", - говорили они. "Я говорю им, что они еще не знают, что такое война, - что мы тогда страдали, что за разруха была, как нам приходилось работать и трудиться, и огрубели наши белые руки, и есть хлеб горький, как Каин..."

После Гражданской войны пришлось повторить начальную борьбу поселенцев и первопроходцев при основании колонии. Каждый должен был приступить к работе. Помощь негров поначалу уменьшалась или вовсе прекращалась. Не хватало даже необходимых инструментов. Тем не менее, теперь было удивительное отсутствие горечи. "Война должна была быть. Рабство было вредно для Юга, и потребовалась война, чтобы покончить с ним", - это мнение было на устах у всех людей. "Когда президент Маккинли сказал, что характер

Роберта Э. Ли является общим наследием и Севера, и Юга, он исцелил раскол, который внесла война", - сказал кто-то. Даже о Шермане, несмотря на горькие воспоминания о нем, нашлось не мало людей, готовых подтвердить его человечность - например, вот это от бедного владельца магазина:

"Полагаю, вы не настолько стары, чтобы помнить Гражданскую войну?"

"Да, сэр, помню".

"Вы помните поход Шермана?"

"Да, я был совсем ребенком, но он произвел на меня сильное впечатление. Мой отец был убит на войне. И мы были до смерти напуганы, когда узнали о приходе Шермана. Но он никогда не делал мне ничего плохого. Один офицер подошел, спросил, где мой отец, и узнал, что он погиб. Он заставил всех солдат пройти мимо дома, подождал, пока последний из них уйдет, затем отдал честь и покинул нас. Его звали капитан Келли, и я никогда не забуду его лицо - оно было все изрезано старыми шрамами. Он был храбрым человеком, я уверен. Нет, здесь они не причиняли особого вреда, разве что тем, у кого было много рабов, или тем, кто плохо обращался со своими неграми. Если они узнавали, что человек плохо обращался со своими черномазыми, они разграбляли его дом и не оставляли ему ничего..."

С другой стороны, богачи, владельцы крупных плантаций, во многих случаях оставались злобными.

"Я знаю, что Шерман в аду", - сказал мистер Р... из исторической семьи. "Когда моя мать лежала больная в постели, пришли солдаты и подожгли нашу хлопковую фабрику и все амбары. Они набросились на нас, как племя индейцев, и ворвались в каждую комнату, разграбляя дом в поисках драгоценностей и ценного имущества. Я был тогда маленьким мальчиком, но никогда этого не забуду. Они сняли крышки со всех наших бочек и вылили сироп во двор, потому что сами больше не хотели его пить. Они убивали наших свиней и коров у нас на глазах, а мясо бросали неграм. Да, сэр. Примерно год назад сын Шермана сказал, что собирается совершить экскурсию по пути, пройденному его отцом, чтобы увидеть, какое замечательное дело сделал его папаша. К счастью для него, он передумал. Мы бы его к столбу подвесили, конечно..."

Однако такие острые чувства были, конечно, исключительными. Недалеко от Энтонтона жил мистер Линч из Линчбурга, владелец магазина, почтмейстер, колесник и кузнец - все в одном лице. Он утверждал, что "сейчас они обнимают и целуют янки, так же как через несколько лет будут обнимать и целовать немцев".

"Подлые парни есть со всех сторон", - сказал он. "Вы же не говорите мне, что среди англичан, французов и итальянцев нет подлых парней. Я не верю всем этим историям о немцах. Я помню, что они говорили о янки. Они очень злятся меня, когда я им рассказываю, но подлых парней хватает с обеих сторон".

Деревня была названа в честь деда старика - ирландского поселенца. Она находится рядом со старой фабрикой Энтонтона, которую сжег Шерман. За следующим поворотом дороги раздается рев многих вод. Заслон из сосен и зарослей травы скрывает впечатляющее зрелище. Пройдя внутрь, вы окажетесь у романтического каменного фундамента старой фабрики; можно забраться на одну из колонн и выглянуть наружу. Внутри фабрики все заросло молодыми деревьями, мхом и вечнозелеными кустами, а за ее пределами по

частично запруженному широкому руслу мчится могучий поток, красный, как кровь, но несущийся вперед в кремовых волнах и белой пене.

На фабрике ткали грубую хлопчатобумажную ткань, и, очевидно, она работала на воде. Совершенно забытая теперь, никем не посещаемая, она все же была живописным памятником марша, и я удивился, не увидев имен посетителей, нацарапанных на стенах ее массивных старых фундаментов.

Я вошел в Этонтон по длинному и живописному деревянному мосту через малиновую реку - странное и удивительное сооружение, полностью покрытое крышей и тенистое, как туннель. Вечернее солнце палило на старое дерево, на красный прилив и на зелень за ним, делая сцену похожей на цветную иллюстрацию к детской сказке.

Этонтон, где на самом деле родились Кролик и Лис, сейчас - шумный город, по улицам которого снуют тюки с хлопковым пухом, а в витринах хлопковых маклеров - снова красивые тюки высшего качества. Здесь также есть современные фабрики, где прядут хлопок. Бизнесмены на улицах говорят о "спотах" и "фьючерсах": "спот" - это, очевидно, тот хлопок, который есть на месте и который можно продать сейчас, а "фьючерсы" - это урожай, который еще предстоит собрать, и который, если верить доброму провидению, может быть продан и перепродан много раз, прежде чем будет выращен. То, что сказано об Этонтоне, можно сказать и о Миллджвилле, расположенном в двадцати милях дальше. Это хлопковый город. Он также является прекрасным местом, в его старых зданиях чувствуется аромат истории, но он производит впечатление большого хлопкового центра. Улицы Миллджвилля были почти завалены тюками с хлопком. Здесь легко можно было бы устроить битву на баррикадах. Главная церковь выглядела так, словно была укреплена тюками хлопка, и можно было пройти пятьдесят или сто ярдов, наступая на верхушки тюков. На аккуратных лужайках тенистых вилл или на верандах лежали тюки, и повсюду грохотали и скрежетали трудолюбивые джины, вырывая хлопковое семя из белого пуха и оставляя хлопок, который можно было прясть. Ветки хлопка разлетались по улицам, хлопок запутывался в собачьей шерсти и детских волосах. На крыльцах негритянских хижин она лежала кучей, пока не загромождала вход в сам дверной проем.

В Саванне и Новом Орлеане хлопок процветал, и, несмотря на разговоры о том, что долгоносик уничтожает стручки, о плохой погоде и неурожае, было ясно, что Джорджия очень процветает. Мужчины и женщины обсуждали цены на хлопок, как обсуждают скачки, результаты государственной лотереи или розыгрыши. Каждый хотел иметь место для хранения своего хлопка и держать его до тех пор, пока не будет достигнута максимальная цена. Мое впечатление от Джорджии было таково: она не так богата живым скотом и продовольствием, как во времена Шермана. В его время она сама выращивала продукты и обеспечивала снабжение двух армий. Сегодня же большая часть продовольствия импортируется. Она продает свой хлопок и покупает продовольствие у более сельскохозяйственных штатов Юга. Можно было бы подумать, что эта земля изобилует фруктами, медом и молоком, но в Нью-Йорке фрукты и мед стоят дешевле, чем здесь, а молоко некуда девать. Мясо скудное и дорогое. На столе нет изобилия, разве что сладкий картофель. Представляю, как после набега Шермана фермеры приуныли и решили больше никогда не кормить вражескую армию. Многие постоянно призывают грузин выращивать кукурузу, разводить скот и таким образом сделать Грузию экономически независимой, но фермер всегда отвечает на это утверждением, что хлопок дает наибольшую прибыль при любых затратах и требует меньше всего хлопот. Это правда, но во многом потому, что негр-

сборщик хлопка - такая дешевая рабочая рука. Фермерский рабочий автоматически получает больше, чем сборщик хлопка. Гипнотический эффект рабского прошлого силен и действует на негров. Возможно, оно до сих пор является проклятием Джорджии. Здесь все еще есть плантаторы, которые гонят своих рабочих кнутом и ружьем - хотя из-за нехватки рабочей силы во время войны их пришлось отменить. Не в деньгах в банке следует искать истинное процветание. Однако в материальном плане Джорджия вполне оправилась от Гражданской войны. Но она потеряла многие из компенсаций настоящего сельского хозяйства; хлопок - настолько коммерческий продукт, что в нем нет никакого очарования, даже на старых плантациях, если только это не терпеливая меланхолия сборщиков хлопка.

VI

ПУТЕШЕСТВИЕ К МОРЮ

Я проехал через две древние столицы Джорджии: сначала Милледжвилл, а затем Луисвилл. Отношение Милледжвилля к Атланте напомнило мне отношение старой казачьей столицы на Дону к современной промышленной глуши на юге России под названием Ростоф-на-Дону. Но бизнес есть бизнес, и в этой стране есть только бизнес. Даже по дороге в старую столицу на мильных столбах всегда написано "Гольдштейн", а не "Милледжвилль".

Старое законодательное собрание заседало в Милледжвилле, но при приближении Шермана оно бежало. Это был день великого изумления, когда генерал Слокум приостановил свой предполагаемый поход на Огасту, а генерал Говард - наступление на Мейкон, и один выступил на юг из Мэдисона, а другой - на север из Макдоноу. Произошло необыкновенное *saute qui reut*. Политиков и богатых дворян охватила паника, ведь слухи об ужасных путях фуражиров летели впереди армии Союза. Каждый стремился унести или спрятать свои сокровища. Должно быть, им пришлось пережить ужасные лишения и приключения в пути, пытаясь угнаться за армией, и лучше бы они остались, чтобы встретить музыку, ведь в этом городе не было уничтожено ни одного частного имущества. В Ковингтоне разыгрались такие же сцены. Темнокожие устроили большой праздник, обнимали и целовали солдат, освободивших их. Хлопок был сожжен, и это был большой пожар - семнадцать сотен тюков даже в те дни. Депо, магазины, арсеналы и фабрики были взорваны. Губернатор Браун бежал со всей своей мебелью, и Шерман в губернаторском доме спал на голом полу на рулоне армейских одеял.

На просторных улицах Милледжвилля, хотя со времен войны он почти не увеличился в размерах, можно увидеть множество признаков простоты и изысканности. В городе есть большие школы для подготовки кадетов и обучения девочек. Это образцовые учебные заведения, которые очень ценны в Джорджии. Однако, похоже, этому месту не хватает культурного значения, которое оно должно было бы иметь. Правда, церкви и воскресные школы были переполнены. Ни один магазин не работал по воскресеньям; люди забыли вкус алкогольных напитков и были готовы к крестовому походу против табака. Они не склонны к самосуду, хотя несколько лет назад позволили дикарям из Атланты вскрыть их тюрьму, утащить еврея и повесить его. Но они слишком довольны. В церкви в воскресенье утром пастор пожаловался, что, хотя все готовы отдать деньги Богу, никто не готов предложить себя. Он пригласил всех, кто готов безоговорочно отдать себя Богу, выйти вперед, но никто не сделал этого. И это был красноречивый призыв способного оратора. Я встретил старого затворника, который стоял в задней части церкви. Он пытался посвятить себя Богу, но теперь

жил в приюте, где нашел убежище, не имея средств к существованию. Он был баптистским священником в церкви возле Стоун-Маунтин, но после двадцати лет работы у него разыгрался ревматизм, и он уже не мог опускаться, чтобы погружать в воду кандидатов на крещение. Он был англичанином, слушал лекции Карлайла и Рёскина, рассказывал о проповедях декана Фаррара и добрых делах графа Шафтсбери. Он говорил так, как никто не говорит сегодня, - на старом добром размеренном викторианском английском. Он представлял собой трогательный тип презируемого и отвергнутого человека. Он любил разговаривать с негритянскими детьми в "цветной" школе, пока горожане не предостерегли его от этого. Его книги составляют основу городской библиотеки, но крысы погрызли все переплеты его "Британской энциклопедии", и у меня сложилось мнение, что бедняга Р., живущий на пособие в психушке, был, вероятно, самым начитанным человеком в Милледжвилле.

До Сандерсвилла - восхитительная прогулка, через Баффало-Крик и множество ручьев, пересекаемых по самым хрупким мостам, которые, видимо, так и не были восстановлены с тех пор, как кавалерия Уилера разрушила их перед лицом наступающей армии. В Джорджии было много отличных мостов, но она никогда не мешала армии янки, разрушая их. Видимо, психология людей была довольно характерна, раз они не стали заменять то, что пришлось разрушить. Теперь у подножия каждого длинного холма, с которого срываются автомобили, стоит ловушка из простых досок и щелей, которая дребезжит и даже грохочет, когда по ней проезжают. Многие автомобилисты попадают в грязь.

Сандерсвилл - оживленный городок, увешанный мрачными бантами, которые никто не успел снять со времен последней окружной ярмарки. У него большая, пыльная, песчаная площадь с часовой башней посередине. Вокруг припарковано множество легковых и грузовых автомобилей. На каждой улице лежат тюки хлопка, старые и новые, свежие и подгнившие. Работают огромные джины, негры сгребают маслянистое хлопковое семя в сараи; хлопковый пух маленькими сгустками валяется на дорогах; все мужчины в рубашках; в барах с содовой даже в ноябре идет бойкая торговля. Незнакомец сказал мне: "Пойдемте выпьем", мы зашли и выпили по "вишневой дури". Здесь есть впечатляющая на вид публичная библиотека, гораздо большая, чем в Милледжвилле, с высокими фронтальными колоннами из старого кирпича без украшений, уложенного в форме ромба, с зарешеченной дверью и входом, так глубоко заваленным хлопковым пухом, кирпичной пылью и мусором, что можно было бы простить за предположение, что образование сейчас не в почете. С другой стороны - прекрасное, ухоженное кладбище с большими мавзолеями для богатых и крошечными камнями для бедных.

Во время войны Сандерсвилл был ареной одного или двух сражений. Но если учесть, что во время похода к морю из армии Шермана от всех причин погибло всего сто человек, становится понятно, что раздоры были несерьезными. Шермана называли пруссаком, и он, безусловно, обладал военным гением и понимал солдатское дело как умственную науку, но он всегда старался спасти своих людей. Он хотел одерживать победы с наименьшими потерями в людях и продумывал свои неортодоксальные планы кампаний именно с этой целью. Он мог потерять половину своей армии во время этого авантюрного похода к морю. Это был самый дерзкий подвиг, и если бы он провалился, вся ответственность легла бы на Шермана. Но Шерман все продумал и полностью обманул своего врага. Вновь после Милледжвилля Слокум угрожает Августе на севере, а Говард наносит удар на юге. Кавалерия гонит врага вперед и обрушивается на север, на Луисвилл и Уэйнсборо, на пути к Огасте. Противник эвакуируется из центральных районов Джорджии, и пехота Шермана проходит через них невредимой. Кормление стало организованным и систематическим. Повозки

исчисляются многими тысячами, и любопытно, что население не уничтожило все транспортные средства и не помешало армии увезти так много. Сомнения, которые генерал Шерман высказывал в начале похода, что припасов может не хватить, полностью исчезли, и у армии появилась толпа негров-последователей, почти такая же большая, как и она сама. В конце концов они стали большой помехой, но их явно поощряли присоединиться к солдатам в районе Милледжвилля и Сандерсвилля. Они оказались неоценимыми помощниками в поисках спрятанных сокровищ и разграблении фермерских домов. Они знали вероятные места, где могут быть зарыты ценности, а солдаты умели выведывать секреты даже у самых верных чернокожих слуг в больших поместьях. Одна из причин, по которой в Джорджии сжигают и вешают больше негров, чем в любом другом штате, вероятно, кроется в горечи, вызванной неустанными поисками пищи и, как говорится, "настраиванием негров против нас".

Как бы то ни было, семена будущей ненависти всегда сеются в настоящих войнах, и "громилы Шермана" в своем стремлении к добыче мало заботились о будущей расплате. Негры вели солдат даже в самую глубь болот или лесов и показывали дупло дерева, пещеру или яму, где лежали драгоценные фамильные тарелки, украшения, деньги и даже одежда. У плантаторов было принято брать не только окорока, муку, муку, ямс, патоку из сорго, но прежде всего индеек, столь редких сегодня на линии марша Шермана.

Как индейки пожирали все, что находили наши комиссары,
Как сладкий картофель даже начал подниматься с земли,

когда мы маршировали по Джорджии!

Но бездельник не ограничился этим. Он одалживал дедушкино пальто и шляпу, сохранившиеся со старых колониальных времен, а его товарищ наряжался в бабушкины наряды и так ехал на своей повозке в лагерь, приветствуемый шутками всей армии; а если по дороге им встречался офицер, они весело выкрикивали текст армейского приказа - *Армия будет обильно кормиться в деревне.*

Говорят, что ни один фуражир никогда не продаст свою добычу, а уж не продавать - это вообще дело чести. Поэтому ветераны Севера должны сохранить много интересных воспоминаний о Юге. И офицеры, и солдаты брали с собой множество жетонов. В армии Шермана был распространен забавный эвфемизм: "Одна южанка подарила мне эти часы за то, что я спас ее дом от сожжения", и если кто-нибудь говорил: "Это хорошие золотые часы, где ты их взял?", солдат отвечал: "О, мне их подарила одна южанка" и т. д.

Каждый день армия разбивала лагерь к трем часам, и именно после трех часов происходило большинство несанкционированных фуражировок. Это были веселые вечера, проведенные в пении и азартных играх, атлетике и петушиных боях. Оказалось, что южане обладают замечательной расой бойцовых петухов. Энтузиасты этого вида спорта бросались со двора фермы на двор за изумленным шантильером, а поймав его, откармливали и приучали к более боевому образу жизни, чем тот, которым он наслаждался в домашней неге со своими курами. В каждой роте проводился турнир по петушиным боям. В каждом полку, каждой бригаде, каждой дивизии и даже в каждом корпусе был свой чемпион. Победители многих кровавых схваток вскоре получали прозвища "Билл Шерман" или "Джонни Логан", а проигравшую птицу, которая начинала бояться встретиться с противником, называли Борегаром или Джеффом Дэвисом. Финалы петушиных боев представляли не меньший интерес, чем сегодняшние бои "Редс" и "Уайт Сокс", а возможно, и более реальный.

Помимо диких петухов в каждом полку было огромное количество домашних животных. В основном это были бедные, бездомные существа, которых пожалел солдат: собаки, певчие птицы, дети, которые шли вместе с армией и получали от нее ласку.

Так они шли, маршируя и разбивая лагерь у старого Луисвилля и широких вод Огичи до самого Миллена. Старые фермеры говорят, что это было впечатляющее зрелище - наблюдать, как они проезжают по дороге в Миллен, где, кажется, больше повозок, чем людей, где все повозки нагружены добычей и запряжены откормленными лошадьми и мулами, где длинные стада скота, а тысячи взбешенных негров так неистовствуют от радости, что кажется, они потеряли голову и ожидают конца света.

Дэвисборо - это пыльное поселение, расположенное по обе стороны дороги у подножия холма. Двери распахнуты настежь, а в магазинах общего пользования в беспорядке разложены товары. В одном конце маленького городка работает большая машина для сжигания хлопка, отделяя хлопковое семя от хлопкового пуха, и множество тюков ждут своего часа. Луисвилл, старая столица, находится в дюжине миль дальше, за лесами и болотами малозаселенной страны. Сейчас это "самый медленный город в Джорджии". Однако от этого он не менее приятен.

Здесь много старых домов, а посреди дороги стоит оригинальный деревянный "Невольничий рынок", построенный в 1758 году, согласно прикрепленному уведомлению, но теперь используемый в качестве пожарной станции. В старые колониальные времена, когда Луисвилл был столицей, рабов привозили сюда большими партиями в базарные дни. Там была небольшая платформа, на которой должны были стоять обнаженные жертвы и выставляться на аукцион. Когда я сидел на скамейке и рассматривал здание, ко мне присоединился молодой горожанин и с ликованием описал мне рабов: "У них были выбиты передние зубы, они не говорили по-английски; когда они видели наших больших зеленых кузнечиков, то бежали за ними, ловили их и ели. Мужчины носили набедренные повязки, а женщины - хлопковые сорочки до колен. Множество коров, свиней, мулов и негров были выставлены и проданы как скот в кучу. Животные, вот чем они были и чем являются сейчас..." И он рассмеялся в любопытной, самозабвенной манере.

"Странно представить себе их историю, - сказал я, - от африканских пустошей до невольничьего корабля, от невольничьего корабля до гаваней Нового Света, затем на эти рынки и на плантации, где их учили детскому английскому языку и пению гимнов, где они получали Библию как единственную и всепонимающую книгу, Во многих семьях их гладили и ласкали, как чудесных лесных бродяжек, в других - мучили, в конце концов они стали костью ожесточенных политических споров, хотя сами были невиновны, причиной большой войны, а затем были освобождены в ходе этой войны и получили все права белых американских граждан."

Воображение молодого горожанина не было тронуто романтикой негра. Он был полон осознания того, как несправедливо поступил белый Юг, поставив его под власть свободного негритянского большинства.

"Вы знаете, что мы их здесь линчуем", - сказал он с улыбкой. "Они хотят социального равенства, но не собираются его получать. Ниггер не может продвинуться дальше".

"Ну, есть огромная разница между негром 1860 года и негром сегодняшнего дня, - сказал я. - Возникли сотни университетов и колледжей, тысячи школ и негритянских организаций для самообразования. Негр прошел долгий путь с тех пор, как толпами с криками шел под

знаменами Шермана. Я не думаю, что он собирается останавливаться, и мне интересно, куда он направляется и куда, наконец, придет".

По пути к морю я проезжал через Энтон, место рождения Джоэла Чандлера Харриса. Он многому научил нас о неграх. В Англии лисенок и кролик стали такими же дорогими, как игрушки в детской. Думаю, дядюшка Римус значил для нас столько же, сколько "Хижина дяди Тома". Добрая точка зрения и добрые книги помогают человечеству не меньше, чем сильные и горькие. И те, и другие, безусловно, имеют свое место. "Хижина дяди Тома" вывела людей из ленивого отношения к неграм-рабам, но в Америке она усилила горечь, которую не смогла унять ни одна другая книга. Сама интенсивность размышлений белого человека о неграх не предвещает ничего хорошего в будущем. Белые люди Севера сознательно предприняли усилия по созданию негритянской *интеллигенции*. Идеалисты Севера говорили: "Вы должны идти дальше"; другие говорили: "Нет, вы должны оставаться такими, какими были"; столкновение этих двух волей разожгло расовую войну, но негр встал на сторону идеалистов, стремившихся его воспитать, на сторону друзей из Пенсильвании и гуманитариев из Новой Англии.

В панике, вызванной приближением Шермана, плантаторы и их жены говорили своим рабам, что янки будут пороть их, сжигать или ставить на передний край битвы, а женщин и детей топить в реках Огичи или Чаттахочи. Многие верили и бежали со своими хозяевами, другие прятались в лесах, но слух о спасении был на устах у большинства. У южан есть поговорка: "Ниггер - величайший союз в стране". Среди рабов и слуг новости действительно распространяются быстрее, чем среди работодателей и хозяев. Когда прибыла армия, колебаний не было. Негры увидели и поверили. Недоверчивые были обращены в веру, а испуганные - выведены из своих укрытий. Все дружно забыли о страхе и впали в другую крайность, то есть настолько далеко в доверчивость, насколько их тупые умы погрузились в недоверчивость. Прибытие победителей породило самые экстравагантные надежды. Негр никогда ни о чем не рассуждал с позиции здравого смысла. Он ничего не знал о мире, кроме простоты плантации. С одной стороны, у него было рабство, а с другой - смутный и необъятный идеализм христианских гимнов; меланхолия рабства и эмоциональность евангельской религии. Он не думал о Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Санкт-Петербурге, о рабочем движении, о свободной мысли, о политической экономии, а только о "старой плантации", а затем о "де Риббере". Из унылого рабства он смотрел прямо на Иордан и золотые ворота, на рай, где нет работы, где легко и просто счастлив, как длинный день, где Бог - это Масса, а Мария и Сын - игрушки. Не было никаких промежуточных ступеней, к которым можно было бы стремиться. Они, как и пуританские церкви, ожидали огромного сгорания в Последний день и не придавали большого значения этому миру. Отсюда их возвышенное состояние духа после наступления армии Шермана. Они были готовы кричать "Слава!", когда весь мир пылал, и проявляли все те эмоции, которые должны были быть припасены для пришествия Господа.

Поначалу армия Шермана была довольна и поощряла эмоции освобожденных людей. Но солдаты-янки почувствовали, что негры перегибают палку и в любом случае являются помехой. Чем ближе они подходили к Саванне, тем сильнее становилось их нетерпение. В конце концов они начали разрушать мосты между собой и неграми и прокладывали между ними реки. Затем, выехав из Миллена в сосновые леса на берегу Саванны, они намеренно разрушили мост через Эбenezер-Крик. Возникла дикая паника, давка, и многие, как говорят, утонули в потоке. Великолепие армии, духовые оркестры, ликование и пение солдат, знаменосцы Севера посреди них, повозки, множество повозок, груженных добычей, и стада скота. Но для Джорджии и негров там наступили сумерки разорения и разочарования.

Сегодня сельская Джорджия живет не намного лучше, чем во времена рабства. Те большие участки земли, которые, как думали негры, будут им предоставлены, они не могли и не хотели обрабатывать. Им не хватало опыта и инициативы. Их слишком легко обманывали белые соседи, и они были слишком подчинены своим бывшим хозяевам, чтобы добиться успеха в гонке человеческих индивидуумов, борющихся друг с другом.

"Здесь нет негров, владеющих землей", - сказали мне несколько негров-арендаторов между Шейди-Дейл и Этонтоном. "Были, но влезли в долги и потеряли ее. Мы арендуем ферму в тридцать акров и платим за нее два тюка хлопка". При нынешней цене хлопка, 38 центов за фунт, это составляло 380 долларов в американской валюте или 95 фунтов в британской, но арендаторы платили хлопком, и по мере роста хлопка их арендная плата росла.

Похоже, повсеместно было принято считать арендную плату в тюках хлопка, и легко понять, каким экономическим крепостным может стать негр при таких условиях. Эта система, известная в Англии как "грузовик", была давно отменена, но ее зло было настолько известным, что "грузовик" остался пословичным выражением для шиканы - отсюда и выражение "не иметь с ней дела". Негру лучше быть рабочим на плантации белого человека, чем нести ответственность за сбор урожая для хозяина, прежде чем он соберет его сам.

Многие черты жизни на современной плантации, будь то сахарная или хлопковая, наводят на мысль о рабстве. Виртуальное рабство называется *пеонажем*, и негры приводили мне множество примеров. В некоторых местах так устроено, что негр имеет в руках как можно меньше денег. Вместо денег у него есть кредитные чеки, металлические или картонные диски, которые он может использовать в магазине общего пользования для покупки провизии. Его держат в долгах так, что он никогда не сможет из них выбраться, и поэтому он живет с удавкой на шее. Особенно во время войны, когда слухи о военном жалованье склоняли цветную рабочую силу Юга к переселению на Север в огромных количествах, предпринимались попытки удержать негра без средств к отступлению из местности, где труд его рук составлял основу жизни общества. Другие формы *пеонажа*, распространенные в сельской местности, - это замена наказания принудительным трудом, наем каторжников в компании или государственные органы. Это напоминает использование заключенных во время недавней мировой войны и является фактическим рабством.

Все посягательства на свободу подданных можно с полным основанием отнести к *пеонажу* - отказ в праве голоса тем, кто имеет законные права, запугивание с помощью закона Линча и т. д.

Я разговаривал с одним старым негром после того, как покинул Луисвилл и отправился на юг в сторону Мидвилла. Он валялся в лохмотьях на крыльце своего дома - почти белый. Его отец был белым хозяином его черной матери. Он помнил, как Шерман проезжал мимо, когда он был мальчиком. Удивительно умное и трагическое лицо, с которого несчастный белый человек смотрел на страдания крайней нищеты и квазикабалы. Хлопок в этом году оказался плохим. Долгоносик рано забрался в стручки. На плуг приходилось всего три или четыре тюка. Он не знал, как будет оплачивать счета. Пайки, выданные ему весной, были на исходе. Он также надеялся купить одежду. Он сказал, что в начале года приезжали торговцы и снабжали его всякой всячиной в расчете на большой урожай хлопка, - и он указал на игрушечный велосипед, лежавший вверх дном в траве. Он позволил своему маленькому мальчику покататься на нем, и мать решила, что это прекрасно. В прошлом году Бог благословил их очень хорошим урожаем, почему бы Ему не быть таким же добрым и в этом году? Поэтому он подписался на игрушечный велосипед и на граммофон. Теперь он жаловался, что ему урезают паек, мать лежит больная в постели, погода становится все

холоднее, а у них нет одежды. Скоро придет начальник, чтобы выгнать их из хижины, а они не знают, куда идти. Пока мы разговаривали, двое пулеголовых молодых парней, чисто выбритых, откровенных и угрюмых, подъехали на автомобиле, остановились и стали оценивать старика, сидя в машине. Хижина и маленькая хлопковая плантация теперь принадлежали им, и старик превращался из мелкого собственника в рабочего на плантации, а быть рабочим было немногим лучше, чем быть рабом.

"Нам приходится спускать веревочные лестницы для наших людей, чтобы поднять их сюда", - сказал мне цветной декан одного из университетов. "Мы живем в таких пропастях внизу, и нет обычного выхода из ямы".

При въезде в Джорджию я чувствовал себя так, словно спускался по веревочной лестнице. Какой контраст был между яркими, лучезарными девушками в Атланте, изучавшими науки и языки, и теми, кого я встречала сейчас. Здесь была обычная последовательность или градация, спускающаяся вниз, к грязи и крепостному праву. Первые мысли дважды в день и часами наносили "анти-кинк" не только на волосы, но и на душу и разум. Они были свежи, подтянуты и счастливы, как само утро. Это было на высотах Атланты. Я спустился в мир бизнеса с его более тяжелыми и мрачными типами, с суровыми лицами, искусными и жадными врачами, с огнедышащими и теневыми священниками, с возбужденными и жаждущими, но тяжело ступающими политиками. Я пошел по дороге и встретил беспокойных землевладельцев, жалкое счастье существования, хотя и утопающих в закладных и долгах; от них я перешел к фермерам - дикарям, с всклокоченными волосами, согнутыми спинами, обезображенным безрадостным трудом, источающим ядовитый пот и дурной запах; их пасли как скот или даже хуже, ближе к зверю, чем наши домашние животные, их боялись женщины и слабые мужчины, как боятся зверей, когда они принимают человеческое обличье.

Однако на лестнице, ведущей вниз с холмов Атланты, были и более низкие ступени. Часто по дороге я видел мужчин в желто-полосатых комбинезонах, они шли вместе, работали вместе, за ними наблюдал белый человек с ружьем, и при их шаге раздавалось жалкое лязганье цепей. Любопытно, что в Сибири *кандалы* - это зверство, а в некоторых районах Соединенных Штатов они вполне естественны.

"Мы не держим их в тюрьме, а заставляем работать", - со знанием дела говорит белый человек. "Когда на дорогах много работы, мы быстро находим рабочую силу". В Спрингфилде я обратил внимание на ужасное состояние шоссе и общественных зданий. Причина в том, что вместо того, чтобы заставить своих преступников работать на них, они передали их властям штата. В других городах знали лучше. Но в цепных бандах и полосатых каторжниках, которых так легко заполучить в судах, бывший раб представал в самом худшем виде, и веревочная лестница останавливалась, не дойдя до дна.

Обычные деревянные хижины, в которых живут чернокожие крестьяне Америки, мало чем примечательны. Они беднее и скуднее, чем худшие из тех, что можно увидеть в России. Бывший крепостной живет лучше, чем бывший раб. Однако одна деталь очарования на этом грузинском пути - вывешивание крошечных звездочек в знак мальчиков, служащих в армии, скромных звездочек надежды и славы, как крошечный цветок, распускающийся не по сезону в дикой природе: одна белая звездочка для мальчика, служащего в армии, золотая - для мальчика, который умер. В глубине души негры гордились тем, что помогали в войне. Слава, или идея, или попугайский клич "сделать мир безопасным для демократии" проникали даже в самые затерянные уголки. Бедный негр наконец-то открыл для себя Европу

и был особенно влюблен в одну нацию - французов. Юг, как правило, не очень-то жаждал видеть негра на войне и не очень-то сочувственно отнесся к боевой славе черного человека.

"Теперь с неграми не справиться, они стали такими большими после войны", - сказала одна белая женщина в Шейдидейле. "В прошлом году нам, белым, приходилось самим собирать хлопок, мужчинам, женщинам и детям". Она сказала мне, что не считает, что француженкам не пристало гулять с негритянскими солдатами, а потом рассказала историю о французской невесте, которую привел домой один из белых парней. Она защебетала. "Да... она родила близнецов сразу после приезда, и, представляете, это были негритята. Конечно, он сразу же отправил ее обратно". Близость французов к неграм-солдатам охладила уважение южан к самой любимой нации Европы. Кроме того, это всколыхнуло расовый страх, связанный с неграми и белыми женщинами. Поскольку чернокожий солдат был любимцем белых девушек во Франции, считается, что его взгляд охотнее устремляется на чистую женственность Юга.

Линчевание часто объясняется пуританским рвением и сочетается с одним из видов религиозности. Чувства мафии, направленные против любви, очень опасны. Пастор целует девушку из своей общины, дьякон случайно видит это, и его карьере приходит конец. Старик на дороге добровольно признался, что за всю свою жизнь ни разу не "согрешил" с женщиной, черной или белой. Безусловно, существует высокий стандарт праведности. Семейная жизнь чиста, а занятия любовью не являются главным интересом в жизни, как в некоторых европейских странах. Мужчины больше думают о своем бизнесе, а женщины - о доме. Я склонен думать, что если бы белая раса, населяющая Юг, была французской, русской, польской или греческой, то здесь не было бы линчеваний. Большое количество смешанных отношений породило бы терпимость к межрасовому влечению. Я сказал молодому жителю Флориды, проезжавшему мимо на машине: "Я хорошо представляю себе определенный тип европейских женщин, которые подглядывают за негром, строят ему глазки и заманивают его на погибель. Вы когда-нибудь сталкивались с таким типом?" Он ответил: "Нет, а если бы встречались, мы бы и с ней покончили".

Конечно, эта жестко моральная точка зрения отпадает, когда речь заходит о белом мужчине и черной девушке или мулатке. Нравственность негритянки была сильно подорвана во времена рабства, когда детей рабынь рожали без всякой мысли о грехе или стыде. Но хотя моральный стандарт и снизился, он уже не так низок, как раньше. Появилась расовая гордость, и моральная чистота цветных женщин в целом теперь сравнительно выше. Конечно, даже в сельских районах, где негр ближе всего к своему старому состоянию, когда он был скотом, количество полукровных детей значительно уменьшилось. Решение расовой проблемы путем окончательного смешения цветов не похоже на то, что может быть успешным здесь в ходе развития природы. Черные и белые гораздо более разделены и отличаются друг от друга на свободе, чем в рабстве. Даже черные мамочки вымирают. Цветных женщин такого типа не так много. Белая мать, кроме того, более щепетильна в вопросах отлучения ребенка от собственной груди. Южанка так же против беспорядочных связей с негритянками, как ее мужчина против блуждающих глаз негра. Одна женщина сказала: "Вы можете понять симпатию наших молодых людей к некоторым негритянским девочкам, когда в младенчестве их сосала негритянка". В этом есть большая психологическая правда.

За эти недели на дорогах Джорджии были сожжены три негра в моем районе, два под Саванной за предполагаемое соучастие в убийстве заместителя шерифа, и толпа из тысячи

белых мужчин с удовольствием устроила авто-да-фе. Некоторое время спустя недалеко от Мейкона негра обвинили в том, что он занялся любовью с женщиной лет пятидесяти, когда она возвращалась домой из церкви в воскресенье вечером. Кто-то, несомненно, напал на нее, хотя его цель может быть сомнительной. Обвиняемый бежал, спасая свою жизнь. Его поймали в полночь известные граждане, чьи имена были опубликованы в прессе. Шериф около полутора часов спорил с толпой из четырехсот человек на людной улице, а затем, подобно Пилату, умыл руки и предоставил толпе действовать по своему усмотрению. Негр Пол Брукер лежал на земле, подвергаясь жестокому обращению, но был жив; на него вылили бензин, поднесли зажженную спичку и сожгли до смерти. Это происходило не в католической Испании времен инквизиции, а в религиозной Джорджии, солидной для Вильсона и Лиги Наций. Мне сказали, что я не могу понять, почему так поступают. Ни один англичанин, ни один северянин никогда не сможет проникнуть в тайну этого. Это, казалось, ставило меня в неловкое положение в разговоре с южанами. Любопытно, однако, что и они, со своей стороны, не пытались понять, как такие вещи заставляют кипеть кровь в жилах тех, кто живет в другом месте. Не казнь, не преступление, а жестокость казалась мне непростительной. Я мог понять убийство негра, но не мог и не хотел понять душевное состояние тех четырехсот человек, которые наслаждались его мучениями.

В большинстве штатов Юга часто происходят сожжения, повешения и другие виды насилия со стороны толпы, но даже в тех случаях, когда в прессе называются имена граждан, не происходит никакого преследования или расследования. Так попирается великий флаг, и можно представить себе циничный смех, с которым экстаз негров, последовавших за армией освобождения в 1864 году, можно сравнить с умилением южной толпы в 1920 году, наблюдавшей, как бывший раб медленно сгорает по их обвинению, и кричавшей о пощаде, когда не нашлось милосердного уха, чтобы услышать.

Полагаю, ничто так легко не порождает ненависть, как жестокость. Вот почему во всех войнах так много муссируется информация о зверствах: одна сторона пытается вывести все жестокости и варварства, совершенные другой, лишь бы разжечь своих приверженцев. Так и в Гражданской войне все жестокости рабовладельцев стали известны, и кровь северного солдата закипала от них. И хотя сейчас эта ссора исцелена, в то время война вызывала глубокую ненависть к южанам. Это был не только военный конфликт, но и личная ненависть и презрение. То, что делали с чернокожими, усугублялось тем, что делали с белыми пленными. Север обнаружил в южанах жестокость и бессердечие, которые, должно быть, были загадкой для тех, кто думал, что они одной расы. Ведь в Джорджии преобладают англичане по происхождению, и, как я убедился, они все еще гордятся своими дедами и прадедами, родившимися в старой стране. Некоторые приписывают перемену темперамента жаркому солнцу и южным широтам, другие - жестокому влиянию самого рабства.

Когда я был в Миллене, который когда-то в отблесках горящей железной дороги кишел войсками Шермана, я вышел к старой батарее южан в Лоутоне и увидел курганы и поля, где содержались пленные северяне. Сегодня там колышется трава или кукуруза, а посреди безмятежной и спокойной природы бьет прекрасный хрустальный источник. Здесь пленные были сосредоточены на участке земли площадью триста футов, заключенные в острог и не имеющие укрытия, подвергавшиеся воздействию любой погоды. Если кто-то из них сбегал, его преследовали с ищейками. Около семисот пятидесяти человек умерли, находясь в этом концентрационном лагере. Неудивительно, что один из солдат того времени писал: "Это будоражило кровь наших храбрых парней..... Бог, конечно, посетит авторов этого преступления страшным судом".

Солдаты Шермана уничтожили всех гончих, которых смогли найти в Джорджии, когда проходили через нее - так сильно их возмущало варварство охоты на людей с собаками. Ведь южане научились охотиться на беглых рабов с ищейками, и это был вид охоты, который давал особое удовлетворение жажде жестокости. То, чему они научились в жестоком обращении со своими рабами, они могли применить на практике против пленных, которых они получали. Однако и здесь война не принесла плодов, поскольку охота на негров с ищейками снова стала обычным делом.

По мере продвижения вглубь страны солдаты Севера не становились мягче к населению Юга. Скорее наоборот. Они были бы еще более разрушительными, чем раньше, если бы не обнаружили, что страна становится все более и более малонаселенной. Марш от Миллена до Саванны привел бы к жесточайшему обращению с людьми, но, к счастью, путь лежал через леса и невозделанные пустыни, созданные самой природой. У армии были только пленные, на которых она могла выместить свое недовольство, и они, конечно же, не жалели несколько сотен солдат Конфедерации и "гражданских лиц", которых они взяли в рабство. Было установлено, что в одном месте враг заминировал дорогу. Одному офицеру армии Союза оторвало ногу. Восьмидюймовые снаряды были зарыты в песок с помощью спичек, чтобы они взрывались, когда на них наступали. Шерман был очень зол и назвал это убийством, не войной, что напоминает негодование, вызванное тем, как в конце войны немцы затевали что-то новое. Ответом на это минирование дороги было заставить пленных повстанцев идти впереди колонны в тесном строю, чтобы взорвать все, что может быть заложено по дороге. Они были очень напуганы и настойчиво просили отпустить их - к большому удовольствию предполагаемых жертв. Лишь на подходе к одному из фортов Саванны взорвалась еще одна мина - ущерб, нанесенный пленным, остался неучтенным.

Путь лежит на восток, к Сильвании и реке Саванна, а затем на юг, к рисовым полям и гавани. Дорога глубоко в песке, а по обе стороны - нерасчищенная местность с высокими желтыми тростниками внизу и высокими соснами вверх. По обочинам дороги растет спелая и желтая хурма - сочный фрукт, вкусный, когда он только что сгнил и полон мягкости и солнечного тепла. По длинным коридорам между соснами грациозно порхают крупные птицеподобные бабочки, а мириады прыгающих богомол и кузнечиков говорят о том, что сейчас не ноябрь. Золотистая листва редких буков напоминает о том, что это так. Лес глубокий, мрачный и меланхоличный. Бедное население живет смолокурением и лесозаготовками. Каждая сосна покрыта лишайником. Мох длинными фестонами свисает с ветвей. Огромные темные стволы то тут, то там посеребрены застывшими потеками сока. В дереве прорублены траншеи глубиной в два дюйма, в которых установлены жестяные желоба и горшки для сбора смолы. К каждому дереву привязан коричневый горшок, и каждый горшок наполовину полон перламутровой жидкой жизни деревьев. Вы выходите из леса на симпатичную полянку Ринком с лютеранской церковью, над шпилем которой возвышается металлический лебедь - символ того, что первая община, построившая церковь, пришла по воде из Европы. В шести милях от Ринкома находится самая старая церковь во всей этой части Джорджии - часовня Эбенецер, основанная теми первыми немецкими поселенцами, которыеплыли вверх по реке Саванна и отчасти основали колонию Джорджия. Это также церковь лебедя. Лес очень густой, и негры с ружьями стреляют по диким птицам с шоссе. Придорожные домики и церкви кажутся почти поглощенными тилландсией - субтропическим мхом, который, кажется, растет вниз, а не вверх. В глубине леса есть небольшая поляна и кладбище, и сотни сосен, кипарисов и дубов вокруг него плачут этим свисающим мхом. Графство - Эффингем.

Спрингфилд, столица, без электрического освещения, в глубине желтого песка, с большой общественной площадью, где все многочисленные деревья похожи на плакучие ивы из-за серо-зеленых волос тилландсии, тянущихся и развевающихся на десять или двадцать футов к стволу, - неясный город. Здесь начинают появляться путеводители по Флориде, и мимо проносятся тяжелые туристические машины, направляющиеся в Майами и Палм-Бич. Здесь есть несколько очаровательных деревянных церквей - негритянские, более бедные, выглядят лучшими жертвами Богу, чем белые. А над прилавком главного магазина написано

На Бога уповаем,
Все остальные платят наличными.

В лесу раздается стук топора. Здесь много поваленных стволов, на которых можно присесть и отдохнуть. С Атлантики надвигается морской туман, сквозь который проникают теплые потоки воздуха, питающие чудесные тропические мхи. До Саванны далеко - расстояние кажется еще больше из-за узости серого коридора дороги, проходящей через обширный высокий лес. Из непроходимой земли поднимаются черные дубы, стерильные виноградные лозы и пальметто, похожие на дамские руки с раскрытыми веерами. Поверхность, на которой растет лес, болотистая, старая, лишайниковая, мшистая, пружинистая. Трудно найти твердую землю, так много ветвей кажется заросшими зеленью и мхом. В жару длинные змеи скользят в сторону от вашего приближения, заметив вас раньше, чем вы их. И *крыса, крыса, крыса* - красноклювые дятлы в своих городах на верхушках деревьев зовут друг друга и ищут свои обеды из насекомых, а затем летят домой и снова стучат. Белые говорят на "черномазом говоре", который почти неотличим от негритянского, и никогда не произносят букву "р". Негры кажутся очень бедными, неграмотными и боязливыми. "Слышишь, идет старый надежный негр с ВЕЛИКИМ ХРИСТОМ", - гласит объявление на старой деревянной церкви цветного населения.

Меня обгоняет негр с повозкой и двенадцатью тюками хлопка, и хотя он, кажется, пытается обогнать огромный туристический автомобиль, направляющийся во Флориду, с багажниками на вершине и всей семьей внутри, он притормаживает, чтобы подобрать меня. Это огромный грузовик, громоздкий и ветхий, который сотрясает кости вашего тела, пока везет вас. Мальчик-негр бесстрастно держал руль одной рукой и несся на максимальной скорости. Через десять миль мы въехали на один из огромных хлопковых складов за пределами Саванны, миновали привратника, который не пустил бы меня, если бы не подумал, что я здесь главный, и увидели, где размещались и хранились сто тысяч тюков. По асфальтированной дороге и от склада к складу десятки негров манипулировали тюками на тележках с бензиновыми двигателями.

"Много ли хлопка вы отгружаете?" спросил я белого мужчину, который выдавал нам квитанцию за привезенный хлопок, пока дюжина хриплых парней разгружала вагоны. "Не очень много", - ответил он. "Держимся в ожидании лучших цен", - добавил он и понимающе улыбнулся.

Потом с пустым вагоном мы покатали в Саванну, и мальчик-водитель сказал мне, что скоро будет работать на корабле из Саванны в Нью-Йорк. "Здесь у нас нет шансов".

И все же насколько лучше было ему с его повозкой, профсоюзной зарплатой и жизнью в большом городе, чем бедному бывшему рабу на земле!

Пока разгружались, стемнело. Но еще час пути через лес привел нас в окраинные трущобы Саванны, затем в "район красных фонарей", где звучали музыка и танцы, были открыты двери

и окна, а красный свет фонарей манил цветную молодежь к низменным удовольствиям; затем к величию и простору современной Саванны и цивилизации белого человека, вверх из Джорджии, вверх из ямы, сквозь завесу леса и природы к безмятежным вершинам мировой цивилизации снова.

VII

ПОСЛЕ ВОЙНЫ: ГОЛОС

Марш к морю, как и поход души Джона Брауна в вечность, стал трогательным символом веры в войну. Люди увидели в нем марш дела всего человечества. Шерман преподнес Саванну в качестве рождественского подарка Аврааму Линкольну, и Вифлеемская звезда вновь засияла над разоренной землей и опустошенными сердцами. Новость, когда она пришла, стала сигналом для великого народного ликования и пророческой веры в окончание войны. Через четыре месяца после этого произошла всеобщая капитуляция Юга. Правда, самый невинный и христианский человек Америки был уничтожен ненавистью - еще один Голгофский день в истории, когда в Страстную пятницу в театре в Вашингтоне был убит Линкольн, - но борьба была проведена, и победа одержана. Стало возможным ратифицировать отмену рабства при восстановлении Союза и общем согласии всех штатов.

"In Sixty Three the slaves were free; In Sixty Four the war was o'er", - гласит стишок, но на самом деле негры не были свободны на Юге до тех пор, пока Юг не был завоеван Соединенными Штатами, а война не была закончена до апреля 1865 года. Именно 24 мая 1865 года армия прошла мимо Белого дома в своем последнем торжественном марше, неся над головой свои боевые флаги, украшенные цветами. На Севере царила слава, на Юге - сумерки смятения, а негры были свободны. Снова наступил мир, хотя и не мир в сердцах людей. Ненависть к войне по-прежнему порождала ненависть, а жажда жестокости вызывала к жизни свое чудовищное потомство - месть.

Фанатик, убивший Линкольна, тем самым нанес удар по всему собственному народу. Плантаторы, сжигавшие беглых рабов, солдаты, во время войны предававшие смерти попавших к ним в руки пленных негров, - в общем, действия озлобленных людей навлекли беду ответной злобы не только на себя, но и на невинных, справедливых и добрых людей. В Вашингтоне проводилась политика наказания, а не примирения, и от этого страдал белый Юг. Пострадали также негры и негритянское дело. Бывшие рабы получили голоса и были поставлены в равное положение с белыми людьми. Это была вопиющая несправедливость и оскорбление. Негры в 1863 году не были подготовлены ни умом, ни душой, ни знаниями к тому, чтобы воспользоваться правом голоса. Они также не были наделены силой воли и физической силой, необходимой для того, чтобы обладать избирательным правом, когда оно будет им предоставлено. Когда победа была одержана, в стране царило такое же воодушевление, как и на местах во время марша Шермана, и такое же разочарование и такое же разрушение мостов должно было произойти. Куда шел белый человек, черному было не угнаться. На короткий промежуток времени бывшие рабы доминировали на белом Юге. Политические шарлатаны использовали голоса чернокожих; негры не голосовали, они голосовали, а затем из несправедливости извлекался способ снова сделать белого человека и бывшего хозяина рабов правым. Ведь как бы ни был неправ Юг, война все равно должна

была оставить у власти образованного белого человека, а не поставить его под каблук неграмотного. Бедные рабы, только что освобожденные, но не получившие образования, не овеванные ветрами культуры, не загоревшие под ярким нравственным солнцем Америки, не могли голосовать за судьбу Америки или принимать руководящее участие в ее делах. Как обычно бывает после войны, победители захотели устроить революцию в стране, где они победили. Белый Север мстил белому Югу. Но революция чернокожих была вещью, которой не могло быть. Расовый инстинкт пришел на помощь белым, и благодаря общему молчаливому согласию и организованным заговорам новые черные хозяева были свергнуты со своих мест. Тогда страх перед тем, что могло бы быть, и снова месть, порожденная кратковременным господством черных, зашли в несправедливости совсем с другой стороны. Возникла травля черномазых, насилие толпы заняло место справедливости судов. Центральную власть попирали, сначала тайно, а потом и открыто. Негров вернули к пеонажу и рабству, и можно было бы подумать, что дело, ради которого была пролита вся кровь Гражданской войны, проиграно. Оно было бы проиграно, если бы рабство не стало полным анахронизмом в мировом обществе. Ярмо не могло быть вновь наложено на шею негра. Его свобода сохранялась, она росла.

Максимум гонений на негров за последние годы не сравнится со страданиями рабства. Даже если сложить все линчевания, сожжения, унижения и инвалидность, они не сравнятся с одним годом рабства. Большинство негров понимают это. Они знают, что через какие бы превратности они ни проходили, они все равно продвигаются к все более полной свободе.

Рассматривая ситуацию в целом, мы склонны недооценивать несчастье рабства и преувеличивать несчастье нынешней эпохи свободы. Быть свободным - это счастье. Даже быть худшим из возможных пеонов - это далеко не рабство. Великое значение Эмансипации заключается в том, что негры-рабы получили свободу - свободу для всего и вся в широком мире. В тюрьме национального института рабства не было никакой надежды, никакого ощущения конечных возможностей, скрытых в человеке. Но с обретением свободы каждый ребенок становился потенциальным Александром.

В 1863 году новая жизнь начала прорастать, начала подавать надежды. Некоторые думали, что она должна проявиться сразу же. Но это было ошибочно. Прежде чем появятся первые скромные ростки нового, оно должно было провести долгое время в подполье. Многие утверждали, что негр ничего не добьется в своей свободе, и даже те, кто верил в его судьбу, проявляли нетерпение. Преждевременные приветствия были адресованы новой негритянской культуре и ответственности. Единственная критика, которая здесь звучит, заключается в том, что они были преждевременными. Самым значительным из них было избирательное право.

Я уже говорил, что отказ неграм в законном праве голоса - это часть пеоната, и я также говорил, что было неправильно сразу давать освобожденным людям голоса. Я хотел бы объяснить, как обстоят дела с избирательным правом негров сегодня.

Прежде всего, было неправильно предоставлять право голоса бывшим рабам не потому, что они не имели права на голоса, а потому, что они не были готовы к тому, чтобы им доверили голоса. В 1863 году как в Англии, так и в Америке мир можно было спасти только с помощью избирательной урны. Именно восстание против этой веры заставило Карлайла разразиться гневной критикой "ниггерской демократии". В разговоре с деканом Брейли из Морхауз-колледжа в Атланте я заметил предубеждение против Карлайла, которое очень распространено среди образованных цветных людей. Прежде всего я хотел бы заверить их, что использование Карлайлом выражения "ниггер" не имеет ничего общего с тем грубым и

презрительным смыслом, в котором это слово используется в Америке. Так, мы говорим *"работать как ниггер"* - выражение, заимствованное из жизни рабов; *"ниггерский диплом"* - презрительное английское выражение для обозначения высокой степени, такой как доктор литературы или доктор богословия, которая, как считается, была приобретена в Америке в негритянском университете; *десять маленьких ниггеров* - черные мальчики, которые так быстро кончают плохо в знакомом нам с детства стишке. В Англии "ниггер" - это шутовское слово, обозначающее негра, и оно всегда используется в детской. Это детское слово, обозначающее чернокожего человека, предпочтительно того, кто основательно почернел. Карлайл был одним из самых благоговейных людей и не привык пренебрежительно отзываться о Божьих созданиях. Но к избирательному праву он относился с презрением. И ему, и Рёскину, и многим другим казалось абсурдным, что голос образованного человека и неграмотного должен иметь одинаковую ценность; что многим тупым и невежественным должно быть позволено перевесить голоса тех немногих, кто знает. Предоставление права голоса освобожденным неграм послужило для Карлайла примером доведения абсурда до логического конца.

Однако альтернативой правительству путем голосования оказалось правительство, основанное на господстве военной касты, и человечество в целом в наше время показало, что оно предпочитает первое. Избирательная урна, при всей ее абсурдности, кажется, тем не менее, нашим единственным средством существования в условиях свободы. Было бы неправильно предоставлять избирательное право миллионам дикарей в Африке под британским владычеством, потому что они не смогут им воспользоваться. И было неправильно предоставлять избирательные права неграм в Америке одним росчерком пера после Гражданской войны. Это принесло неграм больше вреда, чем пользы.

Иметь такую обиду - быть юридически обеспеченным и при этом физически лишенным права голоса - это, конечно, большой вред. Это влияет на общественное сознание. Это вызывает горечь и возбуждение. Призыв в армию и необходимость сражаться за страну, когда речь идет об этой обиде, усугубляет уже нанесенный вред. "Мы не слишком низки, чтобы сражаться с врагом, но мы слишком низки, чтобы делиться добычей", - как гласит история. Я слышал, как в цветном мюзик-холле негр-комик, предававшийся веселью, вызвал бурные аплодисменты шансонеткой:

Народ кулуда будет готов к бою
Когда у куллуда будет равное право.
Я не так глуп, как кажусь.

И это разумное чувство.

Дело в том, что негритянское население в значительной степени лишено права голоса. Половина населения погружена в экономическую кабалу и неграмотность, но другая половина обладает более чем средними способностями к гражданству. И все же, несмотря на Конституцию и федеральную власть, эти миллионы остаются практически без права голоса во всех южных штатах. Чтобы не допустить их к избирательной урне, применяется физическая сила.

Южанин склонен считать, что образованный негр еще менее приспособлен к тому, чтобы иметь право голоса, чем неграмотный. Но это потому, что он ненавидит видеть, как негр поднимается. Он скажет вам, что в некоторых штатах негров больше, чем белых, десять к одному. Но это характерное заблуждение. Трудно найти город, где количество голосов чернокожих превышает количество голосов белых. По последней переписи населения

самыми черными городами были Бирмингем и Мемфис, где негры составляли сорок процентов населения, а в

Ричмонде	37%
Атланта	34%
Нэшвилл	34%
Вашингтон	29%
Новый Орлеан	27%

И только в двух штатах негритянское население превышает белое, а именно в Миссисипи и Южной Каролине, где негры составляют 57% и 55% от общего числа жителей.

Если бы, как это кажется справедливым, тест на неграмотность был узаконен путем внесения поправки в Конституцию, белых избирателей было бы больше, чем черных, с большим отрывом.

Что касается того, стоит ли опасаться образованных негров, то, конечно, есть один вопрос, вызывающий беспокойство. Негр будет обязан бороться за социальную справедливость, и насилие над расовыми предрассудками будет иметь место.

Однако Юг твердо решил, что негр больше никогда не будет голосовать. Год за годом цветной народ в целом растет в интеллекте, в способностях, в численности своей интеллигенции, но Юг не движется с места. Он не видит взрыва в будущем и не предусматривает его - не хочет, пока он не произойдет.

Расовый страх, несомненно, играет большую роль в этой решимости, но есть и другое соображение. Твердый Юг голосует за демократов до единого человека. Негр, если бы у него был шанс, проголосовал бы за республиканцев так же твердо. Я помню, как присутствовал при жестокой ссоре на негритянском собрании в Новом Орлеане - один негр, хотя и не имел права голоса, на самом деле называл себя демократом. Исправление недостатков избирательного права стало бы огромным притоком сил для Республиканской партии. По этой причине демократы преувеличивают свой расовый страх. А также по этой причине каждый политик-республиканец, пришедший к власти, обязательно сделает попытку сломить твердый Юг. Сенатор Лодж сам был автором "Законопроекта о силе", который несколько лет назад был близок к принятию, и который должен был поставить федеральных солдат у каждой избирательной урны на Юге, чтобы защитить чернокожих избирателей.

Юг бросает вызов всему, что может придумать федеральное правительство. Как сказал своим коллегам в Сенате сенатор Ламар из Миссисипи:

"Но есть один вопрос, в котором Юг тверд, и в котором он останется тверд - это защита своей цивилизации от подчинения невежественной и подневольной расе. И ни федеральные почести, ни федеральные штыки не смогут поколебать эту прочность".

В администрации президента Вильсона доминировали демократы-южане, а поскольку голоса южан были за ним и за ними, вряд ли можно было оказать какую-либо помощь неграм. Тем не менее, провал демократов стал настоящим разочарованием. Радикальный идеализм Вильсона, его стремление докопаться до корня проблемы, где бы она ни находилась, заставили многих поверить, что он сделает что-то для исправления плачевного положения негров. Какое-нибудь юридическое паллиативное средство было бы более милостивым со стороны демократов, чем силовые меры, принятые над их головами

республиканцами. Возможно, с падением демократической партии и грядущим триумфом республиканцев в ближайшие несколько лет будет сделано что-то практическое для помощи неграм. Главная надежда цветных должна заключаться в том, что у власти будут находиться президент-республиканец и сенат-республиканец вместе. Ноябрь 1920 года и его выборы будут столь же судьбоносными для негров, как и для всего мира.

Рузвельт дал своей партии щедрое преимущество, когда принимал Букера Т. Вашингтона в Белом доме, и я слышал, как молодой полковник Рузвельт однажды вечером, с нервами и мужеством своего отца, пообещал огромной негритянской аудитории "выгодную сделку", если они наберутся терпения. Это честное дело - право негра, особенно в том, что касается права голоса. Странно, что движение за "права человека", начавшееся практически со времен Французской революции, должно было остановиться около 1870 года, а противоположный идеал "привилегий индивидов" начал прогрессировать. Как очень убедительно выразился Саттон Григгс в своем обращении к Национальной баптистской конвенции в Ньюарке, штат Нью-Джерси:

"В 1792 году в английской Палате общин было принято решение о постепенной отмене работорговли. В 1794 году Французский конвент постановил, что права французских граждан должны быть предоставлены всем рабам во французских колониях. В 1834 году англичане полностью отменили рабство в своих владениях. В 1848 году французские рабы были эмансипированы. В 1863 году голландцы освободили своих рабов. Юг, не поддавшись влиянию мировой мысли, цеплялся за своих рабов, но в ходе Гражданской войны они были жестоко вырваны из его рук. Под влиянием доктрины исконного равенства всех людей в 1869 году была принята Пятнадцатая поправка к Конституции США, запрещающая отказывать в праве голоса по признаку расы, цвета кожи или прежнего подневольного состояния. В 1870 году Конгресс принял законопроекты, предусматривающие штрафы и тюремное заключение для каждого, кто хотя бы попытается помешать негру проголосовать или не допустить подсчета его голосов.

"Но все силы, которые можно было собрать, до сих пор не смогли продвинуть нашу нацию или мир ни на дюйм вперед по прямой линии от этой точки. Только что упомянутое действие стало последним зарегистрированным национальным актом, направленным на включение негритянской расы в государственную структуру без каких-либо оговорок. Влиятельные силы предпринимали и другие попытки, но все они оказались безуспешными. В 1875 году очень всеобъемлющий законопроект, призванный обеспечить неграм Юга гарантии их прав, прошел нижнюю палату Конгресса, но потерпел поражение в Сенате. Несколько лет спустя законопроект о выборах Лоджа, преследующий ту же цель, прошел через Палату представителей, но был провален в Сенате. Платформа Республиканской партии, на которой был избран президент Тафт, содержала недвусмысленное заявление в пользу применения Пятнадцатой поправки по букве и духу, но за время его пребывания в должности не было предпринято никаких законодательных мер в этом направлении".

Однако сегодня началась мировая война и было сделано величайшее утверждение прав наций, если не человека. Появилась возможность возобновить прерванное движение вперед.

VIII

В АЛАБАМЕ: ЦВЕТ КОЖИ И ЦВЕТОВЫЕ ПРЕДРАССУДКИ

Я совершил экспедицию в Алабаму из Атланты и снова увидел кое-что из этого штата, когда спустился к Мексиканскому заливу. Для негритянской жизни он важен прежде всего благодаря институту Таскиги, который, как и колледж в Хэмптоне, иногда называют Меккой американских негров. Он был основан Букером Т. Вашингтоном и является наглядным выражением идеи самопомощи. Здесь, как и в Хэмптоне, бывшего раба учат что-то делать в качестве завершения обучения. Сейчас заведение находится под руководством любимого доктора Мотона, мудрого и добродушного африканского гиганта чисто негритянского происхождения: его отец, как рассказывают, был принцем, который, продавая своих пленников, сам попал в рабство и неожиданно оказался в положении своих собственных пленных врагов. Это было во время Гражданской войны, и он приехал в Америку рабом, но для того, чтобы стать свободным. Мальчиком, едва умеющим подписывать свое имя, юный Мотон впервые появился в Хэмптоне, и власти поначалу сомневались, что примут его в ученики. Но что они могли упустить! Доктор Мотон - лучший тип негритянского учителя, достойный преемник Букера Вашингтона. Таскиги, помимо образовательной деятельности, много делает для борьбы с расовой ненавистью и держит общественное мнение Америки в курсе происходящих линчеваний. Присутствие института в отсталом штате Алабама очень важно для будущего Юга.

В Бирмингеме, штат Алабама, меня представили очаровательной молодой вдове, оставшейся довольно богатой, образованной даме, которая хорошо жила, хорошо одевалась и обладала узнаваемым американским *шиком*. Я познакомился с ней в городе, а затем в ответ на приглашение зашел к ней домой. Она, безусловно, была негритянской красавицей и, не сомневаюсь, очень желанной в браке. Кроме ее прелестей, было еще пять тысяч в год, и невозможно было не почувствовать очарование этого факта.

Красавица сезона тратит

час на вас.

Она ворковала в ответ на все мои слова. Она была застенчива, как пьедестал без статуи; ее глаза горели, и я не мог не почувствовать всю атмосферу "романтики". Будь она на тон светлее, любой белый мужчина мог бы в нее влюбиться.

Ее дети - или это были дети одного из ее чернокожих слуг? - играли с семьей настоящих негритянских кукол, не "кукол-негров", черных, краснощеких негров из детской, а цветных кукол, в *честь природы*. Это было очень очаровательно, и мне хотелось бы увидеть детскую шерстяную головку на вздымающемся лоне моей прекрасной знакомой. Из нее получился бы восхитительный этюд для черной Мадонны.

Иметь собственных кукол - один из новых расовых триумфов цветного населения Америки. Раньше им приходилось мириться с розовыми и белыми милашками с желтыми волосами и бледно-голубыми глазами, отражениями немецких младенцев, которые до сих пор занимали весь рынок кукол. Прошло полвека свободы, прежде чем неграм пришло в голову, что кукла, как обещание будущего ребенка, не совсем хорошо для морали и расовой гордости чернокожих, что их маленькие девочки должны любить белых кукол. Возможно, сначала эта идея рассматривалась как бизнес-предложение. Производство настоящих цветных кукол, коричневых кукол, мулаток, почти белых, черных и извращенных, грустных и красивых, могло бы стать прибыльным предприятием. В 1920 году кукольная индустрия активно развивается.

Предполагается, что со временем белая куколка станет редкостью в негритянском доме. Отсюда дети могут извлечь урок: ваша домашняя кукла не должна быть домашней куклой другой девочки.

Именно в Южном Бруме, обратившись к преподобному Уильямсу, я наткнулся на этот необычный разговор:

"Разве не абсурдно, что у нас есть белые ангелы?"

"Вы, конечно, не хотели бы, чтобы они были черными?"

"Мы даем детям карточки для воскресной школы с белыми ангелами на них. Это *неправильно*".

"Черные ангелы были бы уродливы".

"Не более уродливы, чем белые".

Я думал, что белизна ангелов - это как белизна белого света, который содержит в себе все цвета. Однако преподобный, который, как оказалось, был реалистом, не понял этого.

"Сам Христос не был белым. Ему пришлось бы путешествовать в вагоне времен Джима Кроу", - сказал он. "Но спросите себя: разве не абсурдно, что нас учат, будто все добрые люди - белые, а сам грех - черный?"

"Кажется, что это оставляет вас в тени", - сказал я.

"Такие выражения, как "черный как грех", должны быть исключены из языка. С таким же успехом можно сказать "белый как грех"".

Я быстро порылся в памяти.

"Мы говорим "бледный от зависти", - сказал я.

"Черная злоба", - возразил он. "Почему она должна быть черной?"

Я не мог сказать.

"Адам и Ева в Саду, - продолжил он, - всегда изображаются белокожими, тогда как, учитывая климат, они вполне могли быть такими же темнокожими, как любая негритянская пара в Алабаме. Вавилон был построен неграми".

"Вы бы хотели, чтобы Адама и Еву перекрасили в черный цвет?"

"Да, конечно".

Это показалось мне довольно забавным, но на самом деле все было очень серьезно. Позже, в Нью-Йорке, однажды вечером в Либерти-холле, перед тем как меня выгнали как белого интервента, я услышал, как оратор сказал восхищенным неграм: "Почему, я спрашиваю вас, Бог всегда изображается белым? Потому что он - Бог белого человека. Это Бог наших хозяев". (Да, братья, именно так.) Это Бог тех, кто преследует и презирает цветных людей. Братья, мы должны сбить этого белого Бога и поставить черного Бога. Мы должны переписать Ветхий и

Новый Завет с точки зрения чернокожего человека. Наши богословы должны заняться черным Богом".

Это было то, что мы, белые, называем "хлопушкой", и к тому же непочтительной. Но, похоже, она пришлась по душе гарлемским братьям. И снова можно извлечь урок для детей постарше: если вы создаете Бога по своему образу и подобию, из этого не следует, что другие дети согласятся с тем, что он похож на вас.

Это напомнило мне энтузиазм солдат, когда они вернулись домой с войны и внимательно посмотрели на своих родных женщин; они считали их гораздо более симпатичными, чем француженки или немки. Девушки и куклы, ангелы и боги - нам нравится, чтобы они соответствовали нашему собственному цвету лица.

Ночной Бирмингем светится до небес печами. Сто тысяч чернокожих пролетариев зарабатывают на жизнь углем и сталью, вздымая сажу к небу. Хотя я встретил там очаровательную миссис Джей, о которой я уже упоминал, а также других образованных негров, не следует думать, что это место культуры, белой или черной. Это разрозненный город с уродливым, неправильной формы, несбалансированным интерьером или центральной частью, похожей на стол, уставленный маленькими чайными чашками и большими кастрюлями с вареньем. Он не выдерживает сравнения ни с Атлантой, ни с Новым Орлеаном, ни с Ричмондом. Строго говоря, это не город, а агломерация промышленных предприятий. Тем не менее заводы, которые его окружают, принадлежат компаниям с огромными ресурсами, а в сталелитейной промышленности, как утверждается, находятся одни из самых обширных промышленных предприятий в мире. Бизнес мало нарушается забастовками. На воротах огромных фабричных владений написано: *Нам не нужны вы, если вы не в состоянии позаботиться о себе. Неосторожные люди всегда подвержены несчастным случаям.* На одних объявлениях написано: "Непрофсоюзные цеха", на других - "Открытые цеха", но это не имеет особого значения. Профсоюзы не имеют большой власти. Заработная плата высокая, хотя и не такая высокая, как на Севере, но стоимость жизни намного ниже, и уровень респектабельности ниже. В некоторых случаях промышленники живут на территории фабрик, и вы видите негритянские жилища, которые похожи на промышленные казармы. У каждого ворот стоит портье или гражданский часовой, и, чтобы попасть к рабочему, вам придется показать, какие у вас к нему дела. На пути к его двери вас встретит объявление о том, что нарушители будут преследоваться по закону.

Бездельников не поощряют, но вы можете увидеть негритянские банды за работой, организованные отряды рабочих, которые усердно трудятся, с неграми-бригадирами или белыми бригадирами. Возле шахт и печей раскинулся бесчисленный негритянский индустриализм, более черный, чем в природе. Черный от угля негр-колбасник, измазанное сажой лицо сталевара и смоляника - любопытные комментарии к вопросу о том, хорошо ли быть черным или белым. Коксовые изделия пламенеют и дымят в бесчисленных трубах, паровозы пыхтят и пыхтят вперед и назад, а взвод дымовых труб изрыгает густую черноту, которая, овеваемая ветром, кружит над небом и глазами.

Я заглянул в двери нескольких очень грязных негритянских домов. Здесь не было ничего похожего *на любовь к природе* Балтимора и Филадельфии. Антикинг не применялся повсеместно, а что касается малышей, то мамин маленький алабамский кун, похоже, становился для них слишком большим. Нетрудно понять отвращение людей на Севере, когда в 1917 и 1918 годах негритянские семьи тысячами потянулись с Юга - настоящие непонятные, пушисто-пушистые, крупнолицые, вонючие негры из затопленной Алабамы. Их вид во многом обусловил чувства, вдохновившие северян на бунт. "Мы знаем наших северных

негров", - говорили на Севере, - "но эти, с Юга, не похожи ни на каких негров, которых мы когда-либо видели". Пробудилось множество предрассудков по отношению к этим неотесанным африканцам, которые казались такими близкими к дикарям и зверям. Возможно, это было естественно. Но высокие зарплаты, новые надежды и идеалы быстро исправляют чернокожего иммигранта. Он вливается в общую массу чернокожего негритянского населения, в его устоявшиеся достоинства и респектабельность за линией Мейсон-Диксон. Через несколько лет в Нью-Йорке будет трудно выделить в толпе южного негра.

Маленькие чернокожие дети в пригороде Бирмингема были попеременно то очень доверчивы, то внезапно пугливы, то снова доверчивы, когда я пытался с ними заговорить. В их телах было много страха. Они казались еще чернее, чем их родители, и я высказал мнение, что большая часть их цвета сойдет во время принятия горячих ванн. Но средства для мытья были примитивными, и страсть к физической форме и свежести не могла быть легко развита.

Белый Юг мог бы бесконечно улучшать своих негров, если бы захотел это сделать. Однако в целом он не желает, чтобы его негры возвышались, и, кажется, больше всего радуется, когда их можно с легкостью приравнять к погибающим животным. Но если бы она думала о неграх более высоко, негры бы поднялись.

Я навестил профессора К... в его трехэтажном доме. Он был одним из негров-четыреминутников, которые во время войны выступали с популярными обращениями к своему народу, побуждая их быть "патриотами" и отчислять свои доллары в различные фонды. Он сказал, что глубоко обескуражен. Он не принадлежит к Алабаме и предпочел бы жить в более цивилизованной части мира, но он отдал свою жизнь за то, чтобы поднимать детей. Он делал все, что мог, но белые не оказывали ему никакого содействия. В этих фабричных районах цветных детей было больше, чем белых, пять к одному. Обучение, конечно, было раздельным; он не возражал против этого, но для черных детей делалось очень, очень мало. Они больше всего нуждались в благословении, но делились лишь скудостью и проклятиями. Он показал мне свою школу - ветхое здание из старого, выцветшего дерева. "О, но наши учителя полны энтузиазма", - сказал он. "Они делают дело Божье, и им это нравится. Да, сэр".

У меня сложилось впечатление, которое я считаю правильным, что цветное население Алабамы с большим энтузиазмом относится к преподаванию, чем белое. Белые школы испытывают определенные трудности с получением хороших учителей; цветные школы таких трудностей не испытывают. Если цветные студенты будут продолжать в том же духе, в каком они начали, то у них есть все шансы получить место учителя для белых детей в белых школах - возможно, не скоро в Алабаме, поскольку там царят сильные предрассудки, но сначала в других местах, а затем и в этом штате. Для начала они прекрасно справятся с маленькими детьми. Перед ними открывается широкая дорога завоеваний. Как прозорливо заметил Букер Т. Вашингтон, для его народа нет более весомого аргумента в их пользу, чем личные достижения.

Однако, оглядывая дома индустриально развитых масс, можно только поражаться неадекватности цивилизации. Нет ничего лучше, чем в заброшенных шахтерских поселках российского Урала. Это делает негра немногим лучше негра, и удивительно, что он не бежит по улицам чаще, чем это происходит.

Если окраинные поселки напоминали об Урале, то центр города напоминал не что иное, как Омск. Здесь на главной улице, на Восемнадцатой, находится очень "джазовый" уголок, сверкающий по ночам пятикратным переизбытком света, оглашаемый шумной музыкой и кишащий неграми всех каст и цветов. Днем он похож на паутину из стайных личинок, а ночью - на вход в страну чудес. Здесь сосредоточена вся негритянская предприимчивость города. Считается, что большинство персонажей умных негритянских историй Октавуса Роя Коэна - мистер Флориан Слэппи, адвокат Эванс Чу и другие - взяты из этого уголка. Разве их поступки и дела не отвлекают огромное количество читателей на *Saturday Evening Post*? Возможно, я встречал некоторых из них. Не могу сказать. Но я встречал таких же, как они.

Главное учреждение - здание сберегательного банка, приземистое шестиэтажное сооружение из красного кирпича. Его окружают увеселительные заведения, но само по себе оно - ковчег профессионализма и обучения. Это улей, состоящий из множества ячеек или кабинетов, и в каждом кабинете есть свой особый обитатель: доктор здесь, дантист там, адвокат в другом, еще один доктор, профессор, агент и так далее. Здесь можно встретить почти всех, кто считается в Бирмингеме неграми. Кстати, местные произносят название города как *Bumming Ham*; если вы вежливо скажете *Birmingham*, произнося губами и зубами в передней части рта, никто не поймет, что вы имеете в виду. Негритянский пастор привез меня в центр Бамминг-Хэма на своей новенькой машине. В последнее время у него было очень успешное возрождение, и мотор был внешним и видимым признаком этого. Я обратился ко многим известным людям. Я познакомился с невысоким, обрюзгшим негром лет пятидесяти, чей цвет лица, казалось, приобрел желтизну. Он объяснил это тем, что в его жилах течет кровь сенатора Х... Сенатор позволил себе вольность в отношении его матери, которая, в свою очередь, была совершенно черной. Он поблагодарил сенатора, поскольку, вероятно, тот дал ему немного мозгов; его мать с материнской стороны была необычайно твердолобой. Он стал профессором. Его дочь была замечательным оратором, а поскольку сенатор Х... был оратором, он говорил своей Саре, что в ней живет сенатор Х.... "В неграх смешалась лучшая кровь Юга, - говорил он, - кровь хозяев, английских аристократов, которые первыми приехали в эту страну".

Я не думаю, что в этом есть что-то особенное.

"Число мулатов увеличивается или уменьшается?" - спросил я. спросил я.

Он считал, что увеличивается. Но он не стал отрицать тот факт, что негритянские дети имеют тенденцию возвращаться к своему типу. Когда два мулата женятся, дети, как правило, темнее родителей, и часто это настоящие негритянские типы. А вот штамп белого человека быстро отбрасывается.

"Как же тогда получается, что мулатов и почти белых становится все больше?" Профессор считает, что, во-первых, все еще много незаконнорожденных, а во-вторых, негритянская раса в цивилизованных условиях становится немного справедливее в целом. Некоторые мулатки были очень красивы и, следовательно, более привлекательны для белых мужчин. Белые женщины Юга ненавидели мулаток, потому что те уводили у них мужей. Он считал, что расовая ненависть в значительной степени разжигается белой женщиной, которая инстинктивно ненавидит представителей другой расы.

"Вы когда-нибудь слышали о союзе между негритянской женщиной и белым мужчиной, который был бы не на животном уровне?" спросил я его.

Профессор М... знал несколько случаев, когда увлечение негритянкой вдохновляло белого мужчину на подвиги в жизни. Как правило, это оборачивалось трагедией, поскольку они не

могли жениться, подвергались грубым подозрениям, насмешкам и интригам. Это мешало белому мужчине найти белую невесту, а негритянке - негритянского мужа. Если белый мужчина заинтересовался негритянкой, то претендовать на ее расположение было вредно для здоровья негра. Чувства толпы против негров возбуждались так легко, что в Алабаме белому человеку, имевшему зуб на негра, было проще всего "подстроить" преступление или скандал и заставить его покинуть район или постоянно находиться под угрозой грубого обращения.

Алабама имеет плохую репутацию по части линчевания. Она занимает примерно пятое место в списке неблагополучных штатов. Я понимал, что случаи самосуда участились. Старики, люди, которые были рабовладельцами, оседлые жители таких мест, как Аннистон и Монтгомери, да и всей страны, знали всю семейную историю своих "ниггеров" от А до Я, и что они могли сделать или могли сделать, и они были дружелюбны, по сравнению с "новым сортом".

Бедные белые любили собираться в толпы и чувствовать себя в них. За едой, на работе и в троллейбусах они любили разговаривать в манере толпы. По отдельности они не понимают негра - они боятся его, как собаки, которые нападают только тогда, когда их много. В основном они приехали в Америку после Гражданской войны и Эмансипации, когда негры оказались лишены земли, работы и домов. У них были свои претензии, и вместо того, чтобы свалить их на Бога, дьявола или общество в целом, они нашли негра удобным фетишем и вымещали на нем свое недовольство. Вскоре это вошло в привычку, а затем стало чем-то вроде похоти и жестокого спорта.

Более взрослые и солидные люди были сильно раздражены ростом этой жестокости, и в Алабаме предпринимаются определенные меры по борьбе с ней. В каждом округе штата были созданы или создавались осенью 1919 года комитеты, наполовину белые, наполовину цветные, чтобы разобраться в расовых противоречиях и выяснить, что можно сделать для жизни и свободы.

Один старый негр сказал мне: "У нас было двое часов на стене хижины, и одни из них шли очень медленно и неторопливо и, казалось, всегда говорили:

"Не торопись. Не торопись!"

"А другие болтали с нами:

"Собирайтесь, собирайтесь, собирайтесь! Вот что мы должны сделать сегодня, братья, - собраться вместе".

Негры любят подчеркивать тривиальность цветовых различий. Они игриво осуждают белого человека. "Зачем так волноваться из-за разницы в цвете кожи? Мы верим в равенство прав для всех людей, - сказал мне один лидер, - для всех людей любого цвета кожи - белого, черного, коричневого, желтого или голубого". И его аудитория рассмеялась. "Два мальчика идут в магазин; один покупает красную игрушку, другой - синюю, но не так уж важно, какого цвета - игрушка-то одна и та же".

Но, конечно, предубеждение или предпочтение цвета - не такое уж бессистемное дело, и предубеждение против негра - это предубеждение не только против цвета. Игрушка, так сказать, другая. Она может быть такой же хорошей, но она другая. Тело, и особенно череп, негра отличается от тела белого человека. Нервная система, мозг, разум и душа - все другое. Я слышал теорию, выдвинутую от имени Христианской науки, что в совершенном Божьем плане не было негров. Их темная кожа - это злые мысли других людей о них. Все люди на

самом деле белые, и внешний вид их кожи может быть приведен в соответствие с идеей белого цвета путем концентрации истинных мыслей о них. Это милосердная и прекрасная вера, с которой можно жить. Но что делать с новой линией негров, которые гордятся тем, что они черные, и ненавидят бледность как тошноту? Сейчас есть много негров, которые исповедуют религию чернокожести. Новое поколение детей воспитывается в духе прославления негритянского цвета кожи. Им рассказывают о принцах и воинах, от которых они произошли, они изучают с географию Соединенных Штатов и географию Африки, и с удовольствием называют себя афроамериканцами. Вопрос цвета кожи никогда не будет решен путем превращения всех негров в белых. Очевидно также, что она не может быть решена путем превращения всех мужчин в мулатов. Остается только одно очевидное решение, и оно заключается в самостоятельном и параллельном развитии, равенстве перед законом, взаимопонимании и терпимости.

IX

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЮЖАН

Сапожник: Нет, милорд, они вас там не обижают.

Фоппингтон: Говорю вам, они меня ужасно щиплют.

Сапожник: Ну что ж, милорд, если эти башмаки будут вас щипать, мне несдобровать.

Фоппингтон: Почему вы беретесь убеждать меня, что я не могу чувствовать?

Сапожник: Ваша светлость может чувствовать, что считает нужным; но этот башмак вам не повредит.

-("Поездка в Скарборо").

Точка зрения южан может быть собрана в очень короткой главе. Ее выражение настолько выкристаллизовалось, что может быть изложено в ряде абзацев и фраз. Кто не верит, тот, без сомнения, будет проклят навеки. Где бы вы ни встретили южанина, будь то самый отдаленный уголок земли, он такой же, как и в родной Алабаме. Однажды я разговаривал с матерью-настоятельницей женского монастыря, расположенного в благодатной английской глубинке. Хотя я этого не знал, она была родом из Миссисипи. Я затронул тему негров, и с ее спокойного лица, скудного от поста и бледного от раздумий, все же сверкнуло южное пламя, как молния по комнате.

Стоит только сочувственно упомянуть о неграх на публичном собрании, и найдется кто-нибудь из южного происхождения, который возразит вам на изложение вероучения южан. Так, однажды утром после выступления в Карнеги-холле ко мне подошел один человек и очень резко сказал: Если бы вы жили среди негров, вы бы не говорили о них так, как говорите вы - неизбежный южанин.

Это его кредо:

1. Мы понимаем негров, и мы им нравимся. Когда они уезжают на Север, они сходят с ума, пока не вернутся к нам. Север не понимает ниггера, холит и лелеет его, портит и в конце концов недолголюбит его больше, чем любого южанина.

2. У нас на Юге иногда случаются расовые беспорядки, но, как правило, их вызывают янки, приехавшие на Юг. В любом случае самые страшные беспорядки за последние годы произошли на Севере - в Вашингтоне, прямо под носом у президента, и в Чикаго.
3. Немногие северяне или англичане понимают или могут понять негритянскую проблему. Те, кто понимает, согласны с нами. Те, кто не согласен, не понимают.
4. С негром все в порядке, пока его держат на своем месте. Вы должны заставить его держаться на расстоянии. Если вы однажды с ним познакомитесь, вы пропали. Он будет так себя вести, что с ним невозможно будет ужиться.
5. Негр - это животное. Самца этого вида мы обычно называем "черномазым". Как и животные, он полон похоти. Как и животные, также не чувствует боли. Когда его обжигают, это не то же самое, что обжечься белому человеку. Как и у животных, у него нет души, которую можно было бы потерять или спасти, и христианство и образование для него - пустая трата времени. Отполированный негр просто отвратителен, как обезьяна в вечернем платье. Вы одеваете его, наряжаете, сажаете за стол, но он все равно животное и будет вести себя как животное. Ему нельзя доверять.
6. Под воздействием алкоголя негр превращается в дикого зверя. Он выходит из-под контроля. Никакой страх перед последствиями не может его остановить. Вот почему некоторые южные штаты так яростно выступают за запрет.
7. Если бы вам пришлось жить с ними, вы бы поняли, насколько это ужасно.
8. Негр - лжец. Он скажет вам в лицо все, что угодно, чтобы угодить вам, или все, что, по его мнению, вы хотите от него услышать. Он расскажет вам такие истории о линчевании, что вы подумаете, будто мы линчуем негров каждую неделю, а это не такое уж редкое явление.
9. Когда мы их линчуем, это происходит по очень веской причине - чтобы защитить наших белых женщин. Спросите любого из ваших английских или северных друзей, которые жалеют негров, готовы ли они позволить своим дочерям выйти замуж за негра. Это ужасная мысль. Но именно за белой женщиной всегда охотится негр. Его фантазия устремляется к ней, и если бы не страх быть линчеванным, мы никогда не смогли бы оставить наших жен и дочерей в безопасности. Буква "p" в середине имени негра означает его любимую склонность. Мы сжигаем их заживо, да, и делаем это медленно, потому что убийство слишком хорошо для них, и мы так злимся, что каждый хочет быть там и принять участие в их смерти. На Севере негров не линчуют, но если кто-то из них совершает преступление, то обвиняют всю негритянскую расу. На Юге мы находим виновного и наказываем его".
10. Когда белый мужчина приходит к негритянке, это совсем другое дело. Ему должно быть стыдно, но такова человеческая природа, и нельзя быть с ним слишком строгим.
11. Белый человек - хозяин и должен оставаться хозяином. Но вы не понимаете, насколько шатко его положение, ведь во многих районах его превосходят в численности, десять к одному. Если негры объединятся против нас, мы можем быть убиты за одну ночь".
12. У них есть голоса. По величайшей несправедливости, когда-либо совершенной в этой стране, в Конституцию США были внесены поправки, дающие этим людям голоса и дающие им власть над нами. Правда, мы не позволяем им использовать свои голоса и отменяем Конституцию на каждых выборах. Но политическая агитация ведется постоянно. Каждый негр проголосовал бы за республиканца, если бы у него была возможность, только потому, что мы голосуем за демократа. Республиканская партия знает это и постоянно устраивает

заговоры, чтобы вернуть неграм утраченное право голосовать . Это никогда не удастся, но вы можете видеть, какое беспокойство это вызывает у нас.

13. Что касается образования, то оно вредно для негра почти во всех отношениях, и с каждым новым образованным негром становится все труднее сдерживать их. Но их приходится сдерживать.

14. Справедливость? Спросите любого ниггера, что он предпочтет: южный суд и южного судью или северного. Он всегда предпочтет южный, потому что на Юге мы его понимаем. И мы очень любим их, а они нас. Мы очень хорошо ладим друг с другом.

Южные убеждения редко выходят за рамки этого кодифицированного выражения мысли. Заведите разговор с южанином на тему негров, и вы почти всегда сможете сослаться на 1, 6, 10 или какой-нибудь другой пункт из вышеизложенного. Он достаточно банален и популен, чтобы в конце концов стать забавным. Сам негр забавляется и страдает от этого. Это сводится к следующему: Южанин сделал негру пару сапог и говорит, что они очень хорошо сидят. Негр говорит, что они не подходят. Но южанин говорит, что готов рискнуть своим спасением - он сделал сапоги и знает свое дело. Негр, однако, вынужден их носить.

Возможно, если бы речь шла только о мнениях, о праздности устного слова, точка зрения южан заслуживала бы меньшего внимания. Болтовню можно было бы сбрасывать со счетов, как сбрасывают со счетов простые разговоры ответственные умы. Но, к сожалению, у нее есть замечательный аналог в действии. Она сопутствует убийствам и пыткам толпы. Она выражается не только в узких и горьких фразах, но и в реальном вырывании плоти; не только в пламени фанатизма, но и в реальном пламени.

Линчевание - популярный вид спорта на Юге. Возможно, по идее, он популярен во всем мире. Даже в Великобритании, где полицейский находится на своеобразном моральном пьедестале и пользуется огромным уважением, как часто среди масс можно услышать мнение, что такого-то и такого-то человека нужно поставить к стенке и расстрелять. Даже в стране, где есть такое выражение, как "величие закона", идея взять закон в свои руки в целом популярна. В России *самосуды*, как их называют, встречаются часто, а с карманниками, когда их обнаруживает толпа, происходит короткий и страшный путь. Страсть Франции к *фонарям* не нуждается в подробном описании.

Говорят, что в странах, где плохо соблюдаются законы, а полиция не пользуется уважением, чаще происходят самосуды. Это действительно так. И хотя поначалу самосуд может иметь моральное оправдание, если его не контролировать, он может превратиться в популярный вид спорта, средство "национального" праздника, как шоу в Риме, *авто-да-фе* в Испании, коррида и боксерские соревнования. Когда нет достаточного повода для самосуда, приходится придумывать повод , чтобы дать народу немного "повеселиться". В Соединенных Штатах сегодня не существует достаточного количества преступлений, совершенных неграми, чтобы удовлетворить голод толпы на линчевание. Поэтому неизбежно многие невинные чернокожие мужчины приносятся в жертву только ради спортивного интереса.

В прошлом году в Америке было линчевано семьдесят семь негров; четырнадцать из них были сожжены заживо. Похоже, что число сожжений растет, и это явный признак растущей похоти толпы. Эта форма жестокости уже давно прекратилась в Европе, откуда, возможно, она и была заимствована. Испанцы сжигали индейцев. Индейцы сжигали поселенцев. Поселенцы сжигали своих беглых рабов. И до сих пор белые южане в сравнительно большом количестве сжигают своих негритянских жертв. Этому есть свои исторические предпосылки.

Мысль о том, чтобы сжечь предполагаемых преступников заживо, широко распространена в умах южан. "Заставить их умирать медленно" - это даже негласная фраза.

В южной половине Соединенных Штатов любят говорить, что северяне теперь так же плохо относятся к неграм. К счастью, это неправда. Семьдесят два из семидесяти семи случаев линчевания произошли к югу от линии Мейсона-Диксона, а остальные - в западных штатах. Север был неуязвим. К сожалению, этот хороший показатель был омрачен некоторыми ужасными расовыми беспорядками в северных городах.

Из всех штатов Джорджия имеет наихудшие показатели по линчеванию. За прошлый год в ней было линчевано двадцать два человека, что почти в два раза больше, чем в Миссисипи. Двое из них были убиты за предполагаемые нападения на белых женщин. Остальные - за различные преступления и проступки. Так, в апреле в Блейкли был забит до смерти солдат за то, что слишком долго носил свою форму. В мае в Уоррентоне Бенни Ричардс был сожжен до смерти за убийство. В первую неделю августа один солдат был застрелен за отказ уступить дорогу, а другой повешен за обсуждение расовых беспорядков в Чикаго. В Поуп-Сити еще одного солдата линчевали за стрельбу. Считая, что негры планируют восстание, Илай Купер был схвачен в Окмуджи и публично сожжен на костре. 10 сентября в грузинском городе Афины за убийство сожгли еще одного негра, Обе Кокса. В Америкусе в октябре утопили пропагандиста Эрнеста Гленвуда. 5 октября Мозес Мартин был застрелен за неосторожные высказывания. На следующий день в Линкольнтоне один негр был застрелен за то, что ввел в заблуждение толпу, а двое других были сожжены заживо за совершение убийства. На следующий день еще один был застрелен в Мейконе за попытку убийства. Двое были повешены в Буэна-Виста за близость с белой женщиной, а до конца месяца еще трое покончили с собой от рук толпы за стрельбу и непредумышленное убийство.

Что касается штата Джорджия, то эти данные опровергают теорию о том, что линчевание происходит только в тех случаях, когда нападению подвергаются белые женщины. На самом деле, самым распространенным мотивом для линчевания негров по всей территории Соединенных Штатов является осуждение толпы, насилие, а не похоть. Самое большое количество линчеваний происходит за предполагаемое убийство. Толпа линчует негра, как человек стреляет в свою собаку, когда та на него нападает. Раньше большее число случаев приходилось на нападения на женщин. Если негр был настолько глуп, чтобы хоть раз взглянуть на белую женщину, он рисковал жизнью. Многие невинные восхищения и недоразумения приводили к линчеванию. Что же касается изнасилования, то негр, совершивший его, неизбежно придет к жестокому концу. Очень немногие избегают линчевания, и Юг утверждает, что иммунитет, которым он пользуется от сексуальных преступлений негров, обусловлен сдерживающим фактором закона о линчевании. Он утверждает, что если бы с преступниками просто расправлялись в соответствии с законом, сексуальные преступления быстро бы умножились.

Белые люди с инстинктом белой расы, как правило, готовы одобрить линчевание, если будет доказано, что оно действует как сдерживающий фактор. Возможно, они правы, и им не следовало бы рассматривать этот вопрос с точки зрения чернокожего человека. Но есть и другая точка зрения, есть коллективное мнение цветного населения по этому вопросу, и это мнение формируется и будет заявлять о себе. Оно заслуживает внимания и сочувствия.

Если допустить, что чернокожий мужчина - "нижний человек" по отношению к белым, то разве он не имеет права на некоторую защиту своих женщин? Одно из таких линчеваний в Джорджии, произошедшее в прошлом году, было характерным. Оно произошло в городке

Милан. Двое молодых белых парней попытались ворваться в дом и схватить двух цветных девочек, живших там с матерью. Они с криками убежали в соседский дом. Белые выломали дверь, разорвали пол, стреляли из пистолета и устроили большой переполох. Одна старая негритянка так испугалась, что прыгнула в колодец, а достойный негритянский дедушка семидесяти двух лет вышел с ружьем и выстрелил в защиту женщин. Один из белых мужчин выстрелил в него. Негр выстрелил в ответ и убил его. Второй белый убежал. За этот поступок негр, вместо того чтобы получить почести как храбрый человек, был схвачен белой толпой и повешен на высоком столбе, а его старое тело было разорвано на куски. Этот человек был добрым и тихим гражданином, который каждое воскресенье ходил в часовню и всю жизнь исполнял свой долг в мире с Богом и людьми. Человек, возглавлявший линчевателей, был "христианским" проповедником. Были собраны показания под присягой, но служители закона в округе отказались действовать.

Это линчевание ни в коем случае не было исключительным по своему характеру. В качестве примера исключительного случая можно привести события, произошедшие в округах Брукс и Лоундес, штат Джорджия, в мае 1918 года. Здесь белый хулиган, питавший явную злобу к неграм, предстал перед судом и заплатил штраф в тридцать долларов за азартные игры, который был вынесен в отношении некоего цветного по имени Сидни Джонсон, а тот был отправлен в свое поместье, чтобы отработать долг. Это пример злоупотребления законом для удержания негров в рабском состоянии - характерный пример пeonата.

Джонсон выполнял работу, чтобы погасить штраф, но фермер заставлял его делать гораздо больше. В конце концов негр притворился больным, чтобы оправдаться, что больше ничего не делает. Тогда фермер пришел к нему домой и выпорол его. Надо полагать, это пробудило в Джонсоне дьявола; он пригрозил фермеру, и тот, нанеся ответный визит в дом белого человека, выстрелил в него через окно, убив самого мужчину и опасно ранив его жену. Сразу же был сформирован обычный комитет линчевания, и целую неделю они охотились за Джонсоном, который скрылся. За это время они линчевали одиннадцать негров, среди которых была одна женщина.

Белый фермер давал повод для ненависти. Он постоянно жестоко обращался со своими цветными рабочими. Однажды он выпорол негритянку. Ее муж вступился за нее, и его арестовали и приговорили к сроку каторги в цепях. Белая толпа решила, что он, должно быть, застрелил фермера из мести, и линчевала его. Он был застрелен насмерть. Его жена не успокоилась и продолжала настаивать на том, что ее бедный муж был невиновен. Тогда толпа схватила ее. Она привязала ее за лодыжки к дереву, облила одежду бензином и сожгла до смерти. Белые американки, возможно, примут к сведению, что эта их цветная сестра была на восьмом месяце беременности. Толпа вокруг нее была не злой или бесчувственной, а истеричной от жестокого удовольствия. С ее тела сжигали одежду. Ее ребенка, родившегося преждевременно, толпа пинала ногами, а затем... Ну, пожалуй, этого достаточно. Существует множество деталей этого преступления, которые невозможно изложить в печати. Но все эти факты были подтверждены и представлены губернатору штата. Меня поразило то, какое удовольствие получала толпа от страданий, которые она причиняла. Она была пьяна от жестокости. Здесь не было ни малейшего представления о сдерживающих факторах. Здесь не было и речи о расовом благоразумии. С точки зрения естественной истории человечества, эти белые жители Джорджии стояли на более низкой ступени, чем каннибалы.

Это был славный май Америки, когда она вводила войска в Европу и выигрывала войну; сотни тысяч негров были одеты в военную форму и сражались за "свободу и справедливость"

в Европе. Моральное красноречие президента занимало умы всех людей. У Америки был шанс занять лидирующее положение в мире.

Но далеко в Джорджии мафия продолжала свой ужасный путь. В конце концов она нашла того самого Джонсона, который совершил убийство, и он до последнего защищался в доме с ружьем и револьвером и погиб, сражаясь. Его труп протащили на заднем сиденье автомобиля через всю округу, а затем сожгли.

Эти факты были доведены до сведения губернатора, и он сделал заявление, осуждающее насилие толпы. Но никто так и не был привлечен к ответственности, хотя имена зачинщиков были установлены. Из Вашингтона не было прислано никакой комиссии по расследованию. Фактически, жителям Джорджии позволили таким образом опозлить славный флаг республики и снизить мнение об Америке во всех столицах мира; ведь факты этой истории были напечатаны в циркулярной форме и широко распространены. Это, несомненно, замечательный пример самосуда.

Кажется довольно странным, что толпы линчевателей позволяют себя фотографировать. Мужчины, женщины и дети сотнями предстают на ужасных снимках. Летняя толпа в соломенных шляпах, мужчины без пальто и жилетов, женщины в белых блузках, все в нетерпении, , некоторые веселые, некоторые забавные. По случаю эти фотографии можно купить в виде открыток. Люди не стыдятся и не боятся.

Северные негры отправляются на расследование линчеваний, покупают эти фотографии, привозят их в безопасный Нью-Йорк, а затем печатают их в циркулярах с подробностями всего дела. Южные газеты, хоть и сдержанные, не могут обойтись без описания линчеваний, ведь они так всех интересуют. Газетные отчеты также перепечатываются. Рассказывая об убийствах, совершенных мафией на Юге, не нужно прибегать к слухам. Они тщательно документированы и абсолютно достоверны. Правительство Соединенных Штатов не может, например, преследовать такую негритянскую ассоциацию, как N. A. A. C. P., за брошюры о линчевании, потому что она не более чем публикует факты, которые были публично подтверждены. Если бы их преследовали в судебном порядке, стали бы известны еще более ужасные подробности. Поэтому эти брошюры выходят в свет.

Первое, что они делают, - рассказывают о происходящем всем цветным. Негры Алабамы и Теннесси слышат, что происходит в Джорджии; негры Флориды и Луизианы слышат, что происходит в Арканзасе и Техасе. Прежде всего, об этом знают образованные негры Севера. Передовые газеты, такие как *"Кризис"*, *"Чикаго дефендер"* и *"Негритянский вестник"*, дают негритянскому народу в целом новое сознание. Прежде всего, в христианстве во времена рабства и в их меланхолической плантаторской музыке они обрели коллективное расовое сознание. А теперь, через гонения, с одной стороны, и газеты, с другой, они укрепляют и реализуют это сознание. Судьба формируется в этой расе, и белые люди - инструменты, которые ее формируют. Пусть в конце концов она не станет мечом, мечом гнева Господня.

Я встречал многих белых, которые хвастались тем, что принимали участие в линчевании, и я встречал тех, кто хранил жуткие воспоминания в виде обугленных костей и серой, сухой негритянской кожи. Я сказал, что они глупцы. На самом деле, чтобы на них были эти знаки! Воистину, они находились в том состоянии духа, в котором пребывает большинство мужчин, когда судьба собирается их настигнуть. Они гордились своим "быстрым обращением с черномазыми", они оправдывали его, они считали, что мудрость линчевания никогда не будет опровергнута. Для них этот вопрос не стоил споров. Они полагали, что любой, кто хочет оспорить этот вопрос, должен сочувствовать "черномазым", и этого было достаточно. Им и в

голову не приходило, что тот, кто сомневается в целесообразности линчевания, может руководствоваться сочувствием или хотя бы опасаться за них.

Мне было жаль белых женщин Юга; когда-нибудь их ждет страшная расплата. Их честь и безопасность становятся предлогом для ужасной жестокости и грубости. Поэтому месть, когда она получит возможность, больше всего обрушится на белую женщину. Поскольку во имя белой женщины сегодня оправдывают сожжение негров на костре, белые женщины могут быть сожжены черными толпами в будущем. Несомненно, почти любое восстание негров в конечном итоге может быть подавлено силой, и это будет очень плохо для негров и их дела, но что может произойти до того, как оно будет подавлено? И должно ли оно совпасть с революционными волнениями среди самих белых или с иностранной войной?

Я не верю, что существуют реальные заговоры негров. Но недовольство растет. По своей природе цветные люди - дружелюбный, покладистый, любящий дурака народ. Но их привязанность и преданность грубо отвергаются. Они почти исчезли. Теперь мы имеем явление, когда негритянские матери рассказывают своим маленьким детям об ужасных вещах, совершенных белыми, и каждый негритянский ребенок узнает, что белый человек - его враг. Каждое линчевание, каждое *ауто-да-фе* сеет в негритянских массах ненависть и потребность в мести. Поскольку негры сегодня слабы, беспомощны и неорганизованны, часто неграмотны, часто глупы и неуравновешенны, часто клоуны, смешны и ненадежны, белые думают, что так будет всегда. Но они ошибаются. В то время как промышленно развитые массы белых, безусловно, деградируют, массы негров, безусловно, растут. Неприятности обязательно возникнут, и возмездие будет ужасным. Как сказал Шейлок о мести, она будет тяжелой, но лучше, чем обучение.

Может показаться, что это написано с излишним акцентом и что это заявление о линчеваниях слишком немилосердно по отношению к белому Югу. Но я считаю, что это абсолютно необходимо. Есть те, кто готов повторить ту несправедливость, которая была совершена по отношению к белым на Юге после Гражданской войны. Обсуждая эти вопросы на Севере, я был потрясен мнениями, которые мне довелось услышать. Это написано не в партийном духе, и я считаю, что те, кто радовался бы уничтожению или наказанию белого населения Юга, совершенно неправы. Наказание и месть лишь увековечат вражду. Но *просветление*, пролив дневного света на эти вопросы, основательная встряска этих глупых людей под чертой - предупреждение в таких ужасных выражениях, как я сделал, может спасти черных и белых для религии любви и радости в Божьих созданиях.

Оно может исходить от чужака, совершенно постороннего человека, с большей силой, чем от американца. Однако я нашел южанина, осудившего Джорджию, - римско-католического епископа Бенджамина Дж. Кейли, который 2 ноября прошлого года выступил в Саванне с очень серьезным предупреждением. Он сказал:

"Вряд ли нужно говорить о том, что я южанин. Я горячо люблю Юг, и его история, его традиции и идеалы очень дороги мне..... Но я полностью признаю абсолютную справедливость одного обвинения, выдвинутого против нее, и с серьезной тревогой смотрю в будущее, ибо ни один народ, пренебрегающий справедливостью, никогда не сможет получить благословение Бога, а мы виновны в большой несправедливости по отношению к неграм. Негр был привезен сюда против своей воли; он здесь и останется, а мы не обращаемся с ним по справедливости; более того, я скажу, что зачастую к нему не относятся с обычной гуманностью".

"Посмотрите на статистику в нашем собственном штате. Джорджия стоит на первом месте в списке штатов по количеству линчеваний. Был ли в этом штате хоть один человек, наказанный за линчевание негра?"

"Линчевание - это убийство, и ничего больше."

"Кроме того, разве не факт, что справедливое и беспристрастное правосудие не вершится в равной степени как над белыми, так и над цветными людьми? Суды этого штата либо подают пример, либо следуют тому, что подают им, и делают большое различие между белым и черным преступником, который предстает перед ними. Последний, как правило, получает по всей строгости закона. Вы когда-нибудь слышали об уличной ситуации, в которой оказались замешаны негр и белый, и которая была бы рассмотрена судьей, и в которой, независимо от того, каковы были реальные обстоятельства дела, негру не досталось бы самое худшее?"

"Грузины хвастаются тем, что они христианский народ, и в этом году они засовывают руки в карманы, чтобы собрать миллионы для того, чтобы нести свет христианства, как они его понимают, некоторым менее благополучным народам Европы."

"Я хотел бы знать, полностью ли совместимо с христианской моралью обращение с негром так, как с ним обращаются здесь? Я верю, что негр и белый человек были искуплены кровью Христа, пролитой на Голгофском кресте, и что христианская религия абсолютно осуждает несправедливость по отношению к кому бы то ни было и запрещает отнимать жизнь."

"Для меня убийство негра - такое же убийство, как и убийство белого человека, и в каждом случае христианская цивилизация требует, чтобы наказание за преступление находилось в руках законно установленных властей".

"Мне довелось видеть, как в Джорджии на обращение к высшей власти штата с просьбой защитить жизнь цветных мужчин, женщин и детей отвечали заявлением, что негр не должен совершать преступлений! Народ Джорджии возлагает исполнение правосудия на определенных должностных лиц. Однако ни один линчеватель здесь никогда не был наказан, и я с сожалением вынужден констатировать, что общественные настроения, похоже, оправдывают поведение чиновников".

"Совсем недавно я читал на сайте странные новости о расовых беспорядках в северных и западных городах. Слава Богу, у нас на Юге таких беспорядков не было. Знаете ли вы причину? Причина одна - терпение негра. С ним обращались с вопиющей несправедливостью, а он не отвечал. Во всех этих случаях грубое пренебрежение законом и порядком является либо причиной, либо прямым следствием этих беспорядков."

"Неужели в Джорджии нет множества честных, законопослушных граждан, которые знают, что я говорю Божью правду, и которые будут протестовать против этой несправедливости по отношению к неграм? Разве нет в этом штате справедливого и бесстрашного человека, который на скамье подсудимых наберется смелости и заявит, что в его суде не будет разницы между белыми и цветными?"

Несправедливость и пренебрежение к закону и законному ведению дел - верные предвестники анархии и потери свободы, и мы движемся именно в этом направлении".

"Негр не будет ждать справедливости от законов Джорджии или судов Джорджии. Он терпел и, надеюсь, будет терпеть, но он прекрасно знает, где находится средство защиты, и очень скоро он будет стучаться в двери Федерального конгресса, прося защиты. И Конгресс его услышит."

"Если призывы к праву, справедливости, христианской морали не помогут остановить эту несправедливость по отношению к негру и защитить его от убийц-линчеров, то Джорджия увидит федеральные штыки, дающие ему защиту".

Такой голос звучит очень редко. Тем более стоит прислушаться к этому предупреждению.

Х

ИСХОД

Припев негритянской песни "Отпусти мой народ" по-прежнему обладает сильным эмоциональным воздействием. Хотя негр предан Южному краю в сильной, сентиментальной форме, ибо негр бесконечно жалок в любви к дому, он с горечью пришел к выводу, *что должен уехать отсюда*. Это странно, ведь тоска по дому - почти мания для негра. Он связывает себя с домом белого хозяина, где он работает, с грубой хижинкой, где живет его семья, с церковью, с "домашними неграми" в экстравагантной патологической манере, не имеющей ничего общего с благодарностью. Возможно, это происходит потому, что рабы как народ были выкорчеваны из дома в Африке, и в скрытых глубинах их душ живет меланхолия. Я считаю, что детская идеализация небес в их гимнах - это своего рода тоска по дому. Негр не является прирожденным кочевником или бродягой, как русский, еврей, татарин. Он должен был быть так же географически привязан к своим родным местам в Африке. Судите сами, какие большие волнения должны произойти, прежде чем негр в массе своей будет готов эмигрировать. И все же это происходит сегодня. С тревогой в глазах целые семьи, целые общины ждут, чтобы отправиться на Север. И сотни тысяч из них уже в пути. Конечно, это не полная смена обстановки. На Севере тоже есть свои негритянские массы. Их можно потерять из виду среди белых, но они там есть. И они не перестают приглашать своих несчастных братьев и сестер с Юга бросить все и приехать на Север.

Хотя принято говорить, что негры не выносят более холодного климата Севера, однако доказательств этому не так уж много. Как с гордостью заявляют их ораторы, единственным цивилизованным человеком, сопровождавшим Пири на Северный полюс, был его доверенный слуга, негр Мэтт Хенсон. Для некоторых нежных негров, несомненно, суровый климат был бы смертелен, но это справедливо как для белых, так и для негров. В целом же северный воздух, похоже, полезен для негра, если он может его выдержать. Негры Нью-Йорка, Чикаго и Бостона, а также канадские негры крепче плотью и волей, чем те, кто живет на Юге. И они, безусловно, более энергичны. Они дают больше надежд для расы в целом, чем остальные. Возможно, стоит сбрасывать со счетов этот факт в свете необычайного процветания и счастья северных негров. Нет ничего, что подорвало бы конституцию сильнее, чем террор и нервная депрессия. Безопасность - это настоящий негритянский озон.

В течение последних трех лет наблюдается постоянная миграция негров на север. В первую очередь это было связано с прекращением иностранной иммиграции и, как следствие, нехваткой рабочей силы в районах, которые зависели от иммигрантов. Причины, по которым негры готовы были покинуть южные районы своего обитания, кратко изложены в отчете Министерства труда США:[\[5\]](#)

"Общая неудовлетворенность условиями, опустошительное нашествие долгоносика, наводнения, изменение системы земледелия, низкая заработная плата, плохие дома на плантациях, плохие школьные учреждения, неудовлетворительные посевы, грубое обращение, жестокость служителей закона, несправедливость судов, линчевание, желание путешествовать, агенты по трудоустройству, негритянская пресса, письма от друзей на Севере и, наконец, советы белых друзей на Юге, где урожаи были неудачными".

Невозможно подсчитать цифры с какой-либо вероятностью точности. Даже перепись 1920 года вряд ли покажет, что произошло, ведь никто не может сказать, какую поправку следует сделать на естественный прирост за последние десять лет. Но страховые компании считают, что с мая 1916 года по сентябрь 1917 года из Джорджии уехали от тридцати пяти до сорока тысяч негров. Возможно, чистая потеря для Юга составила четверть миллиона человек, большинство из которых - молодые, одинокие мужчины и женщины. Некоторые, конечно, называют более высокую цифру. Движение замедлилось из-за послевоенного застоя в торговле, очень плохих жилищных условий на Севере, расовых беспорядков в Чикаго и других тормозящих факторов. С оживлением торговли дело может пойти быстрее. Безусловно, когда в какой-либо стране Юга происходит особый акт насилия, цветное население стремится бежать. К сожалению, участь мигрантов типа негров всегда тяжела. Трудно прижиться в новом обществе. Неправильные привычки приносят болезни. Провинциальная серость мешает найти работу или укрыться от точильщиков. К сожалению, и негры по своей природе не альтруисты, не клановые, как евреи. Они не помогают друг другу в беде так, как это делают бедные белые. Поэтому многие, кто бежит на север, неизбежно попадают в беду.

На Юге утверждают, что Север не совсем благодарен притоку такого количества негров. Но, с другой стороны, утверждается, что крупные северные компании посылали своих агентов во все штаты Юга в поисках рабочей силы. Это, безусловно, было полезно для компаний. И хотя безработные иммигранты, не имевшие никакого описания, были виновны в ряде преступлений, по общему мнению, те, кто нашел работу, оказались очень устойчивыми и надежными. Негр оказался надежным человеком на заводе боеприпасов, и выяснилось, что он может выполнять работу белого человека в шахте и на сталелитейном заводе. Работодатели были довольны. Но была часть общества, которая была недовольна, и это был рабочий класс - снова бедные белые, которые увидели в миграции негров приток несоюзной рабочей силы, снижение заработной платы и уровня жизни. Рабочие быстро поссорились с негром, увидев в нем часто встречающегося зачинщика забастовок. Те, кто проезжал через негритянский район Чикаго с его грязными, ветхими каркасными домами, в которых живут негритянские семьи, по одной семье в комнате, знают, насколько ужасающе выглядит там негр. В прежние времена белое население воспринимало это как нечто само собой разумеющееся, как и многое другое в этой злобещей промышленной конгломерации, так метко названной "*Джунгли*". Но слишком большая конкуренция и слишком много незнакомых, мрачных негритянских лиц на улицах вызвали нервное потрясение, которое стало причиной беспорядков в Чикаго, начавшихся, как ни странно, не с нападения негра, а с того, что белый юноша сбил негритянского мальчика с плота на озере и утопил его. Последовавшая за этим трехдневная свободная борьба стала одним из самых разочаровывающих эпизодов в истории дружбы Севера с неграми.

Тем не менее негритянские лидеры до сих пор кричат "Приходите на Север!".

Всегда находились те, кто считал, что негритянскую проблему можно решить, поощряя миграцию. Исход на Север приветствовался как частичная ликвидация проблем Юга. Несомненно, равномерное распределение негров по всей стране привело бы к тому, что они оказались бы в желаемом меньшинстве по отношению к белым. При численном перевесе десять к одному они никогда не угрожали бы захватить контроль над выборами и не были бы в состоянии применить физическую силу с шансом на успех. Но это лишь теоретические предположения. Даже при нынешних огромных темпах оттока населения потребуются сотни лет, чтобы выровнять их, и нет причин думать, что эмигранты легко распределятся между собой. Скорее всего, они будут все больше и больше скапливаться в крупных городах, таких как Чикаго и Питтсбург, и будут вовлечены в такие же злые условия, как и на Юге.

Еще одно популярное заблуждение заключается в том, что можно найти дом для негра в Африке и избавиться от него таким образом. Люди легкомысленно говорят: "Отправьте их всех в Либерию", как раньше говорили: "Отправьте евреев обратно в Палестину". Это не практичное предложение. Авраам Линкольн придерживался этой точки зрения и начал переговоры с иностранными правительствами, чтобы найти подходящую территорию для колонизации негров, но отказался от этой идеи, когда генерал Батлер, изучавший этот вопрос для него, убедил его, что рождаемость негров превышает любую возможную скорость транспортировки.

То, что было правдой в 1865 году, должно быть более очевидным сегодня. Перевезти эти двенадцать миллионов и их потомство в Африку - физическая невозможность. Если бы была взята большая часть, разве они не погибли бы от голода и болезней? Весь мир будет следить за тем, как Соединенные Штаты поступают в этом случае, и они будут вовлечены в ужасный скандал.

Но, действительно, первым, кто воскликнет: "Верните нам наших негров", будет Юг, ведь все его процветание зиждется на труде негров. Уберите черное население, и белые фермеры, торговцы и финансисты настолько обеднеют, что тоже захотят эмигрировать в Африку.

Разве в материальном плане не пострадает весь американский континент? Нельзя изъять двенадцать миллионов из рабочего класса и продолжать жить как прежде. Это нелепое решение. Единственная причина, по которой его можно подвергнуть серьезной критике, заключается в том, что так много людей питают заблуждение, что проблему можно решить депортацией. Это мешает людям честно взглянуть в лицо фактам - наши предки ввели негра в нашу среду, он здесь останется, и мы должны выяснить, что лучше для него и лучше для белых, принимая факты такими, какие они есть.

Однако поощрение эмиграции негров в Африку преследует одну хорошую цель. Она поддерживает связь негра с его родным домом. Она расширила кругозор негра и положила начало негритянскому сионизму - чувствам к Африке. Негр любит масштабные концепции - универсальное искушает его разум так же, как и славянина. Короче говоря, либерализм овладел негром как мировым движением.

XI

В СЕВЕРНОЙ ФЛОРИДЕ И НОВОМ ОРЛЕАНЕ

Линчевание в большей степени ассоциируется с районами, где выращивают хлопок, чем с другими. Не факт, что чем дальше на юг, тем более жестокие нравы у людей. Юго-восточная Джорджия, где основными видами деятельности являются лесозаготовки и выращивание риса, имеет лучшие показатели, чем хлопкосеющие внутренние районы. Хлопкоробы знают об этом, и нередко проклинают хлопок и жалеют, что не могут перейти на что-то другое. Хлопок - не самая популярная отрасль. В прежние времена он связывал рабством плантаторов и негров - ведь хлопок требует дешевой рабочей силы, - а теперь он держит негров внизу и увековечивает неблагородный образ жизни.

Я ехал по Атлантическому побережью до Брунсвика и Джексонвилла, мысленно готовясь к радостному сюрпризу, когда попаду во Флориду. Брансуик - один из старейших портов Джорджии. Насколько можно судить по записям, он никогда не был опозорен линчеванием. Промышленность здесь представлена в основном древесиной, и глаз тщетно ищет тюки с хлопком или цветущий хлопок. Это тихий маленький город, весь в песке, низких пальмах и кустарниках, с бесчисленными кузнечиками и бабочками даже в декабре. Порт с открытыми улицами, спокойными, счастливыми неграми и отсутствием какого-либо расового движения.

В Джексонвилле вы ощутите полную смену воздуха. Это климат Флориды и разница между хлопком и фруктами. Разница также между мрачными делами и позолоченными удовольствиями. Когда богачи с севера выходят из своих автомобилей во Флориде и усаживаются в Палм-Бич, они, естественно, не хотят быть замешанными в любимом виде спорта южан. Линчевание - плохой бизнес во Флориде, ведь если бы там происходило то, что происходит в соседнем штате Джорджия, это наверняка отпугнуло бы многих вежливых и богатых посетителей. Что касается белой женщины, то флоридцы не так усердно клеветают на негритянку, как грузины. Дамам не нужно бояться посещать водоемы; говорят, что цветные мужчины хорошо контролируют свои страсти. Большинство неприятностей, которые все же случаются, происходят в более глухих местах, и больше на севере, чем на юге Флориды.

Джексонвилл - крупный порт с населением, граничащим со ста тысячами человек. Естественно, здесь есть как бедные, так и богатые. Здесь занято большое количество негритянской рабочей силы, а на улицах можно наблюдать характерные черты большого морского города. Что поражает англичанина, посещающего эти атлантические порты - Балтимор, Норфолк, Саванну, Джексонвилл, - по сравнению с Халлом, Кардиффом, Ливерпулем, Лондонскими доками и т. д., так это отсутствие того несколько волнующего явления, когда черные рабочие в доках гуляют с бедными белыми девушками. Вы можете увидеть их в любой вечер в Англии. Как естественная и инстинктивная вещь, большинство белых возмущается этим, и уличные драки в Англии - нередкий результат. В Америке встречаться с неграми ни в невинном, ни в ином виде невозможно. Беспорядки и линчевания возникают не по этой причине, а из-за предполагаемых индивидуальных нападений на белых женщин. Следует отметить, что женственность в Америке *практически* идеализирована. Общество в целом не склонно терпеть курящую или пьющую женщину, купающуюся в неподобающем наряде или даже "с ложкой". Бедной белой фабричной девушке даже в голову не придет, что можно пойти на свидание с негром. Ее моральная самооценка выше, чем у ее английской сестры. Девушки, которых видят гуляющими с неграми в Лондоне, чаще всего принадлежат к экономически или морально опущенному классу.

Джексонвильские негры находились в состоянии значительного беспокойства и брожения, когда я был там. Не из-за проблем с белыми женщинами, а в предвкушении бунта, который может вспыхнуть по тому или иному поводу. В предыдущем сентябре произошло ужасное линчевание. Пьяный белый поспорил с негром-таксистом, угрожал ему и выводил его из

себя, после чего возник конфликт, в котором белый был убит. После этого белая толпа собрала всех негров-шоферов в городе и перепугала множество домов, потому что линчевателю все равно, линчует он нужного негра или нет, лишь бы один из них пострадал. И в этом случае наказание понесли двое. Несомненно, ужас и страх быть схваченным толпой - самое страшное в подобной казни.

Негры очень подозрительно относятся к белым людям, и я не добился особых успехов, расспрашивая об их образе жизни. Однако я обнаружил значительно раздутое процветание церковей благодаря филантропии приезжих с Севера и зажиточный черный пролетариат, работающий на судостроительной верфи и в доках. Почти вся работа, которую они выполняли, была, однако, неквалифицированной, и их брали только в качестве подмены на квалифицированную работу. Подменыши зарабатывали до семи долларов в день. Есть "Цветной" банк и, как в Бирмингеме, так называемый "небоскреб" в шесть этажей, в котором разместились все и вся представители разных профессий и специальностей. Снова успешные аптеки и похоронные бюро, а также дом мадам Нетти Прайс с салоном красоты. Я заглянул в общественный клуб Военного лагеря для цветных солдат и моряков - не такой предприимчивый, как тот, что я посетил в Норфолке, но вполне подходящее заведение, используемое правильно и сдержанно.

Я пересек участок земли до Пенсаколы, проехав через Таллахасси - район, где под шпалерами выращивают прекрасный табак для обертывания сигар. В апельсиновых рощах висели обильные плоды, только что созревшие для сбора, меняя цвет с зеленого на золотой. Пенсакола - порт с богатой историей, в которой есть и испанская, и британская, и французская, и американская. На его территории растут апельсиновые рощи и pekanовые сады. Орех pekan, являющийся разновидностью грецкого ореха, настолько ценится в остальных Соединенных Штатах, что на посадке сотни или около того деревьев можно неплохо заработать и сэкономить деньги. Главная улица Пенсаколы, ведущая к длинному пирсу, очень живописна, на ней расположены бакалейные лавки моряков и морские магазины. Пассажирское судно еженедельно курсирует в Мобил, большой фруктовый порт южной Алабамы, и можно получить пропуск на грузовые суда, идущие в Новый Орлеан. До войны здесь было большое морское движение, но лишь немногие из судов, ушедших в плавание для выполнения транспортных и других военных задач, вернулись.

Пенсакола претендует на звание старейшего белого города США, оспаривая это право с Сент-Огастином и Джексонвиллем, и очень серьезно относится к этому вопросу в преддверии какого-нибудь праздника. Он не является важным местом, но строится для своего предполагаемого величия, имеет прекрасный новый железнодорожный вокзал, огромное, белокаменное почтовое отделение и мамонтов отель. Эти здания вызывают недоумение в городе, где жизнь кажется такой спокойной.

Год назад здесь произошло жестокое линчевание за изнасилование, , и негр был сожжен до смерти. По этому поводу были сделаны представления губернатору Флориды. Губернатор, Сидней И. Кэттс, ответил, что прилагает все усилия, чтобы сдержать самосуд в штате, но не может привлечь линчевателей к суду, поскольку гражданство штата этого не потерпит. Очевидно, он оправдал сожжение негра, поскольку это был явный случай сексуальной распущенности и насилия со стороны представителя негритянской расы. Несколько удивительно, что главный служитель закона таким образом не соблюдает закон. Кто же будет его соблюдать, если не он? И это в сравнении с героическим поведением мэра Омахи Смита!

Природа не задумывала Мексиканский залив как площадку для линчевания, и не предполагала, что эти счастливые голубые небеса будут смотреть вниз на человеческие

свечи. Если и есть на свете безмятежное и счастливое место, то оно находится здесь, и здесь есть возможность для всех рас жить и давать жить. Здоровье - на плече у ветра, который дует; рыба, фрукты, зерно и сахар - изобилие. Разве в гаванях не плавают грейпфруты; разве не каждый мальчик по случаю сосет натуральный сахар из тростника? Сочная кантелупа наполняется солнцем; персики и нектарины раздуваются до двойного размера от сочности и сладости. Посетители, кроме того, приносят с собой множество долларов и разбрасывают их на ходу. Джексонвилл, Таллахасси, Пенсакола, Мобил, Новый Орлеан - они более благословенны природой, чем другие города Юга.

Лично я предпочитаю Новый Орлеан. Это самый лучший и самый интересный город, в котором можно жить. Это, безусловно, самый большой город Юга, на втором месте Атланта, на третьем - Бирмингем, штат Алабама. Это великий порт огромной реки Миссисипи и глава того, что было могучим речным транспортом. Он обращен на юг и больше связан с Францией, Испанией и Индией, чем с Британией, Скандинавией и Северной Атлантикой. Как и в Нью-Йорке, здесь также наблюдается странное смешение рас, но это южные расы.

Конечно, он пользуется дурной славой как город удовольствий и быстрой жизни. Все говорят туристам: "Когда вы приедете в Новый Орлеан, вы увидите "жизнь"", под которой подразумевается расточение жизни безнравственных людей. Его репутация в этом отношении схожа с репутацией Каира, и любопытные, даже если они не хотели пробовать, могли заплатить за то, чтобы им показали окрестности, и таким образом удовлетворить свои глаза, глядя на зло. Деньги, которые стекались на юг из карманов богачей в течение всей зимы, несомненно, помогали поддерживать красный свет. Однако теперь все изменилось. Различные крестовые походы против порока и введение запретительных мер привели к тому, что Новый Орлеан оказался на уровне других городов Америки. Во многих слоях населения существует яростная оппозиция пуританскому движению, и закон очень часто нарушается, но Новый Орлеан, тем не менее, перестал представлять особый интерес для искателей низких удовольствий или людей с болезненным воображением. Город от этого только выиграет. Это замечательное место. Жители, в конце концов, занимались в основном не бизнесом удовольствий, а честной торговлей, и они постоянно растут. Новый Орлеан - метрополия Юга, с обширной и развивающейся торговлей, которая становится живописной благодаря очарованию того изобилия природы, посреди которого он основан.

Новый Орлеан представляется как город людей в белом, в белых шляпах и белых одеждах, мужчин, курящих тяжелые черные сигары или праздно прогуливающих в компании дам экзотического вида; город широких открытых улиц и белых домов, множества кафе под открытым небом, театров в саду и роскошных парков, место, безусловно, моды, веселья и элегантной жизни. Но то, что я обнаружил при первом впечатлении, было некрашеным городом, массой домов, в основном деревянных, но заплесневелых, бледных и облупившихся, всех оттенков упадка. Некоторые стены, казалось, готовы вывалиться, некоторые - провалиться внутрь. Человек периода 1920 года, европейский, индустриальный, миниатюрный, одетый в трезвую одежду, вел обычный образ жизни. Дешевый ланч-шоп, знак американской цивилизации, идентифицировал город как американский. Здесь были обычные возвышенные, ветхие караван-сарайы с неграми-звонарями и звоном ледяной воды, обычные скверы, усыпанные газетами дня. Но хотя была зима, погода стояла жаркая. Атмосфера была плотной и теплой, и эту близость не рассеивал даже ветер, когда он налетал. Со стороны залива дул шторм. Он разбросал по городу теплый дождь, прошелестел по множеству пальм в пригороде за городом.

Американская часть города обширна, жилая и обычная. Деловая часть выражает бизнес; домашняя часть находится в верхней части города и удалена от жизни центра. Если бы

существовала только эта "новая" часть, ничто не отличало бы Новый Орлеан от других городов. Но у него есть свой *vieux carrée*, в котором написана его история, - старая, или французская, часть города. Американская часть постоянно отстраивается, а французская остается такой, какой была. Она не стала сносить себя и перестраивать в современном стиле. Ее великое общественное место - площадь Джексона, обрамленная рынком, - прекрасно оформлено и по-французски, но ему мешают уродливые перила и муниципальные сараи. Тем не менее, она цепляет больше, чем архитектурное величие площади Лафайет в американской половине города, с ее потрясающе грандиозным почтамтом и ратушей; а сдержанная простота улиц Дофин-стрит, Шартр, Бьенвиль и многих других лучше любого количества новых и возвращает в мыслях в старый Париж и старый Лондон. Со всеми своими креольскими ресторанами, дешевыми рынками и французскими церквями он очень напомнил мне лондонский Сохо, но, конечно, он больше и грандиознее.

Когда-то язык Миссисипи отделял старый город от нового - длинная и узкая полоса мутноватой воды. Теперь она засыпана, хотя там, где была вода, местами зеленеет трава. Шесть линий электромобилей и четыре потока другого транспорта движутся вверх и вниз по Канал-стрит, как ее теперь называют. Это отличная магистраль, в некоторых отношениях прекраснее Невского проспекта в Петрограде и, конечно, шире. С одной стороны и до самой кромки воды она определено и несомненно старая, с другой - определено и несомненно новая. На одной стороне - реальность и дело, на другой - гламур и цвет; на одной вы делаете или теряете деньги, на другой - имеете или пропускаете приключения; на одной - проза, на другой - поэзия; и это хорошо понимают в Новом Орлеане. В одном вы работаете, в другом живете обычной домашней жизнью, а в третьем ищете удовольствий и приключений вдали от дома. Не то чтобы вы не могли пообедать на новой стороне, где есть дорогие и роскошные отели, но можно было бы написать интересную и характерную историю о человеке, который слишком долго засиделся за вином в новой части, а затем, поздно ночью, перешел через широкую, темную Лету, разделяющую старое и новое, чтобы потерять себя на более далекой стороне - приключение и мечта.

Иностранные улицы из красного кирпича и крашеного дерева, с верандами и балконами, увитыми виноградной лозой. Внутри домов тесно. Дома из красного дерева, с верандами, увитыми виноградной лозой, с кроватью, занимающей половину крошечной комнаты, и, возможно, креольской дамой в кровати. В креолах нет особой брезгливости. Повсюду говорят по-французски, а английский часто не понимают. Большинство жителей - католики и духовно связаны с "матерью-церковью". Старый собор Святого Людовика с остроконечной башней полон людей в воскресное утро, а служба настолько перфектна, что становится ясно: это не миссионерская церковь, а давно и прочно обосновавшаяся. Существуют монастырские учреждения, даже для негров. Если ирландские католики не любят негров, то французы и испанцы любят. Особенно интересен монастырь Святого Сердца с его чернокожей матерью-настоятельницей и счастливым, спокойным негритянским католицизмом. Лучшие из негров называют себя неграми-креолами. Креолы - это скрещенные французы и испанцы и их потомки. Строго говоря, ни один негр не является креолом, но потомки рабов креолов и вообще франко- и испаноязычных негров называют себя креолами и, как правило, снисходительно относятся к этому названию. Креолы действительно не имеют особых предубеждений против цвета кожи, будучи сами смешанными, и в любом случае французского происхождения, а французы никогда не имели особого чувства расового различия. Говорить по-французски - это признак принадлежности к обществу Нового Орлеана. Открытие оперного сезона во Французском оперном театре (недавно сгоревшем) - событие зимы, и все важные персоны *должны* присутствовать на нем.

Следующий признак хорошего вкуса - знание кухни и умение различать *деликатесы* и тонкости знаменитых креольских поваров.

Я посетил мэра, католика, но с немецкой фамилией. С такой фамилией в Англии ему было бы нелегко удержаться на посту мэра. Но здесь он был очень популярен. Он был похож на человеческую пирамиду в длинном, объемном утреннем халате, курил сигару, пока работал, но ходил вальжной и степенной походкой, демонстрируя фронт поистине мэрских пропорций. По поводу негров он сказал: "У нас нет с ними проблем, мы прекрасно уживаемся вместе. Они вне политики, и это значительно упрощает дело. Если бы у них было право голоса, конечно, все было бы по-другому". Новый Орлеан - одно из тех мест, где дед негра должен голосовать, чтобы он мог голосовать, и он должен доказать, что его дед голосовал. Я возразил мэру. "Негры, похоже, очень подозрительно относятся к белым и враждебны", - сказал я. Он так не думал. Очевидно, он придерживался такой точки зрения. В политическом плане он не мог позволить себе сильно интересоваться негритянским брожением. Ведь хотя бесправное негритянское население считало его дружелюбным по отношению к ним, белые также считали его "здравомыслящим в черномазом вопросе". Ни один белый человек, выражающий симпатию к неграм, не мог добиться успеха в политике Луизианы. Во время моего пребывания там шла ожесточенная предвыборная кампания за пост губернатора штата, и было любопытно, что, хотя негр мог принимать мало личного участия в выборе губернатора, он, тем не менее, занимал почти первое место в политических дискуссиях. Главным критерием при выдвижении кандидата, похоже, была его позиция по негритянскому вопросу. Человек, который мог предать линчевателей правосудию или что-то в этом роде, явно вызывал опасения у белого населения. Тем не менее, как я уже говорил, креолы были в дружеских отношениях с неграми. Именно англосаксонская и ирландско-американская часть населения, недифференцированные южные белые, определяют политический курс здесь, как и везде на Юге. Вполне вероятно, что если бы креолы были предоставлены сами себе вместе с негритянским населением, они бы предоставили им полные права, не только в судах и при голосовании, но и в социальном плане. Негры это знают, и поэтому находятся в очень хороших отношениях с франкоязычным населением.

Тем не менее, надо сказать, что, за исключением горстки лидеров, негритянское население более тупое, бесстрастное и невежественное, чем в других странах. Стотысячный негритянский пролетариат должен быть в состоянии поднять на своей широкой основе прекрасную колонну интеллектуалов и дельцов. Здесь должны быть большие и процветающие группы врачей, адвокатов и лавочников, но здесь, как и в Бирмингеме, есть обычное здание Страхового общества, в котором есть все. А негритянское страхование - это не более чем организация похоронных клубов, главными бенефициарами которых являются негритянские гробовщики. Самый крупный негритянский бизнес на всем Юге связан с захоронением негров. Это печально, но характерно для данной эпохи их развития. В Новом Орлеане есть "Пифийское здание", храм Рыцарей Пифии, Великим магистром которого не только в штате Луизиана, но и во всем мире является дебелый мистер Грин. Это гражданский центр жизни негров в Новом Орлеане, и в нем, как и в здании Пенни-банка в Бирмингеме и его родственном здании в Джексонвилле, проходит множество мероприятий. Пифийский храм в Новом Орлеане считается лучшим негритянским зданием в Соединенных Штатах. Это прекрасное здание, а в Америке о бизнесе гораздо больше судят по зданию, в котором он находится, чем в Европе. Неотъемлемой частью храма является очень полезный театр, не кинозал, а настоящая сцена для "законной" драмы. Здесь, несомненно, появляются рыцари Пифии в полных регалиях и параде, чтобы совершить псевдо-ритуал общества. Но театр используется для самых разных целей.

Однажды в воскресенье днем я присутствовал на местном собрании Национальной ассоциации. Южные белые настроены против Ассоциации и сделали бы многое, чтобы помешать ей, если бы много о ней знали. Но южные белые не смешиваются с негритянской интеллигенцией и довольствуются жизнью в том раю, о котором говорит мэр: "У нас здесь с ними все в порядке".

Однако, когда случается злодейское линчевание, местное белое население вскоре узнает о Национальной ассоциации. Она присылает своих представителей из Нью-Йорка для расследования фактов. В таких случаях факты - это последнее, что белое сообщество хочет вынести на свет, и тогда Национальную ассоциацию обнаруживают и подвергают жестокой критике. Ее представители иногда бывают белыми, что делает их еще более опасными с точки зрения южан. Предпринимаются попытки "пересадить" их на железную дорогу и выгнать из города.

Здесь необходимо упомянуть случай с мистером Шиллади в Техасе. Он является белым секретарем этой воинственной ассоциации и проделал очень ценную работу для своей страны, расследуя и устанавливая подлинность деталей убийств, совершенных мафией. Техас имеет плохую репутацию по части самосудов, беспорядков и беззакония. Однако техасский народ не принял его, и он был публично избит судьей и констеблем. Это произошло перед остинским отелем "Дрисколл", где остановился Шиллиди. После такого издевательства его посадили на поезд Северной железной дороги и велели покинуть его на свой страх и риск. Судья остается судьей, констебль остается констеблем - если он не сержант или инспектор. Когда мы поем "Down Texas Way", это именно то, что мы имеем в виду.

Местное собрание в воскресенье днем носило ссористый характер. Известный и преданный негритянский лидер был обвинен в новоорлеанской негритянской газете в том, что "продал цветной народ" в Сент-Луисе. Большой энтузиазм вызвало создание так называемого "Американского легиона", национального клуба всех, кто служил или носил американскую форму во время Великой войны. На Юге, очевидно, запрещалось членство негров в Легионе, и какой-то непутевый негритянский журналист обвинил старого креольского негра в том, что тот присутствовал на торжественном собрании Легиона в Сент-Луисе и согласился с тем, что негритянские солдаты и моряки должны быть исключены.

Жестокая личная ссора переходила от человека к человеку. Когда меня попросили выступить, я сказал, что, по моему мнению, они не могут позволить себе ссориться между собой. Тем не менее я заметил заметную склонность к ссорам среди образованных негров. Преданность друг другу не была одной из их черт. Ни один народ не смог бы добиться многого, если бы не ценил единство больше, чем раздор. В то время как многие были против них всех, как нелепо проводить время после обеда, ссорясь друг с другом!

Этому горячо аплодировали, хотя, несомненно, можно было бы с таким же успехом сесть в кресло Канута и "попросить главный поток убавить свою обычную высоту", как и попросить их перестать ссориться. Они привезли боевой инстинкт из Африки и до сих пор жаждут орудовать боевым топором.

Помимо пифийского храмового квартала, в Новом Орлеане есть и нечто вроде Южной улицы - дешевая линия магазинов с "шикарной одеждой" для негров. Негритянские заведения по пошиву костюмов, парикмахерские и тому подобное, ломбарды и прочее. Это Саут-Рампарт, и на ней находится Народный аптечный магазин, улей негритянской жизни. Над магазином миссис Камилла Коэн-Белл управляет страховой компанией, а ее отец, У. Л. Коэн,

возглавляет негритянскую республиканскую партию, что, по его мнению, не имеет большого значения (в голосах это не учитывается).

В течение двух недель, проведенных в Новом Орлеане, я часто навещал эту приятную компанию негров-креолов, образованную миссис Белл, которая любила говорить по-французски, и ее жизнерадостного отца. Здесь обитали гробовщики. Оказалось, что если негр был застрахован в компании, то на случай смерти он был закреплен за гробовщиком. Поэтому гробовщики очень беспокоились, когда клиенты переезжали за пределы их прихода. Если кто-то заболел вдали от дома, и была вероятность того, что он умрет и его похоронит чужой человек, беспокойство местных могильщиков было комичным.

Я познакомился здесь с одной очень продвинутой негритянской дамой, которая высказывала весьма позитивные взгляды на мораль. Присутствие белого человека было, возможно, вызовом ее разуму. Некая белая женщина по имени Джин Гордон выступала перед неграми с миссионерской речью о нравственной чистоте и правильном поведении в большой баптистской церкви. Я не слышал Джин Гордон, но ее чернокожая героиня была настолько решительна, что я попросил ее написать, что она думает. Это был ее ответ Жану Гордону:

" ... Джин Гордон утверждает, что каждая молодая цветная девушка знает, что ни один белый мужчина не может жениться на ней по закону, и если она принесет в мир незаконнорожденного ребенка, то не годится в матери. Все это очень верно. Смеем предположить, что каждая молодая цветная девушка знает об этом, но, судя по тому, как белые мужчины бегут за этими цветными девушками, либо они (белые мужчины) не знают закона, либо их цель - грубо его нарушить. Я хотел бы, чтобы все белые мужчины и женщины помнили об одной вещи, когда они говорят о незаконных отношениях белых мужчин и черных женщин, и наоборот, а именно: законы в этом Южном материке принимают белые мужчины, и не успели они принять эти законы, как тут же находят способы их нарушить и избежать наказания за это. Общеизвестно, что ни одна негритянка не добивается внимания белого мужчины - скорее наоборот, негритянки с большим трудом заставляют белых оставаться на своих местах. Однако привлекательность не ограничивается мужчинами белой расы, ведь симпатичным цветным мужчинам приходится так же нелегко, как и симпатичным цветным женщинам. Поэтому мне кажется, что если Джин Гордон обратится к аудитории белых мужчин и женщин и попросит их научить своих мальчиков, мужей, братьев и отцов уважать законы и женщин всех рас, то цветным молодым женщинам не составит труда сохранить свою добродетель и нравственность. Негритянские женщины заслуживают всяческого уважения, ибо никто лучше самой Джин Гордон не знает, какое страшное давление оказывают на них белые мужчины, стремящиеся навязать им свое внимание. Удивительно, что многим из них удастся выстоять, но Бог на небесах и не спит. Так что, говорю я, пусть белые женщины займутся делом и научат своих детей нравственности и уважению, и мы увидим, что из этого получится. Что касается незаконнорожденных детей, то их рождением занимаются отнюдь не только женщины негритянской расы. Белые приюты для новорожденных дадут тому убедительное доказательство. Мы прекрасно знаем, что белый мужчина не может жениться на цветной девушке на Юге, но мы задаемся вопросом, почему он не женится на белой девушке, которую соблазняет? Я могу назвать частичную причину - сила привычки! Белый мужчина настолько привык соблазнять негритянок и получать за это деньги, что добродетель его собственных женщин стала для него ничего не значить".

"Теперь мы переходим к заявлению Джина Гордона о том, что "распространяются дикие истории о том, что негр выиграл великую мировую войну....". Ни один разумный негр не может утверждать, что негр выиграл мировую войну, но каждый разумный мужчина, женщина и ребенок, как в этой стране, так и на другой стороне, знает, что негр внес свою лепту в победу там, и внес свою полную лепту здесь. Негр участвовал во всех войнах, в которых участвовала эта страна, и ни разу он не отступил и не показал желтой полосы. Никто не может привести случая, когда негр протестовал против отправки на фронт. Вопреки ошеломляющей пропаганде негр оставался верным. Первые негры, ступившие на французскую землю, были из Луизианы - грузчики; они не были солдатами, правда, но они делали то, для чего их послали, и делали это хорошо. Очень немногие белые полки из Луизианы побывали на огневом рубеже, но все они - солдаты. Несомненно, если бы их отправили на фронт, они бы сражались, но так же поступил бы и каждый чернокожий гражданин Соединенных Штатов. Однако если правда, что "сравнительно немногие из них сражались, если учесть миллионы белых мужчин, погибших в этой борьбе", то причина этого в том, что Юг сделал все возможное, чтобы негр не участвовал в войне в качестве солдата. И нужно знать, что каждый белый, который сражался и погиб, не был американцем! Каждый чернокожий, который воевал, достойно выполнил свою роль, как это всегда и было. Целые негритянские полки были награждены французами, и имейте в виду, что среди тех, кого первыми наградили французы, были американские негры! Что касается боевых качеств негров, то мне остается лишь отослать любого "сомневающегося Томаса" к Зон Хиллу. Больше ничего говорить не нужно. И я повторяю для всех заинтересованных лиц, что хотя негр не выиграл мировую войну, *он внес свою лепту в ее победу* там, а он и его женщины, оставшиеся здесь, помогли выиграть ее, работая и отдавая средства..... Негр рыл окопы, он сражался, он умирал на поле боя, он отдавал свои деньги и свой труд здесь, а его женщины отдавали свои деньги и труд. Помог *ли* негр выиграть Великую мировую войну? *Я скажу, что да!!!* Кто-нибудь скажет, что нет? Если кто-то сделал больше, пусть заявит о себе.

"Прежде чем закончить, я хочу спросить Джин Гордон, почему она и женщины Юга так яростно выступают против предоставления избирательных прав негритянкам? Они боятся нас? Да, они должны бояться нас, потому что мы твердо решили, что поможем нашим мужчинам Юга получить свои права, и Джин Гордон, будучи женщиной, прекрасно понимает, что когда женщина что-то хочет, это уже сделано. Негритянские мужчины выйдут на первое место, а их женщины позаботятся об этом. Негритянские мужчины научатся защищать своих женщин от ловушек белых мужчин, и их женщины тоже помогут им в этом..... Негритянская женщина больше не считает за честь иметь белого мужчину в качестве "друга"-любовника; постепенно мы заставили ее понять, что это оскорбление, и теперь она рассказывает об этом своему отцу, брату или мужу, в зависимости от обстоятельств, и этот мужчина должен защищать добродетель своей родственницы так же, как белый защищает свою. Мы больше не слышим, как симпатичные цветные мальчики хвастаются, что такая-то и такая-то белая женщина без ума от него, потому что мы показали ему, что ее привязанность к нему может привести его к беде, так что, имея довольно много цветов на выбор среди женщин своей расы (спасибо белому человеку за это), негритянский мальчик бежит с той девушкой, которая ему нравится, и держится подальше от неприятностей. Однако очень часто белые не позволяют ему оставаться в стороне от неприятностей - так много способов придумали эти милые белые люди, чтобы навредить мирно упирающемуся негру. Негр был терпелив, правда, но все мы знаем, что всякому терпению приходит конец. Я надеюсь, что настало время, когда белые этой части будут больше времени уделять самосовершенствованию и меньше - тому, чтобы увидеть ошибочность наших путей. Нам обоим есть над чем работать, но мы, негры, осознаем это и стремимся к самосовершенствованию, но не можем брать пример с тех, кто нуждается в уроках больше,

чем мы. Негр обязательно окажется на вершине - даже если он окажется в безнадежном меньшинстве. Право всегда и во всем сокрушит могущество; для справки см. Вильгельм Гогенцоллерн!"

По этому сернистому дыму можно узнать о подземном огне. Когда произойдет землетрясение, Жан Гордоны падут, а новая негритянская женщина выйдет вперед. Белое общество в таких местах, как Новый Орлеан, однажды может быть свергнуто, если оно не сможет жить ради идеалов и реформировать свои институты. Многое зависит от закона, который развращен, и многое от церквей, которые сейчас находятся в упадке. Литература в Новом Орлеане практически мертва, поэтому я не буду об этом упоминать.

XII

НОВОЕ СОЗНАНИЕ НЕГРА

Негодование - главная черта негритянского движения вперед. В попытке понять негритянский ум можно достичь максимума, ответив на вопрос: *Что значит быть рабом?* Анализ расового сознания сразу же выявляет в случае с негром рабский менталитет. Он был предрасположен рабством.

Быть рабом или ребенком раба - значит иметь в крови старую неоплатную обиду; фактически, *обида* либо тлеет, либо скрывается, либо воинствует. Если она не развилась в рабе, то разовьется в ребенке раба или ребенке ребенка. Она может не принимать насильственную форму. Определенные обстоятельства, такие как процветание, способны нейтрализовать его. С другой стороны, некоторые другие обстоятельства способны быстрее довести его до крайности. Вирус питается недовольством, питается даже воображаемым недовольством, но, несомненно, будет стремительно расти на реальном недовольстве. Если говорить серьезно, то ничто не может сравниться с сожжением людей живьем, чтобы вызвать активную злобу и ненависть. Из-за сожжений и линчевания вся американская негритянская масса раздувается от обиды день ото дня и луна от луны.

Характер бывшего раба и ребенка того, кто был рабом, хорошо виден по тому, как негр обращается с животными, а также по тому, как он обращается с теми неграми, которые случайно попадают к нему под руку.

Ужасно слышать, как негр говорит лошади, борющейся с тяжелым грузом: "Я возьму палку и забью тебя до смерти", и осознавать, что голос тиранического хозяина повторяется, как в человеческом фонографе. Если американские негры более жестоки к животным, хотя и быстро понимают их повадки, то это потому, что они считают себя хозяевами, а животных - своими рабами.

Ведь пока человек находится в рабстве, он учится быть хозяином. Дети раба более готовы к тирании, чем дети того, кто никогда не был рабом. Когда раба пороли, он учился на расовой почве тому, как пороть, когда представится возможность. В его детях будет витать дух порки. Когда его пытаются, он учится пытать.

Англосакс смотрит на животных как на друзей и равных. Он любит свою лошадь и собаку, почитает лису и медведя. Не то негр, русский крестьянин, еврей. У них совсем другое отношение к животным. А по отношению к людям, находящимся в их власти или на службе,

они часто имеют точку зрения, которая вызывает ненависть. Крестьянин-рабочий во власти крестьянина-кулака, еврейская швея во власти еврея, владеющего "потогонным цехом", негр-рабочий под властью негра-начальника или бригадира! Быть во власти хозяина - плохо, но быть во власти раба - гораздо хуже!

В стране, где рабовладельческий класс набирает силу, поэтому в воздухе витает недовольство. Это есть в Америке, это есть в России. Сегодня это есть во всем мире. Во время Великой войны молодежь почти всех стран попала под ярмо военного рабства, и каково же негодование против хозяев! В Германии, где это рабство было самым жестоким, оно воскресило Спартака из смерти. И кто же был этот Спартак, который вдруг стал типом и дал имя движению? Сам будучи рабом, он возглавил восстание рабов против Рима. Хозяева победили его и убили, а головы сотен его последователей были насажены на шипы на всех дорогах, ведущих в Рим, - предупреждение и свидетельство для всех остальных рабов того и другого времени. Горькие и злобные окровавленные лица смотрели на прохожих на римских дорогах. Они смотрят и сегодня, но не с пик, а с бесконечного числа детей рабов. Спартак жив.

То, что в Германии называют спартаковским движением, в России называют большевизмом. Большевизм - это исключительно рабское движение. Дети крепостных захватили все. Его первым проявлением стала классовая война и месть господствующему классу. В русском так много рабского, что его расовое имя - славянин. Теперь наружу вырывается вся обида и злость веков. В отличие от последователей Спартака, русский крепостной победил, и вместо того, чтобы отрубить себе голову, он смог отрубить головы своим хозяевам. На его примере все рабы и дети рабов во всем мире черпают мужество. Русские крепостные, военные рабы, наемные рабы и негры находят согласие, и здесь мы имеем основу для грандиозного пролетарского революционного движения во всем мире.

На это могут возразить, что американские негры не большевики. Они не большевики по названию, но потенциально они того же духа. Они ненавидят белый пролетариат, потому что тот плохо их использует, но, как ни странно, у них есть общее дело. Лидеры негритянского движения вперед почти исключительно большевики по духу. Мы не можем этому удивляться. Преследования развили в них огромную обиду и классовую ненависть. Когда придет время, доктор Дю Буа, Джонсон, Уолтер Уайт, Пикенс и другие узнают, на чьей стороне они находятся в великой мировой борьбе.

Есть и те, кто скажет, что если когда-нибудь жертвами разъяренных негров станет толпа линчевателей, никто не прольет слез, кроме самих линчевателей. Они говорят, что линчеватель знает, что он не прав, и ему достаточно часто говорили об этом. Так, в педагогическом смысле, думают мудрые головы, которые не выходят за дверь, когда убивают негра. Так думают и губернаторы штатов, и шерифы, и судьи, и полиция, и закон. Но они легкомысленны и глупы. В конечном итоге мстить будут не те, кто устраивает линчевание. Негритянская толпа, когда она поднимется, может легко объединиться с линчевателями и выступить против тех, кто должен был исполнять закон, и против тех, кто бездействовал. В те дни мы можем увидеть, как уродливая толпа пробирается к правителям Пилата, которые так часто умывают руки, и избивает их до смерти, а их жен сжигает. Это и есть настоящее движение. В нем нет ничего разумного, но восставшая толпа не руководствуется логикой.

Негодование - главное чувство негров-солдат, вернувшихся из Франции. Это пример того, как современная жизнь, ничем не управляемая, неконтролируемая и несогласованная, производит все больше и больше опасного материала для революции.

В Соединенных Штатах не было принято решение об использовании негритянских граждан в Великой войне. И снова, казалось бы, неисполнимые теории Декларации независимости и Конституции были применены в равной степени как к негру, так и к белому человеку, как будто негр - это всего лишь белый человек с темной кожей. Негров призвали в армию наравне с белыми, обучили, экипировали и отправили во Францию, не обращая внимания на два жизненно важных вопроса:

1. Уместно ли и может ли Америка потворствовать использованию цветных войск для борьбы с белыми врагами?
2. Когда многие белые граждане питают столь сильную неприязнь к неграм, целесообразно ли использовать последних в армии?

От первого из этих вопросов Америка уклонилась, как и Франция. Многие считают, что использование "туземных" войск против немцев было более неоправданным, чем применение Германией отравляющего газа. Ведь при использовании цветных войск против белых в ссоре белых людей, очевидно, отбрасывается моральное лидерство белых, и неизбежны серьезные последствия в виде ослабления морального духа.

Второй вопрос был всего лишь важной практической деталью, которую упустили из виду. Теоретически все американские граждане равны. Законы действуют без различия расы и цвета кожи. На практике же равенство отрицается. Что может быть естественнее, чем продолжать придерживаться теоретического предположения о равенстве и надеяться, что расхождения на практике могут быть упущены. Однако что может быть абсурднее, чем взять человека, которого незаконно лишает прав общество, и заставить его сражаться за это общество?

Однако белые солдаты Севера не испытывали неприязни к черным солдатам, и я встречал тех, кто видел подвиги, совершенные неграми, и многих, кто видел их ранеными и страдающими в общем деле, и чувствовал влечение к ним, чтобы помочь им и их братьям. Но каким бы ни было общее отношение к неграм-солдатам в Соединенных Штатах, в лагерях во Франции оно было определенно враждебным. Сложились две характерные точки зрения: (1) Что хорошо убивать как можно больше негров, так как это поможет решить негритянскую проблему. (2) Что негр недостойн сражаться за свою страну.

Не так уж много патриотизма, чтобы питаться им! Похоже, никогда не было решимости создать первоклассные негритянские полки, а те части, которые служили во Франции, ни в коем случае не были должным образом подготовлены. По всем компетентным оценкам, они были очень слабыми, и само собой разумеется, что для достижения полной устойчивости в этой ужасной войне требовались почти сверхчеловеческие усилия по поддержанию дисциплины. Обычно негров пытались запугать тревожными и преувеличенными рассказами об ужасах сражения. Белые разговаривали с неграми очень не по-солдатски. Приманивать и пугать их считалось лучшим развлечением, чем сурово и серьезно разбираться с ними. Несомненно, некоторые белые солдаты радовались тому, что негров снова поставили в рабское положение и заставили подчиняться под страхом смерти. Есть и те, кто не может простить негру освобождения от рабства, и для них зрелище негра в рядовом составе доставляло массу удовольствия. Угроза неграм военным трибуналом и смертным приговором стала характерной шуткой.

Белый человек, однако, вскоре обнаружил, что негр с большей охотой воспринимает юмор войны, чем ее трагедию. Это совпадало с его собственным чувством юмора. Вскоре сырых новобранцев стало невозможно напугать пряжей. Идея убежать от пулемета стала

естественной и утомительной. Опасности, связанные с ночными бомбардировками рейдеров над линией фронта, были смешно преувеличены. Лучшее укрытие становилось предметом шуточного почета, и один негр мог похвастаться перед другим, как далеко он убежал. Рядовые солдаты подтрунивали над своими офицерами на тему смерти. На вопрос о том, что значит "переступить через вершину", новобранец отвечал: "Я знаю; это значит "Доброе утро, Иисус"". Короче говоря, почти в каждом негритянском подразделении установилось юмористическое отношение к войне.

Офицер: Немцы собираются начать наступление.

Негр-солдат: Это так, кэп? Тогда мы разнесем эту новость по Франции.

Как гласит народная шутка.

Негритянский офицер стал пользоваться вниманием белых. Подготовив множество цветных офицеров, негров, зачастую образованных, обеспеченных и утонченных, и выдав им коммиссионные и форму, штаб пришел к выводу, что совершил ошибку. Белый южный офицер создавал проблемы, белый рядовой не отдавал честь. В офицерских столовых происходили обычные грязные разборки. И вот итог - огромное количество негритянских офицеров подверглось унижению, лишившись своих комиссий и будучи поставленными в строй. Такое унижение неизбежно заставляло негритянского офицера задуматься. Оно культивировало его недовольство. Оно сеяло в его сердце семена национального недовольства.

Следующей серьезной проблемой стали французские женщины и негры. Безразличие белых женщин к тому, чернокожий, коричневый или белый мужчина с ними гуляет, южане восприняли как нестерпимое оскорбление. Они посчитали себя обязанными вмешаться и спасти француженку от самой себя. Легенда об изнасиловании была импортирована, и были предприняты все усилия, чтобы заразить французских мужчин расовыми предрассудками. К счастью, пропаганда провалилась. Во-первых, пуританство нелегко приживается во французском сердце, а во-вторых, французы не испытывают инстинктивного ужаса перед неграми. Возможно, легенда об изнасиловании даже сделала негра немного декоративным с точки зрения *любви*. "Черные американские войска во Франции вызвали столько же жалоб на попытки изнасилования, как и вся остальная армия "Les troupes noires Americaines en France ont donné lieu, a elle seules, a autant de plaintes pour tentatives de viol, que tout le reste de l'Armée", - так гласит приказ по армии.

Однако негритянская честь требует опровергнуть обвинение, и этот вопрос был тщательно расследован. Похоже, что в нем нет ничего особенного. Как известно всем, кто служил в армии, женщины легкого поведения были чрезвычайно многочисленны и покладисты. Вполне возможно, что нужно было защищать негра от женщин, а не женщин от негра.

Дело в том, что негр, гуляющий с белой женщиной, для южноамериканского белого - как красная тряпка для быка. А поскольку по своей природе этот белый необуздан и неразумен, он стремится любыми средствами, честными и нечестными, разлучить их.

Наконец, кульминация истории американского негра на войне заключается в том, что белые отрицают за ним всякую доблесть, доблесть и воинскую добродетель, говорят, что негр - трус, беглец и совершенно бесполезен в боевом строю. Боевые части снимались с положенных им обязанностей и переводились в рабочие. Полки были отправлены домой; целые бригады были отданы в подарок благодарным французам. Возможно, они были довольно неэффективны. Но если так, то это было связано с плохой подготовкой. Негры

великолепно сражались в прошлых войнах Америки. Они - отличная боевая раса, и они способны к дисциплине.

В Новом Орлеане я слушал лекцию сержанта Нидхэма Робертса из 369-го пехотного полка США, красивого молодого воина-негра, дважды раненного, первого американца, награжденного французским правительством. Он был полностью патриотичен и заставил апатичную негритянскую аудиторию встать и спеть "Звездно-полосатое знамя". Он рассказал, как сбежал из дома, чтобы записаться в армию, как прошел обучение вместе с массой чернокожих незнакомцев, как отправился за океан - довольно страшный опыт для некоторых из этих молодых солдат, которые, если бы не война, никогда не пересекали море. Он рассказал о своих первых впечатлениях от Франции и линии фронта, о преувеличенном страхе от взрывов снарядов, ночных атак и бомб с воздуха. Они только начали привыкать к первым проявлениям войны, когда в один прекрасный день разнеслась новость: "Нам всем приказано вернуться домой". Официальные приказы последовали быстро. Они собрали вещи и уже собирались отправиться в Шербур, когда, по словам сержанта, вмешался Фош.

"Почему вы отправляете их обратно?" - спросил он.

"Они не нужны".

Фош, казалось, был поражен.

"Если вы не можете их использовать, то я могу", - сказал французский маршал.

И вот, ура! Мы были присоединены к французам.

Французский фронт не был игровой площадкой, но, как всегда, оказался более суровым, чем американский или британский. Негры вели жаркие бои и несли большие потери. Робертс получил свой Croix de Guerre за подвиг, который он совершил вместе со своим приятелем Питом Джонсоном. Их оставили на передовом посту прослушивания и, судя по всему, не замечали - они не выходили на связь в течение трех дней и трех ночей. Дивизия была освобождена. На третью ночь немцы совершили вылазку, которую два негритянских солдата отразили сами, сначала разбросав бомбы, затем открыв огонь, а закончив замечательной рубкой штыком. Те немцы, которых они не вывели из строя, обратились в бегство. Сколько немцев лежало мертвыми, сказать трудно. Вероятно, их число росло, как число людей Фальстафа в бакраме, но я слышал упоминание о двадцати.

Не было никаких сомнений в том, что сержант Робертс - веселый солдат - "bonny faechter", и он быстро нашел общий язык со своей аудиторией. Он был родом из Нью-Йорка и пронесся по Пятой авеню вместе с героями нью-йоркского "Боевого пятнадцатого". Он был полон веры Севера, его ужасно угнетала атмосфера Юга, и прежде всего пассивность и апатия негров Нового Орлеана. Ему лучше держаться севернее линии Мейсона-Диксона, ибо он, очевидно, прирожденный боец.

Если война сама по себе была настойчивым воспитателем негра, то последующее обращение с ним после перемирия очень сильно закрепило полученные им знания. Вряд ли стоит подробно останавливаться на этом. Факт, который я хотел бы выделить, - это растущее недовольство цветного населения, тот факт, что около двенадцати миллионов человек становятся в высшей степени заряженными недовольством.

В качестве иллюстрации этого недовольства можно привести множество цитат из устной и письменной речи негров. Но достаточно будет одного стихотворения или части стихотворения. Это "Тринадцать черных солдат" Арчибальда Гримке. 24-й негритянский полк пехоты США был направлен в Хьюстон, штат Техас, и был принят населением без симпатии и с некоторой враждебностью. Череда мелких неурядиц вылилась в бунт и мятеж. Шестьдесят четыре негра были отданы под трибунал, а тринадцать приговорены к смерти и повешены. Размещать негритянский полк среди такого враждебного народа, как техасцы, было бы непродуманно. Они больше враги негров, чем немцы, и можно было быть уверенным в неприятностях. Стихотворение Гримке выражает кипящее негодование, о котором я уже говорил.

Она повесила их, тринадцать своих черных солдат,
Она повесила их за мятеж и убийство,
Она повесила их после того, как надела на них свой мундир,
После того как она надела на них свою форму, форму своих солдат,
Она сказала им, что они должны быть храбрыми, сражаться и, если понадобится, умереть за нее.

Это было за много лет до того, как она повесила их, тринадцать своих чернокожих солдат.

Она велела им идти туда, и они пошли,
Прийти сюда, и они пришли, ее храбрые черные солдаты.
Ради нее они шли без еды и воды,
Ради нее они терпели холод и жару,
Ради нее они маршировали днем,
Ради нее они следили ночью,
За нее в чужих землях они стояли бесстрашно,
За нее в чужих землях они смотрели без укрытия,
За нее в чужих краях они сражались,
За нее в чужих землях они проливали кровь,
Ради нее они сталкивались с лихорадкой и свирепыми людьми,
За нее они всегда и везде были готовы умереть.
И вот теперь она повесила их, своих тринадцать черных солдат.
За убийство и мятеж она повесила их в гневе и ненависти,
Повесила их в тайне, в темноте и позоре,
В тайне и темноте она отреклась от них,
В тайне и темноте похоронила их и оставила в безымянном позоре.
Почему она повесила их, своих тринадцать черных солдат?

Что они сделали, чтобы заслужить такую участь?

Она отправила их в Хьюстон, в Хьюстон, в Техас,
Она послала их в своей форме в этот южный город,
Она послала их, своих солдат, своих тринадцать храбрых солдат,
Они отправились по ее приказу в Хьюстон,
Они отправились туда, куда им было приказано.
Они не могли выбрать другое место,
Ведь они были солдатами и шли туда, куда им приказывали.
Они вошли в Хьюстон, не зная, что их ждет.
Их ждали оскорбления и насилие.
Оскорбления и насилие шипели на них из окон домов и обрушивались на них на улицах,

Американская цветофобия шипела и била их, когда они проходили мимо по улицам.
В уличных машинах они встречали дискриминацию и оскорбления,
"Они не солдаты, они и их форма,
Они всего лишь обычные негры,
С ними нужно обращаться как с обычными черномазыми,
Они и их форма".

Так шипела колорфобия, коренная жительница Техаса.
А потом она выплеснула на них свой яд,
Выплеснула свой яд на них и на их форму.

А что сделала она, та, что надела на них эту форму,
и велела им идти на подвиг и умереть, если понадобится, ради нее?
Подняла ли она руку, чтобы защитить их?
Повысила ли она голос, чтобы отпугнуть рептилоидную тварь?
Подняла ли она хоть палец или произнесла хоть слово упрека в ее адрес?
Сделала ли она хоть что-нибудь в защиту своих чернокожих солдат?
Она ничего не сделала. Она сидела в своем властном кресле самодовольная и равнодушная.
У нее были глаза, но она отказывалась видеть, что Хьюстон делает с ее черными солдатами,
У нее были уши, но она заткнула их ватой,
чтобы не слышать ропот ярости своих чернокожих солдат,
Они страдали в одиночестве, они были беззащитны перед оскорблениями и насилием,
Потому что она их не видела, не слышала и не защищала.
Тогда в отчаянии они ударили по рептилии,
Они поразили его так же, как поражали ее врагов,
Ибо не был ли этот рептилоид ее врагом, равно как и их собственным?
В час безумия они яростно били его в бою,
А оно в истерике отпрянуло от их ударов,
Ужас и страх смерти охватили его, и он взывал к ней о помощи.
И она, не послушавшая своих черных солдат в их тяжелой нужде,
Она, надевшая на них свою форму, услышала их врага.
Она прилетела на его зов и повесила своих храбрых черных солдат.
Она повесила их за то, что они сделали для себя то, что она должна была сделать для них,
Она повесила их за то, что они обиделись на оскорбление ее мундира,
Она повесила их за то, что они защищали от насилия ее храбрых черных солдат.
Они шли к виселице с достоинством храбрых мужчин,
С душами воинов они без хныканья шли к своей гибели.
И вот их повесили, тринадцать ее черных солдат,
И так они лежат, погребенные в безымянном позоре.

Стоит ли удивляться словам доктора Дю Буа?

Мы возвращаемся.

Мы возвращаемся из боя.

Мы возвращаемся, сражаясь.

В Мемфисе, штат Теннесси, я встретил одного из немногих белых южан, которые сочувствуют неграм и понимают всю серьезность ситуации. Это был мистер Болтон Смит, богатый бизнесмен, член Ротари-клуба *quand tete*. Как человек, который, помимо прочей

деятельности, выдает деньги под залог недвижимости в дельте Миссисипи, он поневоле много общался с неграми. Общество в Мемфисе смотрело на него несколько настороженно, потому что он не разделял общепринятых взглядов, но его не вычеркивали, а лишь снисходительно посмеивались над ним как над человеком, у которого есть слабое место в его умственной броне. Однако в местах, отдаленных от Мемфиса, его взгляды принимались во внимание.

Будь его воля, он дал бы неграм их права и должное, и прекратил бы линчевание. Он не верит, что негр желает "социального равенства", права смешиваться с белыми людьми без разбора - в школах, в поездах, в браке. Он считает, что негр предпочитает жить отдельно, пока не подразумевается бесчестье. Он специально изучил школу Фредерика Дугласа в Цинциннати, где учатся все чернокожие, и пришел к выводу, что, находясь в , негры добиваются большего прогресса, чем при смешении с белыми. Поскольку Цинциннати - город на северной окраине, с северными учреждениями, у негров был выбор ходить в смешанные школы с белыми детьми, если они хотели, но они предпочитали быть сами по себе и действительно лучше справлялись в одиночку. Что касается автомобилей "Джим Кроу", Смит заявил, что предоставит равный комфорт и равные условия в цветных вагонах и в цветных залах ожидания. Он не считает, что негр желает находиться в пульмановском вагоне, где есть белые женщины. На Севере это проходит без скандалов, но на Юге слишком велик риск того, что женщина впадет в истерику, а негра линчуют на привокзальной станции. Он верит в отказ от "политики булавочных уколов" и, прежде всего, в подавление самосуда и расовых беспорядков.

Однако он был решительно настроен против Дю Буа и Национальной ассоциации. Он считал, что Дю Буа неправильно ведет негров, фактически ведя их к худшей беде, чем та, которая их еще не постигла. "Если негр прибегнет к силе, - сказал мне мистер Смит, - он будет уничтожен. В мире и в законе белый человек не понимает, как обращаться с негром, но если дело доходит до силы, то для белого человека вопрос становится совсем простым, и у негра остается не больше шансов, чем у дикаря. Только христианство может спасти негра, а лидеры Национальной ассоциации уводят народ от христианства". Он хотел бы, чтобы все негры увидели, как губительно для них отказаться от христианства.

"Если бы не линчевания, Национальная ассоциация и ее газета уменьшились бы до очень маленьких размеров. Каждый раз, когда линчуют негра, тираж *"Кризиса"* увеличивается на тысячу, а сожжение - на десять тысяч", - говорит он.

"Ад скоро потеряет свой жар, если грех исчезнет", - сказал я. Я был склонен согласиться с тем, что единственный путь лежит через христианство. Но существует такая вещь, как гнев Божий, и он не противоречит Божественному Отцовству и Всемиловитому Провидению. Джона Брауна очень осуждали, но он не был вне христианства - он, несомненно, был дитя Божье. Раньше он думал, что без большого пролития крови преступления этой виновной земли могут быть очищены, но теперь.....

Я не думаю, что белый Юг сможет отвратить гнев Божий с помощью пулеметов, и он не сможет подавить негра силой, как только негр выйдет из глубины своего существа. Чем верить в встречу с великим гневом, лучше вовремя одуматься и исправиться. Разве Гражданская война не была достаточным кровопусканием? Разве нельзя было извлечь урок?

Конечно, напрасно работать непосредственно против Дю Буа, когда его власть как лидера восстания можно полностью устранить, прекратив линчевание. Генеральный почтмейстер США отказал в почтовых услугах одному из номеров его газеты, потому что она зашла слишком далеко в разжигании смуты, но это не дало никаких результатов, а, напротив, стало

полезной рекламой для газеты. И потом, разве не известно, что существуют гораздо более продвинутые группы негров, чем та ассоциация, президентом которой является доктор Дю Буа? Есть те, кто презирает Дю Буа как умеренного. Есть те, кто поклялся, что за каждого негра, убитого толпой, должны погибнуть два белых человека. Око за око и зуб за зуб - таково Евангелие - или, скорее, два глаза за один. Начинается нечто такое, что не закончится перечислением блаженств. Если Америка не изгонит из своей среды дьявола классовой ненависти, она снова, как во время Гражданской войны, будет опустошена Ангелом Смерти. Устоявшаяся мирная рутина такой страны, как Америка, очень обманчива. Все кажется таким постоянным, таким незыблемым. Новая утонченность, новая вежливость и выверенная культура, огромная коммерческая организация и пресса говорят о том, что никакая беда не может их настичь. Сила, порождающая беспорядок и анархию, возникает тихо и скрытно. Она копится, копится, копится и однажды должна разрядиться. Имя ей - обида, а первое ее проявление - месть.

XIII

ЛИДЕРСТВО НЕГРОВ

Доктор У. Э. Бургхардт Дю Буа, как лидер боевого движения, представляет собой величайшую силу среди негров на сегодняшний день. Светлокожий, невысокого роста, с квадратной головой, он легко мог бы сойти за белого человека в Южной Европе или в России. Он скорее похож на отполированного до блеска еврейского профессора. Однако при внимательном рассмотрении становится ясно, что за бесстрастным лицом, похожим на маску, скрывается эмоциональная и вспыльчивая натура. В нем пылает белый жар обиды и решение *не прощать*. Возможно, его преданность делу и расе немного подтачивает его. Ведь он обладает необычным литературным гением. Огонь, который горел в жилах Дюма и Пушкина, есть и в нем, и как мастер письменного слова он совершенно не имеет конкурентов в мире американских негров. В этом отношении он более великий человек, чем Букер Т. Вашингтон. Последний был практическим гением, а то, что в груди Дю Буа - желчь и полынь, в его более копотливой, естественной груди было молоком человеческой доброты. "Я буду кричать "Слава!", когда этот мир запылает, и я нисколько не чувствую усталости", - всегда говорил он. "Букер Т., как его ласково называют, был прекрасным цветным ребенком первых дней свободы. Его книга "Восставшие из рабства" и профессиональный институт в Таскиги, штат Алабама, - главные памятники, которые он оставил после себя. Но его портрет почти так же часто встречается в негритянских хижинах, как изображения царя в русских *избы*. "Наш Букер Т.", - с любовью и чувством говорят негры, глядя на первого из них, кто поднялся из темных глубин рабства, первый плод тех, кто спал. Свобода и надежда взрастили Букера Т. Вашингтона, но теперь он мертв, и новому времени нужен новый лидер. Белые хотели бы вернуть Букера Ти. Покладистый негритянский лидер им гораздо больше по вкусу, чем воинственный.

Много лет назад Дю Буа написал книгу "Души черного народа", которая представляет собой увлекательное личное исследование. Она обладает подлинно литературными качествами, которые возносят ее из ряда эфемерных публикаций на вечное место. Однако она незрелая. В ней есть акцент на личной культуре и нотки жалости к себе, которые более развитый

писатель постарался бы смягчить. Но дар несомненен. Вы снова и в большей степени ощущаете его в "Темноводье", опубликованном в этом году.

Война и усилившиеся в последнее время гонения на негритянский народ выявили настоящую силу Дю Буа. Как сказал мне один рабочий лидер, "он прежде всего государственный деятель и политик. Он ведет за собой негров. Интересно, куда он их приведет?"

Конечно, ни один другой негр в Соединенных Штатах не рассматривается столь многими другими как его лидер. Несомненно, большинство тихих, осторожных и традиционно религиозных негров сторонятся его. Но у них, в свою очередь, нет лидера. Доктор Мотон, прямой потомок Букера Вашингтона в Институте Таскиги, является лидером только в том смысле, в каком можно считать лидером доктора Арнольда из Регби. Он находится там на своем месте. Он - большой свет, и его воспринимают как должное.

В августе 1919 года доктор Мотон обратился к президенту с письмом, в котором предупредил его о растущем напряжении:

"Я хочу обратить ваше внимание на сильные чувства цветного населения по всей стране по отношению к белым, а также на явный революционный настрой многих негров, который проявляется в желании добиться справедливости любой ценой. Беспорядки в Вашингтоне и Чикаго и близкие к ним беспорядки во многих других городах ничуть не удивили меня. Я предсказал в своем выступлении несколько месяцев назад, на пятидесятой годовщине Хэмптонского института, второго мая - там присутствовали экс-президент Тафт и мистер Джордж Фостер Пибоди - что это произойдет, если за дело не возьмутся энергично вдумчивые элементы обеих рас.

"Я думаю, что время пришло, и я не знаю ничего, что могло бы оказать более благотворное влияние на всю ситуацию, чем если бы вы, как и год назад, выступили со своим мудрым заявлением по поводу закона о мафии, сделав особый акцент на линчевании и всех формах несправедливости и нечестности. Вы ничего не потеряете, если специально обратитесь к данным о самосудах за последние шесть месяцев; многие из них сопровождались необычными ужасами, и это легко сделать сейчас из-за двух последних беспорядков на Севере, в частности, в Вашингтоне и Чикаго. Юг никогда не был так готов прислушаться к подобным советам, как сейчас, и это, как я уже говорил, оказало бы огромное стабилизирующее воздействие на представителей моей расы.

"Вы, вероятно, видели историю линчевания в Джорджии старого цветного мужчины семидесяти лет, который застрелил одного из двух опьяневших белых мужчин, пытаясь защитить двух цветных девочек, которым эти двое приказали выйти из дома ночью. Цветной убил белого мужчину после того, как его застрелил один из белых мужчин, потому что он просто протестовал.

"Я прилагаю данные о линчевании за последние шесть месяцев и редакционную статью из газеты "Атланта *Конститушн*", в которой решительно осуждается насилие толпы".

"Со всеми добрыми пожеланиями и заверяя вас в том, что не желает усугублять ваше бремя, а просто обращает внимание на то, что кажется мне жизненно важным не только для интересов двенадцати миллионов чернокожих, но и столь же важным для благополучия миллионов белых, которых они касаются, я,

"Искренне и с благодарностью,

"Р. Р. Мотон".

В ответ на это письмо президент Вильсон написал доктору Мотону следующее:

"Мой дорогой доктор Мотон:

"Искренне благодарю вас за ваше письмо от восьмого августа. В нем содержится информация и предложения, важность которых я полностью осознаю и за которые я искренне благодарен. Я очень серьезно рассмотрю ваши предложения, поскольку понимаю, насколько критической стала ситуация и как важно всеми возможными способами стабилизировать положение дел".

"Еще раз благодарю вас за ваше искреннее сотрудничество,

"Сердечно и искренне Ваш,

"Вудро Вильсон".

Этим обычным ответом дело закончилось, и в последующие месяцы ситуация в Америке неуклонно ухудшалась. Сумеречный покой Таскиги контрастировал с громкими, громогласными обличениями с сайта доктора Дю Буа. Ведь Дю Буа каждый месяц произносит новые слова лидерства. У него голос, как труба, и он должен быть услышан. Поэтому он - лидер.

С ним связано множество блестящих людей, среди которых самый влиятельный - поэт и оратор Джеймс Уэлдон Джонсон, более смуглый, чем Дю Буа, стройный и высокий. Он энергичен, и его постоянно можно услышать с трибун в Нью-Йорке и других местах. Я слышал его речь. Он не так тронул меня, как Дин Пикенс, но он более интенсивен и временами обладает репутацией необычайно блестящего человека.

Если бы гонения были сняты с негритянской расы, несомненно, нашлось бы место для спокойного руководства образованием, а эпатажа не было бы. Белые сторонники, такие как мистер Болтон Смит из Мемфиса, подчеркивают ценность более тихой и незаметной работы, проделанной в таких местах, как школа Пайни Вудс, школа Фредерика Дугласа, Лоуренсом Джонсом и директором Расселом. Но, конечно, мирный рост невозможен до тех пор, пока народные массы не будут гарантированы от нынешнего ужасающего насилия толпы и общей социальной несправедливости.

С другой стороны, из этого не следует, что Дю Буа - новый Моисей, ведущий свой народ в Землю Обетованную. Возможно, он ведет их к ужасающему кровопролитию и резне. Возможно, он ведет их к полному расовому фиаско, но не потому, что он этого хочет или может поступить иначе, а потому, что, возможно, это фиаско написано на карте судьбы американского негра.

Негры вооружаются. Они более готовы к возмездию - процитируем письмо из Мемфиса: "У огромного числа негров растет решимость защищать свои права силой..... Негры эмоциональны, и их массы вполне готовы считать себя угнетенными в вопросах, в которых они вовсе не угнетены, и, следовательно, применять силу в неоправданных случаях. Это проявляется в том, что мелкие воришки все чаще применяют огнестрельное оружие против полиции. Недавно здесь был арестован негр по обвинению в продаже краденых цыплят. Его дом был известен. Невозможно представить, чтобы обычный белый мелкий воришка стал стрелять в служителей закона, чтобы предотвратить арест, который, вероятно, привел бы к

сравнительно небольшому наказанию, но этот человек убил офицера и должен быть повешен. То же самое происходило здесь уже несколько раз. В таких обстоятельствах трудно заставить полицию придерживаться правильного отношения к неграм. Они никогда не знают, когда он собирается стрелять, и поэтому вполне естественно, что в негра они стреляют гораздо быстрее, чем в белого человека. Это, в свою очередь, порождает чувство обиды, что еще больше осложняет отношения между негром и полицией. Я не могу слишком сильно подчеркнуть тот факт, что когда меньшинство пытается защитить себя - хотя оно может использовать только то оружие, которое большинство в прошлом привыкло использовать для защиты от тирании, - меньшинство, как правило, оказывается осужденным в глазах общественности. Возьмем, к примеру, позицию, которую занимает масса американцев по отношению к красным и их депортации..... Небольшое число красных обратилось к силе - вся толпа в большей или меньшей степени объявлена американским общественным мнением вне закона. Я опасаясь, что если негры продолжат следовать за Дю Буа, то отношения между двумя расами будут обострены. Я не верю, что расовые отношения в Чикаго стали лучше после расового бунта. С другой стороны, в Европе каждая революция рано или поздно приводила к большей свободе, даже если революция была подавлена. Мой опыт с негритянскими восстаниями был прямо противоположным. Тот прогресс, которого добился негр, был достигнут благодаря образованию и пробуждению совести белого человека.

"Если говорить в нескольких словах, то проблема, на которой мне бы очень хотелось заострить ваше внимание, заключается в совершенно ненормальном положении меньшинства, добивающегося своих прав. Мы склонны думать, что негр может добиться этих прав так же, как наши предки добились своих в борьбе с аристократией, но, если я не ошибаюсь, такая точка зрения обречена на провал и, если ей следовать, приведет к обострению отношений между расами, так что в результате должны возникнуть сегрегация, депортация или истребление. Лично я не верю, что мы потерпим неудачу, но если мы добьемся успеха, то это будет вопреки Дю Буа и позиции вооруженного сопротивления. Никогда еще не было лучшей иллюстрации мудрости при определенных условиях толстовской установки на непротивление".

Это, конечно, хороший вывод, но события не управляются мудростью и логикой. Это вполне можно было бы сказать израильтянам во время долгого периода Чумы. Именно такой период был в истории негров.

XIV

МИРОВОЙ АСПЕКТ

Американские негры - аристократы негритянского мира. Может быть, парадоксально предполагать, что пролетариат может стать аристократией, но аристократия - это лучшее, что может произвести раса в культуре и манерах. Несомненно, африканское негритянство состоит из множества рас, но все они, похоже, имеют один общий интерес и больше почитают само имя Африки, чем какую-либо ее составную часть, королевство, государство или пастбище. Американский негр начинает руководить Африкой, как он руководит Индией. Причина в том, что дети американских рабов добились наибольшего культурного прогресса среди всех негров. Хотя в некоторых частях Африки и на островах Вест-Индии преследования были меньше, возможности также были меньше. В 1863 году Америка взяла на себя

обязательство поднять миллионы своих черных рабов до культурного уровня белых граждан. Но никто никогда не пытался поднять дикие массы Африки намного выше крестильной купели. Американскому негру всегда указывают на его огромную удачу. Негр отвечает, что если у него удача, то его отцы заплатили за нее страданиями рабства, а он все еще платит за это линчеванием. И все же, конечно, негры в Африке очень страдали, и их отцы страдали очень сильно. Ни один негр не может отрицать, что он многим обязан Америке. А Африка обязана или будет обязана еще больше.

В Америке, по крайней мере, открыта дверь для негритянского прогресса. В Африке, и особенно в Южной Африке, нет полной уверенности в том, что дверь не закрыта. Если дверь остается приоткрытой, то не потому, что так хочет белый человек, а потому, что американский негр занес туда свою ногу. Царит низкая коммерческо-имперская идея. Туземец - это "рабочая сила на месте". Постоянный приток дешевой туземной рабочей силы считается великим желанием. На попытки негра поднять себя за счет образования или технических навыков смотрят с подозрением, и надо помнить, что в Британской империи, во Франции и Бельгии нет ни одного учреждения в Африке, сравнимого с Таскиги и Хэмптоном. Если профсоюзы в Соединенных Штатах по глупости антагонистичны прогрессу негритянского квалифицированного труда, то в Южной Африке они вдвое сильнее. Если в Америке существует пеонат, то в Африке в избытке псевдорабство, и если в американском троллейбусе есть секция Джима Кроу, то в южноафриканском зачастую нет даже этого, и негр должен пешком, если его не сопровождает белый работодатель. Между черными и белыми возникла открытая вражда, очень напоминающая ту, что была в южных штатах Америки. Если бы не лидерство американских негров, это не сулило бы ничего хорошего негритянскому государству в целом.

Конечно, между Британской империей и Соединенными Штатами есть существенное различие: в империи люди являются подданными, а в республике - гражданами. В то время как Британия формально управляет своими четырьмястами миллионами цветных подданных *сверху вниз*, Америка теоретически считает, что все ее люди свободны и равны. Американский идеал выше, британский - практичнее.

Есть и еще одно отличие, и оно заключается в том, что наши негры, за исключением Индий, в основном коренные жители, а не пересаженные из родных диких мест. Они не были рабами и не имеют рабской психологии. В Африке белый человек контактирует с массами туземцев, находящихся в первобытном состоянии; в Соединенных Штатах негр был определенно оторван от своих родственников и свойственников. Американский негр был освобожден в стране, где бушевали демократические идеалы и царила возвышенная вера в человеческий прогресс. Но Африка была и остается все более коммерческим доменом, единственной функцией которого с точки зрения современного белого человека является нажива материальных благ. Белый человек в Африке - это в большей степени охотник за долларами, чем американец. И хотя Британию много хвалили за то, что она позволила Южной Африке управлять собой, не похоже, что Союз способствовал значительному прогрессу в идеалах и культуре. Король Англии был лучшим другом для туземцев, чем оказалось местное правительство.

Во всей Британской империи растет вопиющая антিনিггерская тенденция, очень вульгарная, очень недостойная и в то же время позорная. Она распространяется как на Индию и Египет, так и на Африку. Возможно, это связано с общим ухудшением образования и воспитания. Можно заметить, что те, кто жалуется на манеру поведения своих слуг, как правило, не имеют слуг, а для *изгоев* характерно дурное обращение с теми, кто ниже их по положению, и я бы сказал, что если белый человек не может хорошо ладить с негром, это

признак того, что он не джентльмен. Но подлинный тип английского джентльмена проходит. Подумать только, что представители расы Ливингстона, Стэнли и Гарри Джонстона должны жаловаться на негров, как будто Бог не создал их правильно!

Когда-то британцы умели хорошо управлять туземными расами - в эпоху викторианской эпохи, когда англичанин мог обращаться со своим слугой-туземцем так, словно тот тоже был джентльменом, никогда не сомневаясь в том, что в глазах Бога хозяин и человек обладают равным достоинством. Почитайте мемуары и письма колониальных людей прошлых времен, а затем сравните с нынешними шумными предрассудками в Индии и Африке. Отпадение ужасает. И "туземцы" знают о грядущих переменах - о новом типе офицера и работодателя, о человеке с мозгами, набитыми виски, о человеке, напичканном весельем из мюзик-холла и псевдоцинизмом, о ворчуне, о человеке, который ожидает, что для его комфорта и успеха все было устроено заранее. Удивительно слышать, как молодые офицеры называют даже индусов, сирийцев и арабов черномазыми! Туземец инстинктивно знает человека, обладающего сдержанностью, хорошими манерами, человеческим достоинством и правильно воспитанным бескорыстием. Самый низкий кули может отличить джентльмена от хама; а образованный цветной человек, хотя он глубоко уважает нацию Шекспира и Берка, Веллингтона и Гордона, озадачен тем, чтобы найти общий дух в англоговорящих людях наших дней.

"Я вырос в атмосфере восхищения - почти почитания - Англией", - говорит доктор Дю Буа. "Я всегда считал Англию лучшим управляющим цветных народов и связывал ее успех с ее системой правосудия", но теперь, услышав новую историю индусов и арабов, негров Южной Африки и негров Западной Африки, он колеблется в этой вере.

В беседе с профессором Хоффманом в Новом Орлеане, британским подданным, ранее служившим британскому правительству в Северной Нигерии, чрезвычайно способным и просвещенным негром, ныне директором цветной школы, я нашел подтверждение этому. Его впечатление об изменении духа в империи было схоже с тем, которое высказал Дю Буа, и я увидел, что во многих негритянских умах восхищение британским правлением уступило место сомнению. Действительно, американским англофобам удалось провести большую пропагандистскую работу среди негров, представляя, как плохо сейчас живут туземцы под властью Британии. В этом есть некоторое преувеличение, но оно производит важное впечатление на сознание американского негра. Он начинает чувствовать заботу и тревогу за состояние своих собратьев за границей. Образованный негр Соединенных Штатов теперь чувствует ответственность перед африканским негром, а также перед всеми темнокожими людьми.

Предположение негра об общности с коренными жителями Индии несколько удивительно и забавно. Этнологической общности не существует. Но цветовой барьер Британской империи применяется к индийцам почти так же строго, как и к неграм. "Мы разобьем их всех к чертовой матери", - говорит воинственный негр-чужак молодому студенту-индусу в Вашингтоне, к немалому удивлению последнего. Передовые негры Америки ставят освобождение народов Индии и Египта на самый первый план своей мировой политики. Они также говорят, что коренные жители Южной Африки должны быть освобождены от Южно-Африканского Союза.

Одно можно сказать с уверенностью: Британская империя долго не продержится, если белые не смогут управлять черными и поддерживать стандарты справедливости, по которым жили раньше. Голоса не нужны, но обычные человеческие права на свободное существование и возможности - необходимы. Империя находится на перепутье. Вопрос в

том, удастся ли удержать ее доброй волей, или Британия будет вынуждена установить правление силы и повиновения. Старая концепция доброй воли проходит проверку в Южной Африке, Египте и Индии, как и в Ирландии. Возможно, в результате войны политические обстоятельства заставят ее вернуться к идеалу силы и верховной центральной власти. Вера коренных жителей в короля и их ненависть к посредникам короля характерны для этого времени. Американский негр внимательно следит за судьбой цветного населения Британской империи. Поскольку он лидирует в интеллекте, идеалах и материальном достатке, он намерен миссионерствовать в туземном мире во имя цивилизации. Миссионеров называют агитаторами, их прессу - подстрекательской, их идеалы - опасными, но слова не меняют того факта, что флаг panaфриканского единства поднят, а общие потребности всех темнокожих рас осмыслены.

Республику Либерия белые люди часто называли неудачной. Но ей суждено стать передовым пунктом Америки в Африке для цивилизации черных. Мне посчастливилось встретиться в Америке с епископом Ллойдом, только что вернувшимся из Либерии, и он очень интересно рассказал о положительных сторонах развития этой страны. Прежде всего, американский негр - это элита, аристократия Либерии. Он берет на себя огромную задачу просвещения негритянских масс внутренних районов страны. В этом, а также в торговле и установлении правопорядка Либерия весьма преуспела. Америка и американские идеалы - это Евангелие для либерийских негров. Ни слова не говорится о несправедливости и страданиях, которые сопровождают жизнь негров в Штатах, напротив, Америка воспринимается как негритянский рай. Когда Америка объявила войну Германии, Либерия с радостью объявила войну и ей, и ее военные усилия были весьма заметны.

Любопытно, что в то время как британские проблемы с местными расами широко освещаются в США и других странах, американские линчевания, поджоги и расовые бунты, как правило, успешно замалчиваются в тех штатах, где они происходят. Но, конечно, американский негр очень гордится Америкой, которую, как он считает, он в немалой степени помог создать. Америка дала негру идеал, и она является для него религией. Все новое в негритянском движении, более того, берет свое начало в Америке.

Недавно в Нью-Йорке была открыта так называемая "Линия Черной Звезды" - пароходная линия, принадлежащая неграм и управляемая неграми. Ее цель - торговля с негритянскими общинами и продвижение общих интересов темнокожих людей во всем мире. Суждено ли ей преуспеть, зависит от того, насколько прочной будет ее финансовая поддержка. Но это интересная авантюра. Первый корабль компании, вышедший из Нью-Йорка, вез последний груз виски перед началом "сухого закона". Шторм заставил судно вернуться в порт после того, как порт стал юридически "сухим", и некоторые думали, что груз будет конфискован. Говорили, что на судне было много утечек, но после долгих переговоров и разведок с белыми чиновниками "Ярмут", получивший впоследствии имя *Фредерик Дуглас*, скрылся.

Обычно эта акция рекламируется под заголовком "OVER THE TOP-FOR WHAT?". Ее начал негритянский оратор по имени достопочтенный Маркус Гарви. Он основал общество, известное как "Всемирная ассоциация улучшения негров", в котором сейчас состоят более двух миллионов человек в Америке, Африке и Индии. Это воинствующая организация. Но ее члены, безусловно, полезны как готовая к вложению средств публика, которую можно убедить вложить свои деньги в целый ряд негритянских предприятий, таких как "Корпорация негритянских фабрик", "Вест-Индская торговая ассоциация Канады" и, конечно же, "Блэк Стар Лайн". У ассоциации есть свой орган - "Негритянский мир", а собирается она, если говорить о Нью-Йорке, в месте, которое в народе называют "Церковью метро", между Седьмой и Леннокс-авеню. Белые здесь не нужны, да и не допускаются, но толпы настолько

огромны, что можно проскользнуть внутрь. Музыкальные композиции чередуются со страстными ораторскими выступлениями. Неважно, лопнет ли это, как мыльный пузырь, надутый коммерцией, водой и воздухом гуманизма, и не подведет ли это участников, или это здраво и искренне, но это, по крайней мере, поучительно и интересно в своем развитии. Лекторы и ораторы выбирают самые большие термины для размышлений и представляют себе четыреста миллионов цветных братьев по всему миру. Предстоит даже создать всемирный съезд.

Как *"Ярмут"* справлялся с остальным "мокрым грузом" во время своего шестимесячного путешествия, не разглашается, но негры приветствовали успехи судна как "дипломатический триумф", а когда оно вернулось в Нью-Йорк, было объявлено о вступлении 25 000 новых членов. Пять тысяч на Кубе, две тысячи пятьсот на Ямайке, восемь тысяч в Панаме, семь тысяч в Бокас-дель-Торо и Порт-Лимоне; персонал судна и его "послы" были торжественно встречены по возвращении. Все выступали с речами, и всех встречали с величайшим энтузиазмом. Так, в "Звездном казино" один из послов описал прибытие на Ямайку:

"Наконец-то мы увидели изумрудный остров в Карибском море - этот прекрасный остров, который вечно зеленый, этот чудесный остров Ямайка; и остров Ямайка действительно дорог мне. Я с удовольствием наблюдал за людьми, которые толпились у причала, чтобы увидеть наш пароход, первое судно компании Black Star Line. Я слышал "ура" и "гудза", когда он величественно пробирался к Порт-Ройалу. Мы взяли на борт нашего негра-лоцмана, который ввел нас в гавань Кингстона, одну из лучших гаваней мира. Пока мы плыли, жители Кингстона бежали по улицам, чтобы увидеть *"Ярмут"*. Мы подплыли к причалу, и они поднялись на борт. Они не стали дожидаться приглашения в капитанскую каюту, а поднялись в рулевую рубку, зашли в штурманскую, вторглись во все помещения судна..... На вторую ночь после нашего прибытия был устроен грандиозный прием".

Везде, куда бы ни прибывал, корабль устраивал триумфальный вход. В одном из портов, где с корабля были сброшены канаты, негры схватили их, подтащили к причалу фруктовой компании, а затем руками протащили само судно по всей длине причала. Такого еще никто не видел, но негры хотели потрогать его руками - свой собственный корабль.

Это было сугубо новосветское плавание, причем сравнительно легкое, с большим количеством пассажиров и грузов. В народе кричат, что нужно больше кораблей и больше предприятий, и если у компании все получится, то Африка, несомненно, увидит, как она сама приплывет к нам на волнах. Не исключено, однако, что белые африканцы окажутся более враждебными, чем жители спокойных государств Южной Америки и Индии. Новость о негритянской линии, несомненно, очень воодушевляет всех разумных цветных людей.

То, что в действительности является Черным Интернационализмом, пока еще с трудом осознается, особенно Великобританией. Все, что говорится против негров, находит отклик у огромного числа образованных и умных цветных людей. Так, слова германофила Э. Д. Мореля используются для возбуждения масс против Великобритании. По мнению Мореля, негры: "Результаты внедрения чернокожих варваров в европейские сообщества неизбежны..... Африканец - самый развитый в сексуальном отношении из всех В сексуальном плане они необузданны и необузданны. Это совершенно хорошо известно..... Для рабочих классов ввоз негров-наемников сотнями тысяч из сердца Африки для сражений и исполнения вождельных капиталистических правительств в сердце Европы - страшное предзнаменование. Рабочие Британии, Франции и Италии будут плохо себя чувствовать, если позволят этому пройти молча". А когда *"Дейли Геральд"* пишет, что "везде, где есть черные войска, долгое время находившиеся вдали от своих женщин, следует ужасающая

вспышка проституции, изнасилований и сифилиса", это обязательно воспринимается неграми как оскорбление. Негритянский писатель, выразивший протест в хорошо написанном и убедительном письме в эту газету, не получает своего письма в печать, но печатает его в негритянской прессе Америки и спрашивает: "К чему этот непристойный маниакальный выпад о сексуальности черных мужчин в пролетарской газете?"

Если происходит расовый бунт, как в Кардиффе или Ливерпуле, или выдвигается план лишения скваттеров Родезии большей части их земли, или генерал Дайер расстреливает из пулемета толпу гражданских лиц во имя поддержания порядка в Индии - абсурдно думать об этом на местном и провинциальном уровне. Этот вопрос обсуждается во всем мире. Невозможно действовать так, как если бы у этих рас не было коллективного сознания.

Вот так выглядит точка зрения мира за пределами Америки. Есть и другая точка зрения, которая, возможно, ближе к тем темам, которые специально рассматриваются в этом томе. То, что мир делает с туземцем и говорит о нем, известно в Америке. У Америки есть возможность помочь коренным расам темного цвета кожи по всему миру, и многие американцы, как белые, так и темные, готовы это сделать. Но есть одна очень серьезная трудность, и это моральная санкция.

Пока происходят такие вещи, как сожжение негров на костре и отказ им в справедливом правосудии настоящего суда, Америка не имеет права говорить; ее поистине великий идеализм становится почти полностью бессильным. То же самое было с провозглашением Лиги Наций и идеей помощи малым нациям; то же самое происходит с американским вмешательством, во имя прав человека и идеалов, в ирландский вопрос. На это всегда можно возразить: Почему вы не позаботитесь сначала о своих собственных подданных и не спасете своих негров? Один американец сказал мне в Филадельфии: *"Я не слишком люблю большевиков, но одно меня радует - красная рука царя больше никогда не будет править"*.

Нет?

А другой сказал: "Слава Богу, погромы закончились".

Правда?

А третий сказал: "Мне жаль, что Америка отказалась взять мандат для Армении".

Но почему бы не взять мандат для Джорджии и Миссисипи?

В 1919 году, когда обсуждался вопрос об американских делегациях в Ирландию, один из членов британской Палаты общин спросил, нельзя ли отправить в Америку британскую делегацию для изучения условий жизни негров.

Мистер Бонар Лоу счел это предложение очень юмористическим. Сам юмор был достаточным ответом Америке. Британии нет нужды посылать следователей.

До тех пор пока Америка со своими идеалами остается сама собой, негритянский вопрос является исключительно ее делом. Но когда она взяла на себя моральное лидерство в цивилизованном мире, он стал в определенной степени делом каждого.

Дело в том, что Америка в целом не может позволить себе терпеть то, что делается на местах в отдельных штатах. Речь не идет о невмешательстве Вашингтона в местные дела Джорджии, Миссисипи и других штатов. Злодеяния, происходящие в этих штатах, лишают американцев

в других штатах их доброго имени и портят репутацию Америки в мире. Тот факт, что условия Конституции не выполняются, снижает во всем ценность американского гражданства. А разрастающийся скандал приводит к тому, что мнение Америки в мировой политике серьезно снижается.

Таким образом, хотя Америка с антипатией относилась к старому царскому режиму и до сих пор говорит о "кровавом царе", с каждым днем становится все более очевидным тот факт, что по сравнению с нынешним режимом великой республики власть царя над подвластными ему расами была в некотором роде лучше. С другой стороны, американская пресса в последнее время наводнена зверствами большевиков. Дело в том, что мы, все мы, охотно верим в зло далекой страны, но не готовы встретиться со злом вблизи дома, когда оно касается нас самих.

Таким образом, этот вопрос затрагивает весь мир и Америку. Есть и третий интерес, и он касается исключительно самого негра. Ему нужна гарантированная хартия, подтвержденный минимум. Если ему нельзя дать право голоса, пусть у него будет хотя бы правосудие; если его нельзя принять в профсоюзы, пусть его труд будет адекватно защищен; если преступление против белой женщины считается особо ужасным и опасным, пусть наказание будет ужесточено; обеспечьте защиту и его женщинам. Если белые изменили свое мнение о рабстве, пусть они заявят, насколько они его одобряют и каковы его пределы. Пусть Американская республика и Британская империя изложат свою политику в отношении цветного населения. Пусть она будет ясной и очевидной.

Главная опасность для негра заключается в консенсусе злого мнения о нем. Юг радуется, когда расовый бунт позорит какой-нибудь северный город, и говорит: "Они начинают понимать, что негр там не ангел". Когда генерал Дайер использует пулеметный аргумент или толпа докеров обрушивается на негров-иммигрантов в Кардиффе или Ливерпуле, Америка улыбается и говорит: "Вы тоже?". Когда поступают сообщения о постоянных беспорядках в Южной Африке, кто-то другой говорит: "Значит, вы тоже не можете с ними поладить?", а когда в Джорджии сжигают до смерти одного негра, Южная Африка отвечает: "Значит, вы их сжигаете до смерти, а?".

Из круговорота событий вытекает мысль: *Никто не может позволить себе испытывать добродетель по отношению к неграм.*

Этот факт, несомненно, помогает негритянской прессе в воспевании своих горестей, но не помогает самому негру. На самом деле, он закрывает большую часть надежд, которые можно было бы почерпнуть из сочувствия белых, и угрожает цветным народам в целом худшими вещами. Настали дни демократий и белых пролетариев, и обе они проявляют себя менее дружелюбно по отношению к неграм и "туземцам", чем старые монархии. В основе их враждебности лежит старое невежественное презрение, конкуренция на рынке труда и своего рода страх. Вероятно, со временем ее можно будет преодолеть, но если это произойдет, то не благодаря просвещению белых, а благодаря всемирной организации и пониманию со стороны цветных рас. Ведь пока во всем мире белые несколько деградируют, другие поднимаются. Пропась между ними сокращается, и, возможно, не за горами то время, когда гегемония белых будет утрачена.

ВВЕРХ ПО МИССИСИПИ

Из Нового Орлеана я отправился вверх по Миссисипи, заезжая в такие характерные пункты, как Резерв, Виксбург, Гринвилл, Маунд-Байу, Мемфис, совершая путешествие частично по железной дороге, частично на лодке. Резерв - это огромная сахарная плантация, принадлежащая пяти братьям. Она находится всего в тридцати милях от великого города, и белые здесь в основном креолы. Мать рек, одетая в коричневый шелк, течет навстречу зеленым горбам сотен дамб и насыпей. Берега низкие и ровные, и почти у самой кромки воды растут обширные, тесные, высотой в десять футов джунгли сахарного тростника. Вы идете по верху дамбы, пока не видите дорожку, идущую через плантацию, словно прорытую в ней траншею. В самом переулке не видно ничего, кроме ровной зеленой стены тростника по обе стороны и голубого неба над головой. Под ногами - колеи от телег и засохшие стебли сахарного тростника, ставшие фиолетовыми на стыках и соломенного цвета на боках. Возьмите стебель и сломайте его поперек, и он разломится на куски, как бамбук, обнажив внутреннюю толщу сладкой сердцевины, которую вы можете сосать, если захотите, ведь это сахар. Он обладает сладостью, которая быстро приедается непривычному вкусу, хотя сельские жители сосут его постоянно, и многие считают натуральный сахар источником здоровья. Вкус очень хорошо передается в *пralине*, которым гордится Новый Орлеан.

Это длинная и новая дорожка через сахар! Негр-рабочий, идущий по дороге, видит белого человека, но не хочет с ним встречаться, делает три шага в темно-зеленую глубину, пробирается внутрь, как через множество едва закрытых дверей, и пропадает. Вы напрасно будете искать его, если он захочет спрятаться.

Переулок сворачивает на залитую солнцем, наполовину расчищенную площадку, усыпанную поваленными тростниками, похожими на воинов, замерших после великой битвы; ведь сейчас зима и время сбора урожая. Банды негров с грубыми ножами, похожими на мясорубки, срезают боковые листья с тростника, а затем режут, режут и режут, по всей плантации, с радостным шумом, и множество смуглых девушек в соломенных шляпах методично и ритмично работают от плеча и груди, нанося удары, подрезая, валя, как бы автоматически, неуклонно. Они врываются и врываются, все шире расстилая ковер из тростника у себя в тылу, но стена, которую они атакуют, в десять раз плотнее самого густого кукурузного поля и в два раза выше. Хозяин или надсмотрщик, верхом на лошади, стоит рядом и резко обращается к рабочим на французском *наречии*. Он может быть белым креолом, но чаще всего он такой же темный, как и его банда. Там, где сахар не растет, за пределами плантаций, если идти так далеко, природа кажется утопающей в болотах и кишашей змеями. В низких джунглях над болотами Миссисипи водится множество аллигаторов и других рептилий.

На поляне, где собирают сахар, можно присесть на торос и увидеть плантацию в целом. День выдался безоблачный, с легкой дымкой на голубом небе. Солнечное тепло скрашивается восхитительным воздухом, который все время движется, словно невидимая река здоровья и бодрости. В мириадах тростников слышится шепот, и вы слышите, как режется и клокочет все время идущая рубка. С одной стороны - примитивные хижины негров, похожие на раздевалки, с другой - высоченный нефтеперерабатывающий завод из белого гофрированного железа, со множеством труб и кранов. Завод, работающий на электричестве, получаемом из реки, перерабатывает весь местный тростник, а также импортирует большое количество сахара-сырца, привезенного с Кубы. На Миссисипи идет забивка свай, и скоро здесь появится посадочная площадка, к которой смогут подходить

сами кубинские пароходы. Луизианский тростник красный, а кубинский - желто-зеленый, и последний намного слаще. На плантации, где расчищен изрядный участок земли, работает моторный плуг с огромными шипованными колесами, переворачивая черную землю под сахарные семена на следующий год. У тростника на каждом суставе есть глазок, глазок - это семя, из него прорастает растение будущего года, растущее под прямым углом к старому тростнику в земле. "В феврале, - говорит молодой креольский пахарь, - молодые растения нужно выкопать и пересадить". Работа идет непрерывно круглый год".

Я продолжил свой путь вверх по Миссисипи на старом, разбитом пароходе с удивительно высоким, деревянным, капающим и брызгающим веслом. Раньше путешествовать на лодке было излюбленным способом передвижения, но новые железные дороги на каждом берегу великой реки убили водное сообщение, забрав все крупные грузы. Перемещаться по Миссисипи только для пассажиров не представляется выгодным предприятием. Поэтому осталось всего несколько речных пароходов, которые вынуждены заходить в самые мелкие и малоизвестные прибрежные места и лагеря лесорубов и редко могут пройти больше сорока или пятидесяти миль в день. Мало кто будет ехать в Мемфис неделю, или десять дней, или две недели, или сколько угодно, когда локомотив сделает это за двадцать четыре часа. Поэтому пассажиры сидят в душных поездах, слушая *vers libre* человека, который низким голосом предлагает: *жевательную резинку, сигареты, кока-колу со льдом*; а страна кружится мимо них, не принося прибыли. Тюки хлопка, которые раньше тысячами спускались вниз по течению на речных пароходах, теперь тесно упакованы в железнодорожные грузовики; а патока теперь идет не в бочках, а в огромных железных цистернах на колесах. Поэтому на могучей реке мало транспорта - она более счастливая и свободная, скорее такая, какой она была в прошлом, с небольшим количеством пароходов, барж, плотов - вместо них лишь случайные гребные лодки и паром. Вода коричневая, огромная и спокойная, она течет по многим руслам за лесистыми островами, за обширными, болотистыми развилками и языками материка. Она цвета кофе-о-лайт, и тени мягко ложатся на нее. На берегах и островах в воде растут ивы, и в тени или при солнечном свете вода нежно огибает многочисленные стволы деревьев или замирает под зеленой тенью ветвей. Это великий, запутанный, неизведанный лабиринт вод, и сейчас вы видите его без прикрас и прелести, без рекламы на берегах и без грубых напоминаний о нашей цивилизации - Миссисипи такой, какой она была, когда мы впервые ее увидели. Я путешествовал на лодке под названием "*Сенатор Кордилл*", и мы проходили едва ли тридцать миль в день, так много было остановок, так много было аварий. Это стоило чуть больше доллара в день, включая питание, и было ближайшим приближением к подарку. На корабле работала пестрая банда цветных рабочих, которые периодически таскали груз на своих спинах, выбивая пыль из длинного деревянного трапа, по которому они топали со своей ношей. Деревянное колесо высотой в десять футов пришло в негодность, и в одном из прибрежных городков, где мы остановились, цветные плотники прилаживали к нему новые деревянные детали, а негры с накрашенными черепами подгребали к борту уголь из зажигалки. У нас было три деревянных палубы, на которых перевозились небольшие грузы для крошечных городков в Луизиане, штате Миссисипи и Арканзасе. В каютах стояли огромные семейные кровати, а на дверях не было замков. Когда отремонтировали колесо и пришло время отплывать, негритянская команда массово дезертировала, а капитан с незажженной сигарой, которую он весь день сворачивал и раскусывал во вместительном рту, стоял на берегу и приставал ко всем подряд, умоляя подняться на борт и работать на корабле. Тем временем в причальной хижине негритянские девушки "шикали", принося еду для своих цветных мальчиков, а наша бывшая команда пела и кричала. Только на следующее утро мы собрались с силами, и на туманном рассвете, когда река была настолько тихой, что казалась сплошным ледяным покровом, мы подняли якорь и снова погрузились в воду. По течению плыли целые деревья, и наше колесо

могло легко задеть одно из них и снова сломаться. Мы сели завтракать, восемь пассажиров: один - судья, другой - окружной прокурор, третий - агент по лесозаготовкам, остальные - женщины. Столовый фарфор был разных форм и размеров, а на было всего три чайные ложки, поэтому остальным пассажирам подали столовые ложки для кофе.

Судья Т... настаивал на чайной ложке у цветной девушки, которая нас обслуживала, но был вынужден довольствоваться положенной столовой ложкой.

"Чайные ложки - это страшно", - сказала она.

Мы останавливаемся в различных "местах высадки", пунктах, ручьях и изгибах, причем лодка обычно подходит близко к берегу. Выбрасывается длинный настил, а затем негры-"ростеры" начинают выгружать всевозможные товары - в одном месте это материалы для строительства церкви - и приносить обратно тюки с хлопком или что-то еще, что может нас ждать. На это зрелище можно смотреть завороченно часами, потому что негры идут в ногу и, кажется, слушают неслышную музыку. Они покачиваются на плечах, отталкиваются гибкими коленями и, то ли делая длинные шаги, то ли отмечая время, идут в унисон со всеми, их головы склонены, глаза полузакрыты и обесцвечены какой-то внутренней озабоченностью. Они одеты во всевозможные поношенные одежды: у одного сиреневая шляпа, у другого старый халат, другие одеты в неряшливые синие комбинезоны, на некоторых потертые кубинские шляпы, и они идут, визжа, напевая и уворачиваясь от ударов по голове, но всегда в ногу с танцем. Капитан, со вчерашней незажженной сигарой, застрявшей в боку его месяца, дает указания по поводу каждого груза, используя прекрасные выражения для оскорбления и иным образом "поощряя" "черномазых". Глядя на "рустеров", легко понять, что танцы определенного рода врождены негру и исходят от него. У него есть врожденное чувство биения времени, которое мы называем ритмом. Оно настолько преувеличено, что нелепо выпирает вместе с животом и нелепо управляет его покачивающейся головой, носом и опущенными глазами. Он выглядит дикарем, но он околдован. Он совершенно неграмотен и по большей части неинтеллигентен, но он решил проблему переноски огромных тюков хлопка на корабль, обеспечив ритмичный физический поток, по которому они должны течь. Для белых людей, лишенных ритма, это не составляет и половины усилий.

Одна из причин, почему негры так хорошо боксируют, заключается в том, что они делают это в той же ритмичной манере, в которой перемещают эти тюки с хлопком.

Сейчас они начинают петь, пока поднимают якорь, а проплывающая мимо нас лодка с неграми-гребцами тоже напевает яркую, жесткую, ритмичную музыку. Эти люди понимают музыку и время телом, а не умом. В их крови и нервах есть сознание темпа.

Многочисленные остановки в штате Миссисипи позволяют сходить на берег, собирать орехи pekan, разговаривать с неграми у дверей их хижин. Белых людей здесь не встретишь. Вдоль Миссисипи находится настоящий "черный пояс". Согласно переписи населения, негров здесь явное большинство. Это вызывает у белых постоянную тревогу. Преобладает мнение, что чернокожего можно удержать на месте только террором. Что касается этой точки зрения, то белые превыше всего ценят солидарность мнений. Они считают, что не могут позволить себе обсуждать этот вопрос, и не потерпят никаких расколов. В политике все, конечно, демократы, и если американская демократическая партия в целом гораздо меньше подвержена "расколам", чем республиканская, то во многом благодаря дисциплине черного пояса.

"Они превосходят нас числом десять к одному", - говорит агент по лесозаготовкам, характерно преувеличивая. "Дошло до того, что они вытаскивают белых женщин из своих домов. Это происходит каждый день".

Я не мог в это поверить.

"Но если негр нападет на белую женщину в этих краях, его непременно линчуют, и он это знает", - сказал я.

"Да, это единственный способ".

"Но не каждый же день здесь линчуют?"

"Нет".

"Значит, на самом деле нападений на женщин не так уж много".

Но дневной мотылек его мысли не желал попадаться в логические сети.

"Вы когда-нибудь видели мужчину в смоле и перьях?" спросил я окружного прокурора.

"Нет, но я видел, как одного линчевали, и помогал линчевать его", - ответил он.

"Но линчевание не очень хорошо для юридического бизнеса", - рискнул я.

Он сразу почувствовал себя взволнованным.

"Для негра это не имеет никакого значения", - сказал он. "У него нет души. Они не попадают ни в рай, ни в ад".

"Как вы это понимаете?"

"Они просто животные", - сказал он. "Их никогда не было в Эдемском саду, потому что Адам и Ева были белыми. Следовательно, поскольку они не причастны к первородному греху, то и в нашем спасении не участвуют. Христос пришел не для того, чтобы спасти тех, кто никогда не отпадал от благодати".

"Я никогда не слышал этого раньше", - сказал я и был так сильно развеселен, что не мог не показать этого.

После этого адвокат обратился ко мне с библейским доказательством. Сыновья Каина, оказывается, брали себе жен из дочерей человеческих; эти другие люди не происходили от Адама и, вероятно, были неграми - адвокат был совершенно серьезен. Судья же, которому мы передали дело, был циничного склада ума и от души посмеивался. "Я подписчик иностранных миссий", - сказал он. "Если у них нет Адама за отца, зачем мы посылаем миссионеров в Африку?"

Одним из главных мест, которые я хотел посетить, был негритянский город Маунд-Байю в дельте Миссисипи. В самой черной части штата Миссисипи находится город, который полностью состоит из негров, имеет негритянского мэра, негритянских полицейских и вообще не имеет жилья для белых людей. Я останавливался там на одну ночь в негритянской гостинице, где старые обои сотнями отслаивающихся полос висели на стенах, а в спальне все было сломано. Это музыкальный город, весь в звуках банджо и медленном грохоте граммофона. Здесь много увеселительных заведений - Лицей, Казино, кафе "Бон-Тон" (с

джазовой музыкой), ресторан "Лак Коулз" и т. д.; можно увидеть множество реклам менестрельных шоу. Но это рабочий город, и сейчас, с высокими ценами на хлопок, он ощущает настоящее процветание. Он расположен на богатой земле Дельты, очень малярийной и кишасей змеями, а потому не очень подходящей для белых людей, но в этом районе производится хлопок самого высокого качества в Соединенных Штатах. Это в некотором роде город одного человека, и больше всего он обязан Чарльзу Бэнксу, одному из тех приятных и талантливых африканских гигантов, которые, подобно доктору Мотону и другим, обладают неожиданной способностью к величию. Благодаря его энергии, спокойной прозорливости и его деньгам появились джинны, хлопково-масляный завод, негритянский банк и, возможно, местная газета и та или иная церковь.

В Маунд-Байоу нет сегрегации и расовых проблем, и негры показывают, как счастливо они могут жить, когда их не трогают. Это тип поселения, который стоит поощрять. Главным интересом города сейчас является строительство "объединенной школы". Все маленькие школы должны быть снесены, а деньги подписаны на строительство новой красивой школы в современном стиле. Она будет располагаться напротив здания библиотеки Карнеги. Мне было жаль видеть, что последняя лишена книг и используется как воскресная школа, но здание было отдано до того, как город был готов к ответственной работе по организации и управлению публичной библиотекой. В школе для младенцев я пообщался со множеством детей с головами, похожими на шарики, и нашел общий язык в интересе и любви к животным. Мы вместе подражали всем животным, которых знали, и согласились, что никто, кто не любит животных, никогда ничего не достиг в этом мире. Но если они любили своих животных, то должны были любить и учителя. В прекрасной уэслианской церкви я говорил о разнице между *E pluribus unum* и *E pluribus duo*, но это было для взрослых, а они были такими скучными, по сравнению с детьми. Суть, однако, заключалась в том, что, хотя Соединенные Штаты могут не достичь расового единства, их народы, белые, черные, желтые, тевтонские, славянские и прочие, все равно могут быть едины в идеале.

"Мы пытаемся понять красоту чернокожести", - назидательно сказал один из присутствующих. "Невеста Соломона сама была черной", - сказал он.

Маунд-Байоу - гордость Миссисипи, если говорить о черной ее части. Толпы, возникающие при появлении поезда, напоминают аналогичные картины в Африке. Кажется, что Америка исчезла, а вместо нее появилась Африка. Полностью черный Юг или даже полностью черное государство, однако, немыслимы. Белый человек пролил слишком много крови за свои идеалы. Он никогда не сможет легко отказаться от какой-либо его части. Он должен подняться до уровня своих жертв. На мой взгляд, Маунд-Байоу был немного жалким - что-то вроде небольшого заведения женщины, которая рассталась с богатым мужем из-за разлуки или дезертирства. Оно не совсем соответствует природе вещей и больше похоже на мужественный протест, чем на начало чего-то нового. Тем не менее, это символ несовместимости темпераментов.

Многие утверждают, что, будучи предоставленным самому себе, негр скатывается из цивилизации в примитивное состояние лени или дикости, и приводят в пример жизнь на Гаити и предполагаемый провал Либерии. Говорят, что он не соответствует стандартам белого человека, он не такой выносливый, он не хороший организатор и не надежный. Это не совсем так, но доля правды в этом есть. Маунд-Байоу расположен в малярийном регионе, непригодном для проживания белых, но в окружении лучших в Америке земель для выращивания хлопка он должен быть чрезвычайно процветающим. Лучшее, что можно

сказать, - это то, что местные плантаторы находятся в лучшем положении, чем их соседи, смешавшиеся с белыми. В прошлом маленькому городу угрожал полный финансовый крах, и если бы не основатель, мистер Монтомери, и его финансист, мистер Бэнкс, большая часть собственности наверняка перешла бы в руки белых. Судя по всему, негр нуждается в достойном сотрудничестве белых в бизнесе, и смешанные коммерческие отношения лучше, чем сегрегированные. Трудность заключается в том, чтобы найти добросовестных белых бизнесменов, которые понимают, что процветание негра того стоит. Основная идея белого бизнесмена - одурачить негра и эксплуатировать его до последнего пенни.

В Маунд-Байоу есть свои негритянские скупщики хлопка, которые дают за него справедливую цену. Но негр-плантатор с огромным трудом может получить от белого покупателя истинную рыночную цену, и редко какой домовладелец, получающий тюки хлопка в качестве арендной платы, примет во внимание повышенную цену на хлопок, даже если предполагается, что это повышение обусловлено в первую очередь малым урожаем. Там, где белый человек контролирует ситуацию, негр, правда, производит больше, потому что вынужден жить, но тем не менее он - жертва систематизированного мошенничества, и он это знает. Это вызывает растущее недовольство среди чернокожего крестьянства, и мне постоянно об этом рассказывают.

Один из самых страшных бунтов 1919 года произошел на другом берегу реки - в штате Арканзас, в городе Элейн. Он также находится в этом так называемом регионе Дельты. В основе бунта лежала экономическая проблема. Белые покупатели и домовладельцы постоянно обманывали негров в деревне, не обращая внимания на возросшую стоимость хлопка. Хлопок вырос в цене с довоенных десяти центов за фунт до двадцати восьми центов в 1917 году и фактически до сорока центов в текущем году. Раньше неграм обычно внушали, что они всегда в долгах за свои "пайки" или арендную плату. Политика белых заключалась в том, чтобы держать негра в долгах. Никогда не было принято выставлять ему счета или спорить с ним, когда он требовал больше, чем ему выдавали.

"У вас был отличный урожай - вы почти в полном порядке", - было обычным приветствием осенью 1919 года.

Но при обильном урожае хлопка в Дельте и четырехкратном росте цен можно представить себе недовольство негров. Оно было сильным и росло.

Есть две версии его исхода. Согласно одной из них, фирма белых юристов обратилась к некоторым негритянским плантаторам с идеей передать дело в суд и посмотреть, что можно получить в качестве компенсации. Согласно другой версии, негры "собрались вместе", организовали организацию под названием "Прогрессивный союз фермеров, ", которая затем обратилась к фирме адвокатов за свой счет. Я склоняюсь к тому, что первый вариант более вероятен. Белая фирма решила, что можно заработать на борьбе с негритянскими исками. Некоторые из негров были согласны передать дело в федеральное Большое жюри и обвинить белых в нарушении Пятнадцатой поправки к Конституции.

Негры, несомненно, были смелыми, проводили публичные собрания и использовали достаточно бравады, чтобы встревожить местное белое население. От фермы к ферме поползли слухи, что негры замышляют восстание. Кто-то обнаружил кучу винтовок, сложенных там, где они были оставлены и забыты, когда перемирие прервало бурение. Это придало идее необходимую окраску. Кроме ржавых винтовок, негры, как видно, не обходились без огнестрельного оружия того или иного вида. Негр любит оружие, как

восточный человек любит драгоценности. Дробовики и револьверы в изобилии можно найти в хижинах цветных деревенских жителей. Белые выставили *провокатора*, как перед погромом в России. Он начал беспорядочно стрелять по неграм на улицах Элейна. Затем двое белых чиновников попытались ворваться на собрание негров, прибегли к оружию и получили ответную стрельбу. Один из белых был убит, другой ранен. С этого начались трехдневные разрушения в округе Филлипс. Все негритянское население было согнано белыми войсками и фермерами с винтовками. Против воображаемой черной армии даже были пущены в ход пулеметы. Огромное количество негров было помещено в острог под военный арест, многие были убиты, многие ранены. А триста человек были посажены в тюрьму и обвинены в бунте и убийстве. Ни один белый не был арестован. Губернатор, некий мистер Броу, был в значительной степени ответственен за такой метод расследования предполагаемого заговора негров с целью восстания. Все происходившее было поразительно безобразно, и за этим последовали десятиминутные судебные процессы перед исключительно белыми присяжными и быстрые приговоры к казни на электрическом стуле для некоторых негритянских заключенных и к длительным срокам каторги для других. Бунт и судебные процессы настолько возмутили негров по всем Соединенным Штатам, что, несомненно, можно было бы назначить федеральную комиссию из беспристрастных людей для расследования всего этого дела, как его начала, так и военной кульминации и последующего суда и наказания. Как бы то ни было, хотя губернатор Броу говорит неграм: "Вы планировали восстание", и хотя белые жители Элейна могут чувствовать себя счастливее и в большей безопасности, очевидной истиной является то, что белое население других штатов не может чувствовать себя более защищенным из-за этого, и что негры в других районах чувствуют себя менее защищенными - они чувствуют необходимость вооружаться. Это привело к значительному росту общественной незащищенности. Возможно, из-за этого бунт обсуждался больше, чем другие беспорядки. Несколько шокированный и взволнованный, губернатор, который, вероятно, является энергичным деловым человеком и ничуть не похож на одного из тех невротичных губернаторов российских губерний, которые встречаются в сказках А.И. Бодрова, созвал собрание. Около четырехсот белых и прирученных негров были собраны вместе, чтобы выяснить, что можно сделать для улучшения расовых отношений. Это произошло через месяц после этих событий.

Мемфисская газета *Commercial Appeal* сообщает о выступлении губернатора:

"Эта встреча была созвана для того, чтобы поговорить по душам об отношениях между белыми людьми и неграми штата. Эти отношения стали напряженными, особенно после недавнего восстания в округе Филлипс. Я говорю "восстание" осторожно и без оговорок, потому что это было восстание, и восстание проклятое.

"И в самом начале я хочу сказать, что Арканзас собирается сам решать свои проблемы. Я не собираюсь ехать в Нью-Йорк или в Топику, штат Канзас. Когда мне нужен совет от негров, я буду просить его у арканзасских негров, а когда мне нужен аналогичный совет от белых людей, я получу его от белых людей Арканзаса.

"Я также хочу сказать, что не намерен запугивать себя какими-либо публикациями или письмами, которые я могу получить. Я уже получил несколько писем, в которых говорилось, что если я позволю казнить этих двенадцать негров из округа Филлипс, то на меня будет совершено покушение. В одном из писем содержался грубый рисунок гроба, который представлялся как мой собственный на случай, если негров казнят на электрическом стуле. Сегодня я получил одно письмо, в котором говорилось, что весь город Хелена будет сожжен,

если эти негры пойдут на смерть. Но я повторяю, что в этом вопросе меня не запугает никакое внешнее влияние. Наши собственные вопросы должны решаться в границах нашего штата, и я считаю, что в штате недостаточно представительных негров, чтобы сделать это".

Так сказал губернатор, но это скорее вопрос, сможет ли в наши дни Лиг Наций, Альянсов и "симпатий" такой штат, как Арканзас, частично омываемый великой рекой, жить полностью в своих границах и без внешнего влияния.

Могучая Миссисипи несется вперед, неся к морю лонжероны и песок половины американских штатов. И после резни в Элейне в течение нескольких дней трупы негров выбрасывало на другие берега. Это были печальные вестники на реке Времени.

XVI

В ВИКСБУРГЕ

Полагаю, не многие совершают паломничество по Америке: высаживаются в Новой Англии вместе с пуританами или плывут по реке Джеймс вместе с кавалерами, задумчиво задерживаются на горе Вернон, рассматривают Бостонскую гавань и налог на чай, останавливаются у Банкер-Хилла и так далее - или посещают Самтер, где южане срывали звезды и полосы, а затем совершают экскурсию по войне, которая последовала за этим. Стоит немного подумать в Геттисберге и снова подумать в Джорджии, идя к морю вслед за генералом Шерманом. Ни одно такое паломничество не будет полным без поездки по великой материнской реке Америки, и мне пришло в голову, что подходящим местом для завершения паломничества по Югу может стать Виксбург с его огромным Национальным кладбищем погибших во время Гражданской войны. Это одна из самых замечательных военных святынь в любой стране. Но, кроме того, это торжественное напоминание о крови братьев, которая может быть пролита из-за гордости и тщеславия сердца, а также из-за упрямого отказа одной части нации следовать за путеводной звездой целого.

Виксбург - красивый город, построенный на крутом утесе, постоянно попадающий в поле зрения широких, коричневых, пассивных потоков Дельты и полос леса, разделяющих их воды. Над всем этим возвышаются прекрасные лужайки и террасы Национального кладбища, поднимающегося с берега Миссисипи, и мертвые лежат на виду, как бы на фоне широкой красоты реки. Шестнадцать тысяч американцев освятили эту землю. В основном они принадлежат к армии Гранта, но помимо них есть еще одно захоронение, где покоятся многие из его врагов. Ни одно вульгарное объявление не предупреждает вас о том, чтобы вы не собирали цветы. Собирайте, если хотите. Но повсюду разбросаны стихи и молитвы, и все равно, проходя, вы останавливаетесь и читаете, останавливаетесь и снова читаете...

На вечном привале славы

Раскинулись их молчаливые шатры,

И слава торжественно охраняет

Бивуак мертвых.

На крошечных кубиках из белого мрамора указаны номера, имена и полки солдат. Сейчас это почему-то напоминает великие кладбища Франции.

Могучий отряд, сверкающий клинок,

Волнующие звуки горна,

Атака, грозная канонада,

Грохот, крики, все в прошлом,

гласит следующая доска объявлений. И все же, разве это прошлое? Разве они не продолжают до тех пор, пока остается дело, за которое сражались солдаты?

Они сражались за единство. Они сражались и за свободу. Они должны были сделать то, что фанатичный старик Джон Браун намеревался сделать в Харперс-Ферри, - попытаться освободить землю от того, что было мерзким в глазах Господа. Они стремились сделать это праведной силой. Они стали мучениками на алтаре своей страны. И, несомненно, страна любила их за преданность. Ни одна страна не чтит больше своих героических погибших, чем Америка. Погибнуть за Америку - не значит погибнуть за нее. Дым все еще поднимается к небесам, где были убиты ее люди, и он будет подниматься до тех пор, пока их дело не будет полностью оправдано.

Внизу, в городе, на углу улиц Клей и Фармер, в прошлом году сожгли негра до смерти, подвесив его к дереву над медленным огнем. Как сообщает вечерняя газета, "плоть на теле начала сморщиваться и покрываться волдырями. Лицо негра ужасно исказилось от боли. Он принял молитвенную позу, подняв ладони вместе".

Когда жертва была мертва, главарь толпы крикнул: "Ну что, ребята, повеселились?". И они зарубили его.

Этот негр вместе с Джоном Брауном, раскаявшимся вором и многими другими подобными людьми находится в раю. Но те, кто совершил это преступление, прокляты. Негры бегут из Висксбурга с того самого страшного дня. Но на этих больших кладбищах остаются мертвецы старой войны. Что-то изменилось: дети рабов стали свободными, но дети тех, кто раньше был хозяином, по-прежнему время от времени берут негра и сжигают его до смерти.

Я сидел на пирамиде газона и смотрел вниз на реку. Там грохотали лесопилки. Мимо с воем пронесся поезд из Мемфиса, а затем с мелкой суматохой по дороге внизу проехал электрический троллейбус из Висксбурга. Мир продолжался в кажущемся спокойствии. Толпа негров-рабочих, державшихся друг за друга, пела по дороге. В любом случае они не были рабами. У них была жизнь, зачатки новой жизни. Пусть это было сопряжено с серьезными опасностями, мешали предрассудки, ненависть и тысячи трудностей - тем не менее это была новая жизнь. А те, кто умер, чтобы подарить ее, лежат в этих тихих могилах, пока река жизни течет мимо. Они не хотели, чтобы дар свободы был запятнан. Большинство из них готовы были бы умереть снова, чтобы завершить свой дар. И сам Джон Браун, если бы он появился вновь, не был бы услажден тем, что он видел, что происходит в мире. Его душа идет вперед, но это по-прежнему душа мести и гнева.

ССЫЛКИ:

[1]

Лучшие мужчины, 18-25 лет	\$1,200	-	\$1,300
Справедливые мужчины	950	-	1,050
Мальчики	375	-	950
Молодые женщины	800	-	1,000
Девушки, 5 футов.	750	-	850
" 4 фута 9 дюймов	700	-	750
" 4 фута.	350	-	450

- "Путешествие по морскому побережью рабовладельческих штатов", Ф. Л. Олмстед.

[2] "Два года на георгианской плантации", Фрэнсис Кембл.

[3] "Мемуары Шермана".

[4] Полевые приказы 119 и 120, в сокращении.

[5] "Миграция негров в 1916-17 годах", правительственная типография, Вашингтон, 1919.

ПРИМЕЧАНИЯ ТРАНСКРИПТОРА:

-Очевидные опечатки и пунктуационные ошибки были исправлены.

-Переводчик этого проекта создал изображение обложки книги, используя титульный лист оригинальной книги. Изображение помещено в общественное достояние.